

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2022 Том 27 № 4

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Маркова Е.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ассистент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: glazkova1992@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиакоммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2022. Выход в свет 30.12.2022. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 17,85. Тираж 500 экз. Заказ № 1235. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2022 VOLUME 27 NUMBER 4

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina A. Markova, PhD in Philology, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, lecturer, Department of Russian and Foreign Literature at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
E-mail: glazkova1992@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

**RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, DOAJ, EBSCOhost, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Цзоу В., Коломыцева О.Н.** Парадоксы хронологии в романе «Доктор Живаго»
Б.Л. Пастернака 651
- Ильиных А.В.** Плод райского древа: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова ... 660

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Дубаков Л.В.** Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» 669
- Нечаева А.Л.** Деструкция толерантности в пьесе Олжаса Жанайдарова «Алдар» 677
- Хэ Ц.** Картина мира в романе Ю. Полякова «Советство» 686
- Корочкина Д.Н., Коваленко А.Г.** Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой 695

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Кешарпу Е.В.** Джек Лондон и Джордж Бретт (Macmillan): экономика и этика «одного из величайших союзов писателя и издателя» 706
- Prathap Chandran R., Kumaresan P.** Gynocentrism in Langston Hughes selected poetic works (Гиноцентризм в избранных поэтических произведениях Лэнгстона Хьюза) 716
- Тянь Ф.** Цань Сюэ: поэтика антиэстетики 726

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ

- Пынина Т.Ю.** Hétfői Hírek – «газета-заменитель» в системе венгерской прессы 735
- Баканов Р.П., Аль-Баидхани В.А.С.** Проблематика статей и специфика творческого стиля иракского публициста Рафаэля Бутти 745

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА

- Слободянюк Н.Л.** Мифологизация художественного текста в социально-информационном пространстве 757
- Ефанов А.А.** Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения 767
- Баранова Е.А., Лаврова К.А., Чебаненко В.В.** Американский молодежный сленг в российских медиа 775

МЕДИАПОЛИТИКА

- Скворцова Н., Волкова И.И., Сихарулидзе А., Абазов Д., Довлатова А.** Формирование предвыборного политического дискурса в аудиовизуальных СМИ Грузии 788

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

- Уразова С.Л., Громова Е.Б., Кузьменкова К.Е., Митковская Ю.П.** Аудиовизуальные медиа в вухах России: типология и анализ контента 808

ИГРОВЕДЕНИЕ

- Pugachev A.A.** Analysis of Russian and global game studies: ludology vs. narratology (Анализ российских и глобальных исследований игр: игровая механика и развитие нарратива) 823

РЕЦЕНЗИИ

- Темиршина О.Р.** Библиейский код в лирике Башлачёва. Рецензия на книгу: *Гавриков В.А.* Эсхатология Башлачёва: монография. М. – Калуга – Венеция: Bull Terrier Records, 2021. 260 с. 833
- Куликова Э.Г.** Медиатекст: нужна ли смена исследовательских и лингводидактических парадигм. Рецензия на книгу: *Panasenko N., Greguš L.* Media text in the mirror of linguistics. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s., 2022. 166 p. 838
- Шилина М.Г.** Высший пилотаж в рекламе: парадигмы и парадоксы. Рецензия на книгу: *Intartaglia J.* La pub qui cartonne! Les dessous des techniques publicitaires qui font vendre. De Boeck Supérieur, 2019. 148 p. 845

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Zou W., Kolomytseva O.N.** Paradoxes of chronology in the novel “Doctor Zhivago” by B.L. Pasternak 651
- Ilinykh A.V.** The fruit of the Paradise tree: the problem of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov 660

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Dubakov L.V.** A man as a Buddhist imaginary in L. Yuzefovich's novel “Cranes and Dwarfs” 669
- Nechaeva A.L.** Destruction of tolerance in Olzhas Zhanaydarov's play “Aldar” 677
- He J.** The picture of the world in the novel by Yu. Polyakov “Sovchildhood” 686
- Korochkina D.N., Kovalenko A.G.** Feminine discourse in the works of Evgeniya Nekrasova 695

FOREIGN LITERATURE

- Kesharpu E.V.** Jack London and George P. Brett (Macmillan): economics and ethics of “one of the greatest publisher-writer duos” 706
- Prathap Chandran R., Kumaresan P.** Gynocentrism in Langston Hughes selected poetic works 716
- Tian F.** Can Xue: the poetics of anti-aesthetics 726

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Pynina T.Yu.** Hétfői Hírek – substitute newspaper in the system of the Hungarian press 735
- Bakanov R.P., Al-Baidhani W.A.S.** Articles problematics and specificity of creative style of Iraqi publicist Raphael Butti 745

AXIOLOGY OF MEDIA

- Slobodyanyuk N.L.** Mythologisation of the fiction text in the socio-informational space 757
- Yefanov A.A.** Influencer as a special type of public opinion leader 767
- Baranova E.A., Lavrova K.A., Chebanenko V.V.** American youth slang in Russian media 775

MEDIA POLICY

- Skvortsova N., Volkova I.I., Sikharulidze A., Abazov D., Dovlatova A.** Formation of pre-election political discourse in the audiovisual media of Georgia 788

MEDIA EDUCATION

- Urazova S.L., Gromova E.B., Kuzmenkova K.E., Mitkovskaya Yu.P.** Audiovisual media in the universities of Russia: typology and analysis of the content 808

GAME STUDIES

- Pugachev A.A.** Analysis of Russian and global game studies: ludology vs. narratology 823

BOOK REVIEWS

- Temirshina O.R.** Bible code in Bashlachev's lyrics. Book review: Gavrikov, V.A. (2021). *Eschatology of Bashlachev: Monograph*. Moscow, Kaluga, Venice: Bull Terrier Records. (In Russ.) 833
- Kulikova E.G.** Media text: is there a need for a change of research and linguodidactic paradigms. Book review: Panasenko, N., & Greguš, E. (2022). *Media text in the mirror of linguistics*. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s. 838
- Shilina M.G.** Aerobatics in advertising: paradigms and paradoxes. Book review: Intartaglia, J. (2019). *La pub qui cartonne! Les dessous des techniques publicitaires qui font vendre*. De Boeck Superieur 845

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-651-659

УДК 821.16.1

Научная статья / Research article

**Парадоксы хронологии
в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака**

В. Цзоу , **О.Н. Коломыцева**

*Ланьчжоуский университет,
Китайская Народная Республика, Ганьсу, Ланьчжоу, пр-кт Тяньшуйнаньлу, 222*

 zouwenyao@mail.ru

Аннотация. Рассматривается авторская интерпретация времени в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Отмечается роль 1918 года в книге: во-первых, роман был задуман в этом году, во-вторых, в нем описываются события данного года. Указано, что, начиная с послереволюционного периода, время в романе утрачивает точность и линейный характер, начинает разворачиваться неравномерно, отражая восприятие событий главным героем – Юрием Андреевичем Живаго. Предполагается, что нелинейность времени, его свободное восприятие связаны с осознанием происходящего героем романа и с тем влиянием, которое оказала на него произошедшая революция. Анализ интерпретации времени в романе показывает, что в нем важными становятся не события, не историческое время, а развитие героя вместе со всей страной, то есть время личное и общественное. Описание событий 1918 года в романе отражает трансформации времени: одни события изображаются подробно, детально, другие – только упоминаются. Делается вывод о том, что историческое время в романе Б.Л. Пастернака становится рядом с психологическим, зависящим от восприятия событий их участниками, а само произведение является как психологическим романом, так и историческим.

Ключевые слова: Борис Пастернак, роман, Доктор Живаго, 1918 год, время, история

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 13 сентября 2022 г.; откорректирована 1 октября 2022 г.; принята к публикации 15 октября 2022 г.

Для цитирования: Цзоу В., Коломыцева О.Н. Парадоксы хронологии в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 651–659. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-651-659>

© Цзоу В., Коломыцева О.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Paradoxes of chronology in the novel “Doctor Zhivago” by B.L. Pasternak

Wenyao Zou , Oksana N. Kolomytseva

Lanzhou University,
222 Tianshuinanlu Ave, Lanzhou, Gansu, People's Republic of China

 zouwenyao@mail.ru

Abstract. The interpretation of time in the novel by B.L. Pasternak “Doctor Zhivago” is discussed. The role of 1918 in the book is noted: firstly, the novel was conceived this year, and secondly, it describes the events of this year. It is indicated that, starting from the post – revolutionary period, time in the novel loses its accuracy and linear character, begins to unfold unevenly, reflecting the perception of events by the main character – Yuri Andreevich Zhivago. The authors assume that the nonlinearity of time, its free perception are connected with the awareness of what is happening by the hero of the novel and with the influence that the revolution had on him. The analysis of the interpretation of time in the novel shows that it is not the events, not the historical time that become important in it, but the development of the hero together with the whole country, that is, personal and public time. The description of the events of 1918 in the novel reflects the transformations of time: some events are depicted in detail, others are only mentioned. It is concluded that the historical time in the novel by B.L. Pasternak becomes next to the psychological, depending on the perception of events by their participants, and the work itself becomes both a psychological novel and a historical one.

Keywords: Boris Pasternak, novel, Doctor Zhivago, 1918, time, history

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 13, 2022; revised October 1, 2022; accepted October 15, 2022.

For citation: Zou, W., & Kolomytseva, O.N. (2022). Paradoxes of chronology in the novel “Doctor Zhivago” by B.L. Pasternak. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 651–659. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-651-659>

Введение

Произведение художественной литературы неотрывно от времени, когда оно создавалось, и от времени, которое в нем описано. Б.Л. Пастернак задумал роман «Доктор Живаго» и сделал первые наброски к нему в 1918 году. Как отмечает биограф писателя, его старший сын Е.Б. Пастернак, «с 1918 года он неоднократно начинал писать большую прозу о судьбах своего поколения и был по разным причинам вынужден оставлять эту работу неоконченной»¹. Закончено же произведение было в 1955, следовательно, между началом и концом работы легла целая историческая эпоха, вместившая в себя немало важнейших для России исторических событий. Однако дата начала труда – 1918 год – не могла не повлиять на произведение, не отразиться в нем. Этот год, отделенный от сегодняшнего дня больше, чем целым столе-

¹ Пастернак Е.Б. К читателю. Предисловие к «Доктору Живаго» Б. Пастернака. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Pasternak_Doktor_Zhivago.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

тием, отразился и в сюжете романа: автор повествует о событиях, произошедших с его героями, в том числе в 1918 году.

Отражение времени и истории в романе Б.Л. Пастернака уже становилось предметом исследования многих литературоведов: Ю.Б. Орлицкий, К.М. Поливанов, Е.Б. Скороспелова, Д.О. Куценко, Ю.А. Драгунова и др.

К.М. Поляков в своей работе ««Доктор Живаго», как исторический роман», указывает на то, что «Приступая к работе над романом, Пастернак неоднократно подчеркивал, что хочет запечатлеть ход русской истории первой половины XX в. – «сорокапятилетия», как он несколько раз именовал эту эпоху в письмах. Уже эта авторская установка дает право относить «Доктора Живаго» к числу исторических романов» (Поляков, 2015, с. 70). Е.Б. Скороспелова в своей книге «Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»)», рассматривая историософскую концепцию романа, подчеркивает, что, несмотря на внешнее внимание к подробному воссозданию исторического периода в России, Бориса Пастернака, на самом деле, интересует художественное постижение универсальных законов бытия. Иными словами, обращение к историческим фактам для писателя не является самоцелью, а служит средством проникновения на более высокий уровень, уровень христианского и мифологического сознания. Автор отмечает, что «в «Докторе Живаго» происходит мифологизация, укрупнение конкретно-исторической коллизии: история России первой трети XIX века и ее трагические события (мировая война, две революции, гражданская война) рассматриваются сквозь призму евангельского мифа о смерти и воскресении» (Скороспелова, 2003, с. 275–276).

Д.О. Куцаенко считает концепт истории определяющим фактором генезиса персонажей романа и отмечает, что «Доктор Живаго» «содержит альтернативное представление автора об истории, противостоящее официальному истолкованию» (Куцаенко, 2011, с. 8). Д.В. Потапов пишет, что, осмысливая историю в романе, Б.Л. Пастернак тесно сочетает личное и историческое, «уравновешивает личность и историю», постулирует идею свободной личности, несколько не униженной таким историческим событием, как революция (Потапов, 2010, с. 75). Проблема взаимоотношения человека и истории в романе интересует также Ю.А. Драгунову, которая считает, что понятие «история» в романе имеет три значения: судьба человека, судьба человечества, духовная составляющая человеческого существования (Драгунова, 2016, с. 69–70). Л.И. Ермолов выделяет в романе несколько пластов времени: «авторское время, время лирического переживания, время персонажей, читательское время, прорывы к Вечности» (Ермолов, 2012, с. 80]. Важность темы времени и истории в повествовательной и идейной структуре романа «Доктор Живаго» побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к этой теме (Жиличева, 2013; Поляков, 2015).

По мнению некоторых исследователей, в основе произведения лежит не история событий жизни, а история духа. Главный герой стремится уловить смысл событий, их место в жизни человека. Юрий Живаго сомневается и колеблется, при этом он не выражает внешней активности. Но, так или иначе, все выдуманные персонажи романа помещены автором в конкретные

исторические условия, конкретное время. Вместе со своей страной они переживают предреволюционные годы, Первую мировую войну, революцию, Гражданскую войну, тяжелое послереволюционное время. Особенно значимо начинает звучать тема исторического времени, начиная с 1914 года, с приходом в жизнь героев войны. До октября 1917 года все события выписаны Б.Л. Пастернаком с хронологической точностью: в каждый момент повествования можно точно сказать, в каком времени оно разворачивается. Время (год, время года, месяц) неоднократно точно указываются в тексте: «Летом тысяча девятьсот третьего года на тарантасе парой Юра с дядей ехали по полям в Дуплянку»; «Весь ноябрь одиннадцатого года Анна Ивановна пролежала в постели» (!) и т. п. Затем отношение к историческому времени несколько меняется. Изменения эти начинаются уже при описании автором событий Первой мировой войны, когда вместо точного указания года следуют отсылки к другим датам, которые должны помочь читателю определить, о каком времени идет речь: «Это была вторая осень войны». Указания на время становятся все менее конкретными: «между двенадцатым и четырнадцатым годами», «за годы уездного уединения», «за последние годы», «начиная с прошлого года» и т. п.

Обсуждение

Парадоксы времени в романе

1918 год – первый год, который в романе изображается без хронологической точности. Исследователями неоднократно отмечались многочисленные временные несоответствия, встречающиеся в романе, описывающем Россию после 1917 года. К примеру, мятеж Чехословацкого корпуса на Урале, произошедший на самом деле в мае 1918 года, относится автором к апрелю. Описывая осень 1920 года, Б.Л. Пастернак упоминает о Колчаке, войска которого были разбиты, а сам адмирал расстрелян еще в феврале того же года. Время становится условным, приобретает черты чего-то неважного и даже ненужного. Как нам кажется, вольное обращение писателя с категорией времени в романе «Доктор Живаго», появившееся в тексте при описании послереволюционных событий, ни к какой мере не может быть объяснено незнанием или небрежностью автора. Это сознательный ход: Б.Л. Пастернак показывает, что в той исторической ситуации, в которую попала Россия после революции, время становится не столь существенным, оно словно останавливается или продолжает течь, но по иным правилам, согласно которым точность времени перестает быть постулатом. Н. Бирюкова отмечает, что «исторические события оказываются подчинены особому романному времени»². Эту особенность обращения писателя со временем подчеркивал также Б.М. Гаспаров, писавший о «преодолении однонаправленности и необратимости течения времени», о пребывании героя и читателя одновременно в нескольких временных пластах (Гаспаров, 2013, с. 154). Писатель вполне осознанно отступает от точности и хронологичности в романе, от принципа линейности времени, и начинается этот процесс с описания событий именно 1918 года.

² Бирюкова Н. Шесть ошибок в «Докторе Живаго». URL: <https://arzamas.academy/materials/382> (дата обращения: 15.05.2022).

О русской песне, услышанной от знахарки Кубарихи Юрий Живаго думает, как о «безумной попытке словами остановить время». Это можно было бы применить и ко всему роману.

Произошедшая в 1917 году революция и последовавшие за нею события оказали на Юрия Живаго огромное влияние. С этого периода для писателя становится важно изображение не самих исторических событий, а отношения к ним (в первую очередь, к революции) доктора Живаго. Для Юрия Живаго история ощущается как данность. Октябрьскую революцию, как и многие другие представители интеллигенции, на начальном этапе он принял с восхищением: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Это небывалое, это чудо истории, это откровение ахнуто в самую гущу продолжающейся обиденщины, без внимания к ее ходу» (Пастернак, 2012, с. 193–194). При этом Живаго пытается осознать гуманистический смысл революции. Герой видит, что вокруг царит беззаконие, ему в равной степени чужды и красные, и белые, однако как врач он должен спасать и тех, и других. Юрий Живаго хотел бы быть сторонним, безучастным наблюдателем, сокрытым от истории, но у него не получается это сделать: события неизбежно втягивают доктора в исторический процесс и делают его участником. Герой отстранен от революции, он не пытается сознательно вмешиваться в ее ход, но при этом стремится осмыслить происходящее и найти в новом мире свое «скромное место», в котором можно будет просто жить. Его восприятие революции в романе проходит несколько этапов: как уже сказано было выше, изначально Юрий Живаго видит в ней что-то евангельское, она для него становится чем-то вроде произведения искусства, поскольку революция творит историю. Потом его восприятие событий меняется – революция предстает как «переделка жизни», противопоставленная всему живому. И в завершение герой осознает, что революция уродует, калечит, лишает всего человеческого, вскрывает в людях звериную натуру: «Человек человеку волк. Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе были звериные» (Пастернак, 2012, с. 219); «Озверение воюющих к этому времени достигло предела. Пленных не доводили живыми до места назначения, неприятельских раненых прикалывали на поле» (Пастернак, 2012, с. 196).

Несмотря на это, Юрий Живаго не пытается осуждать время, революцию, историю, поскольку невозможно осуждать то, что полностью неподвластно человеческому воздействию, что происходит само по себе, независимо от воли и желания человека, как явления природы. Такое отношение к времени главного героя романа является отражением восприятия истории самим писателем, видевшим мир глазами своего персонажа, говорившим его устами.

Известно, что Б.Л. Пастернак основывался на документах и точно воссоздавал события, предшествовавшие революции, однако роман постепенно утрачивает черты исторического, которые были весьма значимы в нем ранее, и приобретает черты психологического, которые до этого тоже присутствовали, но в меньшей степени. 1918 год начался для Юрия Живаго как зи-

ма, «темная, голодная и холодная, вся в ломке привычного и перестройке всех основ существования, вся в нечеловеческих усилиях уцепиться за ускользающую жизнь». Этот образ символизирует не только месяцы зимы 1917–1918 годов, но и весь послереволюционный период, наполненный голодом, бесчеловечным отношением к людям. Мир вокруг утрачивает константы, человек перестает быть ценностью, он никому не нужен, он – расходный материал, и выживет ли каждый из людей, существовавших зимой 1918 года, неизвестно. Для героя несомненно, что основные испытания еще впереди: «Старая жизнь и молодой порядок еще не совпадали. Между ними не было ярой вражды, как через год, во время гражданской войны, но недоставало и связи». Однако ясно, что старая жизнь уже ушла в прошлое, и начинают утрачиваться привычные связи между людьми и событиями.

Писатель с исторической точностью воспроизводит перечень тех коснувшихся каждой стороны жизни изменений, которые происходят в первый послереволюционный год. Это и перевыборы, происходящие в управляющих органах разного уровня, и появление комиссаров, отличавшихся внешне и внутренне от представителей «старой России», – «людей железной воли, в черных кожаных куртках, вооруженных мерами устрашения и наганами», и переименования улиц и учреждений, и начавшиеся перебои со снабжением, и трудности отопления помещений, и образование первых «закрытых распределителей» материальных благ, продуктов. У доктора Живаго в больнице добавляется работы, так как голод и истощение горожан провоцируют появление эпидемий, в том числе, сыпного тифа. Юрий Андреевич всеми силами старается принять новую власть и те лишения, которые она принесла; пытается гордо отвечать былым знакомым, недовольным тем, что он продолжает служить в советской больнице: «...Нашими лишениями я горжусь, и людей, которые делают нам честь, подвергая нас этим лишениям, уважаю...» Он безропотно сносит трудности, занятый только примитивным выживанием, добыванием продуктов и дров. Кажется, что страдания длятся годы, хотя на самом деле речь идет лишь о первых трех месяцах 1918 года.

Описание жизни москвичей начала 1918 года предельно детально. Автор показывает, как Юрий Андреевич и его семья изо всех сил пытаются «свести концы с концами», но у них не получается. В романе многократно подчеркивается: «Живаго бедствовали». В конце концов, сам доктор заболевает сыпным тифом и едва не умирает. Для семьи становится несомненно, что «нельзя же погибать так покорно, по-бараньи».

В апреле 1918 года доктор Живаго с семьей направляется на Урал, в Юрятин, поселок при фабрике, принадлежащей деду жены Варыкино. Описание автором сборов и самой дороги также представляется бесконечным. Время словно останавливается, перестает двигаться, застыв в самый неприятный свой момент. Происходят мелкие события – покупка продуктов, знакомство с людьми, но в целом время не движется. Бесконечно и количество негативных изменений в жизни и устройстве России, которые наблюдают Живаго в дороге; их неисчислимость (разрушенные дороги, сгоревшие села и станции, бесчинствующие бандиты и т. д.) контрастирует с переставшим двигаться временем. После нескольких недель, проведенных в дороге, Живаго удается добраться до Варыкино и поселиться в нем.

В описании событий 1918 года Б.Л. Пастернак проявляет непоследовательность, связанную с восприятием течения времени. Голод и лишения начала года описаны подробно и детально, как и сборы и дорога в Варыкино, однако затем происходит провал, или скачок, и о летних трудах семьи читатель узнает только из записок Юрия Андреевича, которые он начинает вести в конце 1918 года, когда снова наступает зима: «Какое счастье работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая творцу в сотворении вселенной, вслед за родной матерью производя себя вновь и вновь на свет!». Налицо утрата временем линейности, его зависимость от восприятия событий их участниками. Б. Гаспаров связывал это с «музыкальным мышлением» автора и поэтикой контрапункта. В своей работе «Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака Доктор Живаго» ученый исследует принцип контрапункта с точки зрения «преодоления линейного течения времени» и «совмещения нескольких событийных рядов, движущихся с различной скоростью, в различных ритмах и направлениях» (Гаспаров, 1990, с. 226–227).

Заключение

Поставив перед собой цель – описать жизнь конкретного человека в условиях исторической ломки, Б.Л. Пастернак все больше концентрируется на чувствах и переживаниях героя, и время в романе становится условным, передается так, как воспринимает его герой. Поскольку образ доктора Живаго является до определенной степени автобиографическим, то понимание времени 1918 и следующих за ним годов во многом отражает точку зрения самого автора, его субъективное видение ситуации. Кроме того, условность времени является символом разрушений, происходящих во внешней и внутренней жизни людей, вовлеченных по своей или чужой воле в революцию. 1918 год в жизни Юрия Живаго описывается автором достаточно подробно, однако одни события полны подробностей, другие только упоминаются. Следовательно, описывая события послереволюционного периода, Б.Л. Пастернак отступает от принципа хронологической точности: в романе появляются временные несоответствия, время утрачивает линейность, становится условным, текущим по новым, не всегда понятным правилам. Писатель сознательно уходит от историзма и, соответственно, от исторического времени, и на первый план выступает психологизм и христианское понимание времени.

Список литературы

- Гаспаров Б.М. Борис Пастернак: по ту сторону поэтики (философия, музыка, быт). М.: Новое литературное обозрение, 2013. 272 с.
- Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующ. принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.
- Драгунова Ю.А. Человек и история в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Славянский сборник: материалы XII Всероссийских (с международным участием) сла-

- вянских чтений. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2016. С. 69–73.
- Ермолов Л.И. Время в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 2. С. 80–84.
- Жиличева Г.А. Конфигурация времени в нарративе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 130–141.
- Куцаенко Д.О. Концепт истории как определяющий фактор генезиса персонажей в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 22 с.
- Ничипоров И.Б. Образы стихий в «блоковских» стихотворениях М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой: XII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–11 октября 2004 г.): сборник докладов / отв. ред. И.Ю.Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. С. 157–164.
- Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2012. 544 с.
- Поляков К.М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015.
- Поселягин Н.В. Время и пространство в нарративной структуре текста // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 25–43.
- Потапов Д.В. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» как аналитика личностного и исторического в советской истории // Социально-гуманитарный вестник: межвузовский сборник научных статей. Краснодар: Минэнерго России, 2010. С. 75–79.
- Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.

References

- Dragunova, Yu.A. (2016). Man and history in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Slavic collection: Materials of the XII All-Russian (with International Participation) Slavic Readings* (p. 69–73). Oryol: Orel State Institute of Culture. (In Russ.)
- Ermolov, L.I. (2012). Time in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 12(2), 80–84. (In Russ.)
- Gasparov, B. (1990). Temporal counterpoint as formative principle of Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Druzhba Narodov*, (3), 223–242. (In Russ.)
- Gasparov, B.M. (2013). *Boris Pasternak: Beyond poetics (philosophy, music, life)*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)
- Kutsaenko, D.O. (2011). *The concept of history as a determining factor in the genesis of characters in Pasternak's "Doctor Zhivago"* (abstract of the thesis of Candidate of Philological Sciences). Krasnodar. (In Russ.)
- Nichiporov, I.B. (2005). Images of A. Blok in poems by M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, B. Pasternak. In I.Yu. Belyakova (Ed.), *Element and Mind in Life and Work of Marina Tsvetaeva: XII International Scientific Conference (Moscow, October 9–11, 2004): Collection of Reports* (pp. 157–164). Moscow: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj Publ. (In Russ.)
- Pasternak, B.L. (2012). *Doctor Zhivago*. Moscow: OLMA-PRESS. (In Russ.)
- Polyakov, K.M. (2015). "Doctor Zhivago" as a historical novel. Tartu. (In Russ.)
- Poselyagin, N.V. (2011). Time and Space in the Narrative Structure of the Text. *New Philological Bulletin*, (3), 25–43. (In Russ.)
- Potapov, D.V. (2010). B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago" as an analyst of personal and historic concepts in Soviet history. *Social and Humanitarian Bulletin: Collection of Scientific Articles* (pp. 75–79). Krasnodar: Minenergo Rossii Publ. (In Russ.)
- Skorospelova, E.B. (2003). *Russian prose of the 20th century: from A. Bely (Petersburg) to B. Pasternak (Doctor Zhivago)*. Moscow. (In Russ.)

Zhilicheva, G.A. (2013). The configuration of time in the narrative of B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago". *Siberian Philological Journal*, (3), 130–141. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Цзоу Вэньяо, кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка, Ланьчжоуский университет, Китайская Народная Республика, Ганьсу, Ланьчжоу, пр-кт Тяньшуйнаньлу, 222. E-mail: zouwenyao@mail.ru

Коломыцева Оксана Николаевна, кандидат педагогических, преподаватель факультета русского языка, Ланьчжоуский университет, Китайская Народная Республика, Ганьсу, Ланьчжоу, пр-кт Тяньшуйнаньлу, 222. ORCID: 0000-0001-9553-6462. E-mail: kolomytseva.90@mail.ru

Bio notes:

Wenyao Zou, PhD in Philology, lecturer, Faculty of Russian Language, Lanzhou University, 222 Tianshuinanlu Ave, Lanzhou, Gansu, People's Republic of China. E-mail: zouwenyao@mail.ru

Oksana N. Kolomytseva, Candidate of Pedagogical Sciences, teacher, Faculty of Russian Language, Lanzhou University, 222 Tianshuinanlu Ave, Lanzhou, Gansu, People's Republic of China. ORCID: 0000-0001-9553-6462. E-mail: kolomytseva.90@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668
УДК 82.09-1

Научная статья / Research article

Плод райского дерева: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова

А.В. Ильиных

*Тверской государственный университет,
Российская Федерация, 170002, Тверь, ул. Желябова, д. 33*
✉ anil.mail@bk.ru

Аннотация. Анализируются гносеологический и аксиологический аспекты поэзии Ю.П. Кузнецова в целом и при реализации в ней библейского интертекста в частности. Цель исследования – изучение особенностей реализации темы познания в творчестве Ю.П. Кузнецова в контексте духовного поиска и религиозного освоения мира. С учетом специфики типа мышления лирического героя определяется набор художественных образов библейского характера, которыми оперирует автор, раскрывая указанную тему. Научная новизна работы заключается в последовательном рассмотрении устойчивых образов и мотивов библейского характера, связанных с проблемами гносеологии. Особое внимание уделено рассмотрению ветхозаветных образов-символов, восходящих к мифу о грехопадении. Проанализированы основные направления развития поэтической мысли автора относительно вопросов состоятельности научного познания и идеи прогресса и связанных с ними проблем взаимодействия рационалистического и интуитивно-религиозного типов мышления. Установлено, что автор отдает предпочтение нерационалистическому методу познания истины, базирующемуся на концепции сотворчества человека и Бога, что приводит к сакрализации творческого процесса и образа художника (в широком смысле этого слова) как медиатора воли Бога. Религиозный символ Кузнецов использует для того, чтобы показать универсальность и необходимость интуитивно-религиозного подхода к познанию, не зависящему от конкретно-исторических условий. Трактовка поэтом библейского образа близка к канону и народной традиции.

Ключевые слова: Ю.П. Кузнецов, русская поэзия, христианство, православие, библейская символика, древо познания, древо жизни, образ поэта, духовность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.; откорректирована 1 октября 2022 г.; принята к публикации 15 октября 2022 г.

Для цитирования: *Ильиных А.В.* Плод райского дерева: проблема познания в творчестве Ю.П. Кузнецова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 660–668. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668>

The fruit of the Paradise tree: the problem of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov

Anastasia V. Ilinykh

*Tver State University,
33 Zhelyabova St, Tver, 170002, Russian Federation*

✉ anil.mail@bk.ru

Abstract. The analysis of the epistemological and axiological aspects of Yu.P. Kuznetsov's poetry in general and when implementing the biblical intertext in it in particular is presented. The purpose of the work is to study the peculiarities of the realization of the theme of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov in the context of spiritual search and religious exploration of the world. The main goal is to determine, considering the specifics of the type of thinking of the lyrical hero, a set of artistic images of biblical nature, which the author uses while discussing the theme. The scientific novelty of the work lies in the consistent consideration of images and motives of biblical nature related to the problems of gnoseology. Special attention is paid to the consideration of Old Testament images-symbols dating back to the myth of the fall. The main directions of the development of the author's poetic thought regarding the issues of the consistency of scientific knowledge and the idea of progress and related problems of the interaction of rationalistic and intuitive-religious types of thinking are analyzed. It is established that the author prefers a non-rationalistic method of cognition of truth based on the concept of co-creation of man and God, which leads to the sacralization of the creative process and the image of the artist (in the broad sense of the word) as a mediator of the will of God. Kuznetsov uses the religious symbol in order to show the universality and necessity of the intuitively religious approach to cognition that does not depend on specific historical conditions. The poet's interpretation of the biblical image is close to the canon and folk tradition.

Keywords: Yu.P. Kuznetsov, Russian poetry, Christianity, Orthodoxy, biblical symbolism, tree of knowledge, tree of life, image of the poet, spirituality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 16, 2022; revised October 1, 2022; accepted October 15, 2022.

For citation: Ilinykh, A.V. (2022). The fruit of the Paradise tree: The problem of cognition in the works of Yu.P. Kuznetsov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 660–668. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-660-668>

Введение

Ю.П. Кузнецов – удивительный поэт, особняком стоящий в отечественной литературе. Не понятый до конца при жизни критиками и читателями, не примкнувший ни к одному литературному течению, но избравший свой, особый творческий путь, поэт не боялся обрушиться с критикой на классиков и современников, открыто осуждал претившие ему социальные и литературные явления, строя уникальный поэтический мир на материале народной культуры, мирового художественного наследия и христианского мировосприятия.

Исследованию поэтического наследия автора посвящены многочисленные диссертационные работы, монографии и научные статьи. Отдельное внимание критики и литературоведы уделяют рассмотрению типа религиозного

сознания (Ильинская, 2004, 2013; Третьякова, 2013; Николаева, 2008) и художественного метода поэта (Редькин, 2018; Васильева, 2006), реализации эсхатологических мотивов в его творчестве (Ильинская, 2011; Казначеев, 2013), изучению особенностей влияния на поэта апокрифической и древнерусской литературной традиций (Татаринов, 2008; Николаева, 2007). Однако на данный момент нет целостных исследований особенностей претворения в творчестве поэта такой важной темы, как тема познания, существующей во взаимосвязи с вопросами онтологического и аксиологического характера.

Обсуждение

Рациональное и иррациональное в системе ценностей Ю. Кузнецова

Обращение автора к теме постижения мира неразрывно связано, особенно в более зрелом творчестве, с религиозной мыслью. Поэт видит важнейшим компонентом познания духовность, отношение к Божественному, а также открытость человека миру и людям – в противовес замкнутости и фиксации на самом себе. Чистое знание или бездумный прогресс для поэта становятся ловушкой и ведут лишь к разрушению – себя и всего вокруг. Как отмечает В. А. Редькин, представителям духовного реализма, к которым исследователь относит и Кузнецова, «в гносеологическом аспекте проблема „человек и мир“ видится сложнее и иррациональнее, чем позитивистам. Они ставят не временные, а вечные вопросы о смысле жизни и предназначении человека» (Редькин, 2018, с. 75).

Познание и желание господствовать над миром, согласно поэту, несут печаль и разрушение, потому что человек вмешивается в естественный порядок вещей. В поэме «Змеи на маяке» (1977) неразумное осушение змеиного болота ведет к катастрофе апокалиптического характера. Столкновение в пространстве поэмы «инстинкта и разума» приводит героев к безумию: маяк как символ ясного рассудка поддается нашествию хтонического, инстинктивного начала – змей (присутствует и inferнальный оттенок). Однако трагедия развернувшегося действия проявляется не только в поражении человеческого разума, но и в незначительности произошедшего в масштабе планеты: маяк затмевает змеиная чешуя, волны грозят смыть следы обезумевшего врача, олицетворения рационализма, – природа господствует над человеком и делом его рук – и переживает его.

Развитие науки, поступь прогресса и засилье индустриализма в поэзии Кузнецова неразрывно связаны с мотивом механизации – не только труда, но и самого близкого для человека – родного дома. В стихотворении «Не дом – машина для жилья...» (1988) возникает образ захлавленной железом и проеденной ржавчиной Родины, чужеродность происходящего также выражается в засилье «чужих имен», угнетении русской старины. Все эти вещи, как и «ложные святыни» из одноименного стихотворения, поэт относит к плодам дьявольских происков: холодная и расчетливая рациональность, с точки зрения поэта, неотъемлемая черта сатаны, оттого и любые плоды бездуховного рационализма, ведущего к засилью прогресса и познанию ради самого познания, приобретают inferнальный оттенок, обезличивают культуру.

В противовес рационалистическому познанию мира и самого себя поэт выдвигает творчество как разговор с Божественным. Устанавливая связь с

Господом, поэт прозревает истину, «с мира спадает покров», в его душе наступают покой и тишина, мир вокруг становится ясен, и даже «дьявол в аду отдыхает» (Кузнецов, 2013, т. 4, с. 374). Бог и поэт словно отражают друг друга – «два сердца и две тишины», связанные небесным светом. Поэт, приобщаясь к высшей духовности, не только прозревает, но и передает свое знание другим: «Когда он с Богом говорит, // То мир бросает в дрожь; // Он слово истины творит...» (Там же, с. 302). Творчество, обращаясь молитвой, становится сакральным действием, очищающим душу. По замечанию Н.И. Ильиной, «синергичность творческого процесса с Создателем – то новое, что появляется в концепции творчества Ю. Кузнецова и укореняет ее в религиозно-философских основаниях русской поэзии» (Ильиная, 2013, с. 382). Духовно-интуитивному типу познания истины через сотворчество с Богом сопутствуют мотивы безмятежности, покоя, безмолвия и наполненности – прямо противоположные образному ряду, связанному с познанием, основанному на рационалистическом начале и ведущим к безостановочному прогрессу, оставляющему за собой одни «индустриальные пустыни».

Сквозные образы библейского характера

Можно выявить несколько сквозных образов, связанных с мотивом познания в творчестве Кузнецова. Наиболее яркими и часто встречающимися являются древо познания и плод соблазна (яблоко).

Древо познания упоминается в Ветхом Завете (Быт. 2:9; 17). Г.В. Синило называет его «библейской вариацией „мирового древа“»¹. Мотив нарушения запрета в данном случае соответствует древнейшей сюжетной компоненте, связанной с неизбежностью преступления табу и обретением тайного знания. В теолого-экзегетическом эссе иеромонаха Феоноста рассмотрены различные подходы к толкованию образа древа познания добра и зла: Максима Исповедника (древо познания как олицетворение материального мира: вкушение его плодов ведет к временному услаждению и удалению от Бога), Григория Богослова (древо познания – созерцание, к которому человек должен быть готов), Григория Нисского (древо познания – зло, скрытое под личиной добра) и Иоанна Златоуста (назначение древа – испытание человека) (Пушков, 2005, с. 76–84). На богословскую проблему испытания свободной воли человека посредством наказания не вкушать плодов древа познания обращает внимание и протоиерей Г. Фаст, разъясняя семантические особенности названия: «добро» и «зло» в данном случае понимаются как «творение» и «разрушение», а «познание» – как «вкушение», «соединение»; вместе сочетание «познание добра и зла» определяет порочность совмещения этих понятий и путаницу в их разграничении при вкушении запретных плодов (Фаст, 2007, с. 139). При многочисленности трактовок данного образа центральным, как можно заметить, является мотив испытания человека.

Сопутствующий библеизм «запретный плод» также множество раз встречается в стихах Кузнецова, как раннего, так и более зрелого периода, в следующих вариациях: «плоды роковые», «плод соблазна», «яблоко», «яблоко

¹ Синило Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учебное пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 422.

древней вины», «яблоко познания», «мертвое яблоко». В тексте Священного Писания, в Книге Бытия, не уточнено, какого рода плоды дает дерево, однако на протяжении тысячелетий развития иудео-христианской культуры возникли многочисленные трактовки относительно природы дерева познания и его плодов². Но еще Блаженный Августин характеризует дерево познания как яблоню – то же «общепринято в народе» (Фаст, 2007, с. 143). Очевидным является и влияние мировой мифологии, в частности легенды о саде Гесперид, суде Париса, о молодильных яблоках скандинавского и славянского фольклора, на восприятие европейской традицией рассматриваемого образа. Об использовании яблони в качестве образа дерева познания в русской иконографической и лубочной традиции, различных славянских легендах и апокрифических сказаниях пишет в своей статье Т.А. Агапкина, указывая на крайне любопытную тенденцию устно-письменной славянской культуры воспринимать дерево познания в противовес библейскому источнику как «собственность и даже порождение сатаны» (Агапкина, 2017, с. 294). В поэзии Кузнецова и дерево, и его плод – устойчивые образы, активно входящие в его поэтический инструментарий с семидесятых годов.

Осевым образ яблока является в комической поэме «Похождения Чистякова» (1975), насыщенной пародийными, гротескными элементами, что подробно рассматривает в своей статье С.Ф. Меркушов, отмечая: «Символ яблока у Ю.П. Кузнецова реализуется в своей традиционной мифологической ипостаси... Прочитывается он здесь в связи с азбучными сказаниями о Древе познания... Погоня Чистякова за яблоком – прообраз процесса познания в масштабе универсума» (Меркушов, 2020, с. 54).

В одном из относительно ранних (1971), не опубликованных при жизни поэта стихотворений, посвященном Складовской-Кюри, «яблоко древней вины» становится центральным символом. Возникающий в стихотворении образ «черных рук» соотносится с биографическим фактом – от постоянной работы с опасными веществами руки супругов Кюри «покрылись ранами» (Мельник, 2017, с. 104). Кроме того, в черном цвете выражается оценочная характеристика автора – научные искания сопоставляются со вкушением плода дерева познания, в цветовом образе выражается следующая за тем духовная порча. Известно также, что ученая умерла от лейкемии, вызванной радиационным заражением, – черные руки в данном контексте сигнализируют и о физической болезни. Мотив совмещения творящего (доброе) и разрушительного (злого) начал в древе познания на образном уровне выражается в резком противопоставлении «дней золотых» и «песен счастливых звуков» – «черным рукам» и «крутой печати» (Кузнецов, 2013, т. 3, с. 350). Мария Кюри, подобно библейской Еве, протягивает лирическому герою (а вместе с ним и читателю) яблоко – опасный плод научных трудов, – но герой отказывается его брать.

Мотив обитающего в сердцевине яблока зла встречается и в стихотворении «Яблоко» (1974), лирический герой обнаруживает внутри плода смотрящую на него, не мигая, «маленькую фурию». Образно произведение на

² Так, к примеру, иудейские талмудические толкователи в мидраше Берешит Раба описывают дерево как смоковницу (15:7).

уровне реминисценции сопоставимо с легендой о грехопадении: яблоня – райское дерево, связано с небом «вертикалями огня и аромата», последний плод остается словно по собственной воле, не желая расставаться с героем, который невольно тянется к нему душой и обнаруживает внутри зло, а затем погружается в духовный сон (как и первые люди, изгнанные из рая, отпавшие от Божественного света и оказавшиеся в своего рода тягостном земном сновидении).

В стихотворении «Знак» (1981) лирический герой также предупреждает о пагубности тайного знания через образ светящегося во мраке яблока, что таит в себе знак, «бредущий по свету из мрака во мрак» (Кузнецов, 2013, т. 4, с. 68) – вновь объединение светлого и темного в едином образе. Вкушение плода познания становится причиной другого греха, убийства, через введение мотива наследственной вины – грехопадение Адама и Евы ведет к расцвету греха в душе их сына, Каина.

В «Отрицании» (1998) в сердцевицу «яблока познания» поэт помещает «словечко „но“», противопоставляя последнее Божественному Слову. «Но» в данном случае выражает стремление человечества к сомнениям, бунту, постоянным исканиям и опровержениям. Греховность этих качеств вкупе с любопытством отображается также в сопоставлении его с образом подавшейся искушению Евы: «Как из ребра седьмого // Оно сотворено» (Там же, с. 217). Основные характеристики его вмещают признаки динамичности (неспокойствия) и порчи, словечко «но» – червь в яблоке познания, блуждающая комета, стрела в пяте Ахилла.

Последний из рассмотренных нами в рамках данного исследования текстов – неоконченная поэма «Рай». Вначале лирический герой вместе с другими персонажами, Христом, Адамом, Евой и разбойником, видит не само дерево, но его «ветхую ветку», которую отломил первочеловек и которую принесло ветром. Засохшая ветвь символизирует ушедшую «юность» Адама, его чистоту и невинность и служит предвестием последующего видения лирическим героем дерева познания во всей его красоте и величии. Дерево, «таинственный ключ мироздания», сияет, переливаясь всеми цветами радуги, на нем одновременно растут и цветы, и плоды, но сказочную светлую картину чернит образ застывшего на обломленной ветви ворона, и история с искушением повторяется. Ворон сравнивается со змеем и не скрывает своей роли искусителя. Лирический герой, будучи простым человеком, хоть и достойным видений рая, не может сопротивляться «адской силе», и спасает его лишь заступничество ангела. Восприятие возникшей в образе животного злой воли в данном контексте соотносится с преобладающей в библейской экзегетике трактовкой образа змея-искусителя как орудия дьявола, а не просто животного³. Изображение поэтом дерева соотносится с трактовкой блаженного Августина: это дерево реально произрастает в Эдемском саду (отсюда подробное описание в поэме), оно «не было дурное, но названо деревом добра и зла, потому что в нем... заключалось будущее преступление запове-

³ См., к примеру: *Глаголев А.* Ветхозаветное библейское учение об Ангелах // *Азбука веры: православная библиотека.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Glagolev/vethozavetnoe-biblejskoe-uchenie-ob-angelah/ (дата обращения: 11.07.2022).

ди» (цит. по: Фаст, 2007, с. 143). Отметим также, что поэт обходит вниманием древо жизни, ставя в фокус именно древо познания. Причиной тому служит роль загадочного древа в истории человечества. Первые люди, изгнанные из рая, были лишены возможности вкушать плоды древа жизни – исцеляющие и дарующие бессмертие, а вместе с тем и пребывать рядом с Богом. Максим Исповедник оттого, рассуждая о разнице между двумя деревьями, называет древо познания «созидающим смерть»⁴. К этой точке зрения близок и Кузнецов: смерть в данном случае не только физическая, но и духовная. Чем дальше отходит человечество от Божественного, согласно Кузнецову, чем сильнее углубляется в «рационалистические дебри», тем быстрее оно приближает свой конец.

Заключение

Представленный анализ, таким образом, демонстрирует, что в основе благого познания мира, согласно поэту, лежит интуитивно-религиозное, а не рациональное начало, и заключается оно в приобщении к христианскому идеалу, реализуемому, в частности, через боговдохновенный творческий процесс. Одним из ключевых образов, служащих для претворения темы познания, является запретный плод, или яблоко, – символ таящегося под внешней красотой и притягательностью зла, а также райское древо, амбивалентное по своей сути, со знанием дарующее и смерть. Образы эти встречаются в поэзии Кузнецова с семидесятых годов и не претерпели изменений в отношении их смысловой наполненности. Библейский сюжет испытания свободной воли человека через запрет для поэта является одним из важнейших, в основе его лежит стремление проиллюстрировать идею о необходимости человека сделать выбор в пользу духовного пути, ведущего обратно к Богу.

Список литературы

- Агапкина Т.А.* Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян: яблоко // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. С. 284–305.
- Васильева Л.* Парадоксы Юрия Кузнецова // *Наш современник*. 2006. № 2. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=2&id=3> (дата обращения: 28.04.2022).
- Ильинская Н.И.* «Адская волость» в поэме Юрия Кузнецова «Сошествие в ад»: традиция и интертекстуальность // *Русская литература. Исследования: сборник научных трудов*. 2011. Вып. XV. С. 114–125.
- Ильинская Н.И.* Тема «Бог и поэт» в творчестве Юрия Кузнецова // *Вестник Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля. Серия: Филологические науки*. 2013. № 2 (6). С. 253–258.
- Ильинская Н.И.* Юрий Кузнецов: структура религиозного сознания поэта на пороге XXI века // *Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Серия: Филология*. 2004. Вып. 39. № 607. С. 53–57.
- Казначеев С.М.* Эсхатологические мотивы в поэзии Юрия Кузнецова // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты*. 2013. № 6. С. 68–72.

⁴ Книга Притчей Соломоновых 3:18: толкование Максима Исповедника // *Азбука веры: православная библиотека*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Prov.3:18#prp-maksim-ispovednik> (дата обращения: 11.07.2022).

- Кузнецов Ю. Стихотворения и поэмы: в 5 т. М.: Литературная Россия, 2013.
- Мельник Н.А. Жизнь и деятельность Марии Кюри и ее вклад в развитие ядерной медицины // Вестник Кольского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 98–112.
- Меркушов С.Ф. «Похождения Чистякова» Ю. Кузнецова – поэма абсурда? // Палимпсест. 2020. № 2. С. 47–61.
- Николаева С.Ю. Творчество как молитва: тема поэта и поэзии в творчестве Ю.П. Кузнецова // Мир романтизма. 2008. № 13 (37). С. 281–290.
- Николаева С.Ю. Христианский провиденциализм в поэзии Юрия Кузнецова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2007. № 10. С. 58–69.
- Пушков Т.Г. Дерево Познания добра и зла: попытка дифференциации теологом (теолого-эксегетическое эссе) // Богословські роздуми: східноєвропейський журнал богослов'я. 2005. Вып. 5. С. 75–90.
- Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
- Татаринев А.В. Власть апокрифа: библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста. Краснодар: Мир Кубани, 2008. 711 с.
- Третьякова Е.Ю. Юрий Кузнецов: зрелое новаторство: монография. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2013. 205 с.
- Фаст Г. Этюды по Ветхому Завету. Руководство по изучению Священного Писания. Красноярск: Енисейский благовест, 2007. 352 с.

References

- Agapkina, T.A. (2017). Symbolism of trees in folklore and traditional culture of the Slavs: Apple tree. *Studia Litterarum*, (1), 284–305. (In Russ.)
- Fast, G. (2007). *Studies on the Old Testament. A Guide to the Study of the Holy Scriptures*. Krasnoyarsk: Eniseyskiy Blagovest Publ. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2001). “Hell Parish” in Yuri Kuznetsov's poem “Descent into Hell”: Tradition and Intertextuality. *Russian Literature. Studies: Collection of Scientific Papers, XV*, 114–125. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2004). Yuri Kuznetsov: The structure of the poet's religious consciousness on the threshold of the XXI century. *The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Philology*, 39(607), 53–57. (In Russ.)
- Plinskaya, N.I. (2013). The theme “God and the poet” in the works of Yuri Kuznetsov. *Alfred Nobel University Journal of Philology*, (2), 253–258. (In Russ.)
- Kaznacheyev, S.M. (2013). Eschatological motives in the poetry of Yuri Kuznetsov. *Interpretatsiya Teksta: Lingvisticheskiy, Literaturovedcheskiy i Metodicheskiy Aspekty*, (6), 68–72. (In Russ.)
- Kuznetsov, Yu. (2013). *Poems*. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Melnik, N.A. (2017). The life and work of Marie Curie and her contribution to the development of nuclear medicine. *Herald of the Kola Science Centre of RAS*, (4), 98–112. (In Russ.)
- Merkushov, S.F. (2020). “The Adventures of Chistyakov” by Yu. Kuznetsov – a poem of the absurd? *Palimpsest*, (2), 47–61. (In Russ.)
- Nikolayeva, S.Yu. (2007). Christian providentialism in the poetry of Yuri Kuznetsov. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, (10), 58–69. (In Russ.)
- Nikolayeva, S.Yu. (2008). Creativity as prayer: The theme of the poet and poetry in the works of Yu. P. Kuznetsov. *Mir Romantizma*, (13), 281–290. (In Russ.)
- Pushkov, T.G. (2005). The Tree of Knowledge of Good and Evil: An attempt to differentiate theologemes (theological-exegetical essay). *Theological Reflections: Eastern European Journal of Theology*, (5), 75–90. (In Russ.)
- Redkin, V.A. (2018). Spiritual Realism as an artistic method of modern literature. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, (1), 71–78. (In Russ.)

- Tatarinov, A.V. (2008). *The power of the apocrypha: The biblical plot and the crisis theology of a literary text*. Krasnodar: Mir Kubani Publ. (In Russ.)
- Tretyakova, E. (2013). *Yuri Kuznetsov: Mature innovation*. Krasnodar: Krasnodar State University of Culture Publ. (In Russ.)
- Vasilyeva, L. (2006). Paradoxes of Yuri Kuznetsov. *Nash Sovremennik*, (2). (In Russ.) Retrieved June 7, 2022, from <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006>

Сведения об авторе:

Ильиных Анастасия Витальевна, аспирант, кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества, Тверской государственный университет. ORCID: 0000-0002-2826-2315. E-mail: anil.mail@bk.ru

Bio note:

Anastasia V. Ilinykh, postgraduate student, Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University. ORCID: 0000-0002-2826-2315. E-mail: anil.mail@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676

УДК 82-312

Научная статья / Research article

Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики»

Л.В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, р-н Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1*
✉ dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Буддизм находит многообразное отражение в творчестве Л.А. Юзефовича на протяжении многих десятилетий. Буддийские идеи и мотивы присутствуют в его ранней книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг и мир, в котором он жил», в некоторых других его прозаических текстах, в поэзии. В предлагаемой работе в рамках большого исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, анализируется влияние буддизма на роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики». Буддийская идея об иллюзорности реальности и человека находит отражение в сюжете произведения и в организации системы персонажей. Романная интрига основывается на принципе повторения, реализуемого в пространстве, времени и в человеческих судьбах. Герои «Журавлей и карликов, согласно одной из возможных интерпретаций, предлагаемых романом, представляют собой одно сознание, меняющее свои формы в русской истории. При этом иллюзорность отдельного человеческого бытия воспринимается автором не в пессимистическом ключе, а как свидетельство духовного родства всех живущих. Проводятся параллели к схожему восприятию реальности и людей в романе «Князь ветра» и повести «Песчаные всадники» Юзефовича и книге Э.В. Лимонова «Старик путешествует».

Ключевые слова: буддизм, религия, иллюзорность, пустотность, система персонажей, Л.А. Юзефович

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 августа 2022 г.; откорректирована 5 сентября 2022 г.; принята к публикации 1 октября 2022 г.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 669–676. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>

© Дубаков Л.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

A man as a Buddhist imaginary in L. Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs"

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University,

1 International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, 518172, People's Republic of China

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. Buddhism finds a diverse reflection in the work of L. Yuzefovich for many decades. Buddhist ideas and motifs are present in his early book "The Autocrat of the desert. Baron R. Ungern von Sternberg and the world in which he lived," in some of his other prose texts, in poetry. In the proposed work, within the framework of a large study devoted to the Buddhist text of modern Russian literature, the influence of Buddhism on Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs" is analyzed. The Buddhist idea of the illusory nature of reality and man is reflected in the plot of the work and in the organization of the system of characters. The novel intrigue is based on the principle of repetition, realized in space, time and in human destinies. The heroes of "Cranes and Dwarfs," according to one of the possible interpretations offered by the novel, represent one consciousness that changes its forms in Russian history. At the same time, the illusory nature of a separate human existence is perceived by the author not in a pessimistic way, but as evidence of the spiritual kinship of all living things. The author also draws parallels to a similar perception of reality and people in the novel "Prince of the Wind" and the story "Sand Riders" by Yuzefovich and the book by E. Limonov "The Old Man Travels."

Keywords: Buddhism, religion, illusory nature, emptiness, character system, L. Yuzefovich

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted Augusts 24, 2022; revised September 5, 2022; accepted October 1, 2022.

For citation: Dubakov, L.V. (2022). A man as a Buddhist imaginary in L. Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 669–676. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>

Введение

В творчестве Л.А. Юзефовича буддизм играет значительную роль. Интерес к этой религии проявился у писателя еще в молодости, он связан и с местом рождения, и с некоторыми аспектами его биографии. Так, в своей знаменитой, неоднократно переиздававшейся книге «Самодержец пустыни», равно как и в повести «Песчаные всадники», он описывает в том числе буддийские составляющие образа барона Унгерна. Роман Юзефовича «Князь ветра» на сюжетном уровне и на уровне системы персонажей построен на основе буддийских концепций пустотности и иллюзорности реальности. Речь о том, что, согласно буддизму, реальность иллюзорна, так как она воспринимается и именуется омраченным человеческим сознанием. При этом подлинное ее состояние пусто от подобной аффективной рецепции.

Обсуждение

Буддийские аспекты романа «Журавли и карлики»

Другим произведением Леонида Юзефовича, в котором находит отражение концепция буддийской иллюзорности, является роман «Журавли и карлики». Вот что пишет об этом В.В. Мароши в статье «Семиотика Каро-

корума в современной русской литературе»: «Буддийской модели мира соответствуют мотивы не только пустоты, но и кажимости, миражей, призрачности героев и мира, в котором они находятся. Это ощущение испытывает Жохов («Иногда, конечно, накатывает что-то такое, не знаю даже, как толком объяснить. Идешь утром на работу, и кажется: или все это прямо сейчас исчезнет, все эти дацаны, субурганы, бараны, хуяны – или они останутся, а меня самого тут не будет. Странное ощущение. То вроде все нормально, а то живешь, как во сне» <...>, Шубин («Он жевал кровяную колбасу вперемешку с печеньем „Юбилейное“, курил, прихлебывал чай, но Шубина не покидало чувство, что сидящий перед ним человек не совсем реален и вот-вот может истончиться до полной прозрачности. Их свидание было – как встреча на том свете» <...>»)» (Мароши, 2010, с. 239).

В центре сюжета «Журавлей и карликов» – история четырех персонажей, проживающих разные жизни, но при этом похожих друг на друга. Как сказано в финале книги о резчике, создавшем буддийский ксилограф, на котором под химорином (конь ветра, лунгта – символ в тибетском буддизме в виде коня, который приносит благополучие) были размещены иудейский могендовид и буддийская свастика: «Резчик понятия не имел, что они могут означать еще что-то, кроме вечного круговорота жизни и столь же бесконечного превращения одного в другое»¹. По словам В.В. Мароши, «сама система персонажей построена по принципу мандалы, кругообразного вращения, как и структура Каракорума вокруг священного серебряного дерева и фонтана ханского дворца» (Мароши, 2010, с. 239). И эта идея многократно поддерживается в романе. Так, например, в финале книги Шубину снится сон, где он видит четыре фигуры, пьющие разные напитки, которые при этом извергаются из одного фонтана². Образ мандалы в качестве попытки описать специфику сюжета этого романа возникает также в статье М.П. Абашевой «Ход слоном, или Почему роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» получил премию «Большая книга»»: «...герои кружили, описывая какие-то странные, как в мандале, круги своей судьбы, оставляя многочисленные, различные и похожие дворцы и фонтаны» (Абашева, 2010).

Самозванец эпохи царя Алексея Михайловича Тимофей Анкудинов, бывший горный инженер, а в 90-е годы XX века – стихийный бизнесмен Жохов, Алексей Пуцятто, выдавший себя за цесаревича Алексея, монгол Баатар, с которым повествователь пересекается в начале нулевых годов нашего века – все они обладают портретным сходством: «Волосом черно-рус, лицо продолговато, одна бровь выше другой, нижняя губа поотвисла чуть-чуть»³, – являющимся прологом к сходству их судеб. Это портретное сходство таково, что жена Шубина прозвала Анкудинова, о котором пишет книгу ее муж, жохом, имея в виду и фамилию их общего знакомого, то есть Жохова, и авантюрный характер того и другого.

Схожий склад характера и мистическое совпадение жизненных путей сводит всех четырех героев в Монголии. Об обращении монголов в христи-

¹ Юзефович Л.А. Журавли и карлики. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 475.

² Там же.

³ Там же. С. 441.

анство говорят Анкудинову в Риме иезуиты, а позже он сам в качестве сосланного появляется в Эрдене-Дзу, Алексей Пуцятто в конце жизни оказывается в Монголии, Жохов был в Монголии в молодости и провел там последние годы, Баатар – уроженец этой страны.

Также их объединяет буддизм. Монгольские номады перешли в буддизм, и в Риме Анкудинову, которого принимают за сына царя Василия Шуйского, предлагают отправить к ним христианских миссионеров, а позже он сам в Монголии якобы хочет принять желтую веру. Алексей Пуцятто поселился в Халхе, где его окружал такой пейзаж: «Неправильный белый прямоугольник монастырских стен и окружавшие его юрты ярко выделялись на фоне свежей весенней травы. Шпили многочисленных субурганов не до конца утратили позолоту. То один, то другой вспыхивал под солнцем. Зрелище было исключительное по красоте»⁴. Этот же буддийский пейзаж вспоминается Шубину, когда он читает книгу, в которой рассказывается про последние годы жизни Анкудинова: «За дальней линией субурганов невидимо тек Орхон <...> гряды за грядой поднимались плоские, растущие вширь холмы, на их фоне монастырь казался совсем крохотным. От его красоты щемило сердце, настолько она была неоспоримой и в то же время непрочной, безропотно готовой раствориться в окрестном пейзаже»⁵.

Жохов полон буддийскими впечатлениями молодости. Он медитировал по утрам – до гайдаровских реформ⁶. Процедура пересчета денег его «приятно успокаивала, как чтение мантры»⁷. Процесс своего согревания в электричке он сравнивает с буддийской практикой туммо, практикой «возжигания внутреннего тепла» с целью трансформации сознания⁸, он помнит высказывания «Дхаммапады»⁹, известного текста из буддийского канона, компендиума буддийской мудрости, изложенной в поэтической форме, и других буддийских текстов¹⁰: «„Внимательно наблюдая за вещами, мы можем сказать, что в мире нет даже двух различных вещей“, – процитировал Жохов кого-то из дзэнских мудрецов»¹¹.

Он проникся «Тибетской книгой мертвых», или «Бардо Тхедол»¹², которая посвящена части посмертного бытия человека: «Последняя учила тому, как после смерти различить Ясный Свет среди множества обманных огней, гораздо более красивых и ярких, слиться с ним и выйти из бесконечной череды низких перерождений»¹³, «Он начал объяснять, как важно увидеть Ясный Свет в первый день после смерти и стремиться к нему, не обманываться другими огнями, более красивыми и яркими. Нужно узнать его, как в

⁴ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 386.

⁵ Там же. С. 444–445.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 336.

⁹ Там же. С. 55, 129, 459.

¹⁰ Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. СПб.: Институт метафизики, 2007. С. 391.

¹¹ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 469.

¹² Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма... С. 116.

¹³ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 129.

сказках крестьянская девушка узнает переодетого принца в толпе разряженных придворных»¹⁴.

Но, помимо внешнего, а также литературного и психологического истолкований сходства героев и при этом их иллюзорной природы: «Чтобы перевоплотиться в царевича из рода Шуйских, он должен был стать не беглецом, а мертвецом»¹⁵ (фраза про то, что Анкудинов должен был стать «не беглецом, а мертвецом», перешла в роман из книги Л.А. Юзефовича «Самые знаменитые самозванцы»; продолжение этой мысли там завершалось глаголом «превратиться»; в «Журавлях и карликах» глагол был заменен на «перевоплотиться», и в контексте монголо-буддийского измерения романа он вполне может быть прочитан и буквально), Анкудинова «больше не существовало, множество поселившихся в нем душ так долго и с такой силой тянули его тело в разные стороны, что оно истончилось до полной прозрачности»¹⁶, – Л.А. Юзефович предлагает также мистико-религиозную интерпретацию.

Сквозная идея романа – о том, что четверо героев являются разными формами одного и того же, а не разными людьми, отдельное бытие которых иллюзорно, – повторяется несколько раз: «Звезды и созвездия есть творения предвечных душ, созидаемые ими на пути к воплощению. Там эти души пребывают до вселения в то или иное тело на планете Земля. Когда предвечная душа повторно погружается в человеческую плоть, перед нами суть не разные люди, а всего лишь различные формы ее земного существования»¹⁷. Эта якобы астрологическая интуиция неоднозначно, но опровергается в книге с позиций христианства: один из персонажей говорит, что учение о предвечных душах противоречит установлениям Пятого вселенского собора. С точки зрения буддизма она также требует большого комментария, однако возможность одновременного и даже одновременного пребывания одного сознания в разных телах в буддизме имеется. Считается, например, что так поступают великие бодхисаттвы (например, все Далай-ламы – догматически – воплощения бодхисаттвы Сострадания). В «Журавлях и карликах» Шубин проговаривает телеологическую теорию, касающуюся Анкудинова: «Он перебивал католиком, протестантом, мусульманином, иудеем. Его, как вакцину, впрыснули в тело державы, чтобы она переболела легкой формой этих смертельных болезней, грозящих ей с запада и с юга, а потом отправили к монголам, посчитав, что для безопасности с востока нужно привить ему еще и желтую религию»¹⁸. В книге «Самые знаменитые самозванцы» Л.А. Юзефович, говоря о мотивах перехода из религии в религию Анкудинова, использует выражение «паразитительная беспринципность»¹⁹, избегая неопределенных метафизических надстроек.

¹⁴ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 342–343.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 154, 193–194, 357.

¹⁸ Там же. С. 445.

¹⁹ Юзефович Л.А. Тимофей Анкудинов – «царевич»-астролог // Самые знаменитые самозванцы: исторические очерки. М.: Олимп: Современник, 1999. С. 168.

Концепция буддийской иллюзорности, кроме того, обозначается в книге прямо. Так, Жохов рассказывает Кате идеи «Бардо Тходол» о сроке промежуточного посмертия человека и рефлексии относительно природы «московской суеты» и модуса восприятия жизни: «В Тибете и Монголии ламы удаляются от мира как минимум на тот же срок, и современные психологи считают, что за меньший период никакими тренингами невозможно перестроить свое сознание, но задача существенно упрощается, если в полном одиночестве, как Катя, живешь среди этих полей, под этим небом, при одном взгляде на которое вся московская суета отодвигается куда-то далеко-далеко, в область кармических иллюзий, где ей, собственно, и место»²⁰, «...он уже тогда стал понимать, что сознание иллюзорности этого мира дает силы мириться с его несовершенством»²¹. Эту же фразу произнес ранее персонаж романа «Князь ветра» профессор Довгайло. Также через «Дхаммападу» появляется в романе образ буддийского царя смерти, Ямы²², сохранность от которого героям обеспечивает именно их иллюзорность: «Кто смотрит на мир как на мираж, того не видит царь смерти»²³, царь смерти «не видит нас по другой причине. В минуты любви мы находимся так близко к нему, что он не может нас разглядеть»²⁴, «Царь смерти не видит тех, кто сознает свою призрачность»²⁵.

Говоря об иллюзорности реальности в целом, нужно упомянуть статью В.В. Мароши, который, анализируя мотивы буддийской пустотности (иллюзорности) в романе «Журавли и карлики», видя их проявление в многочисленных пространственных образах этой книги, приходит, помимо прочего, к выводу о том, что «на локус Каракорума в литературе XX в. переносятся ясно различимые черты эсхатологии „петербургского мифа“ русской литературы. Метаморфозы недолговечной имперской столицы монголов напоминают призрачное бытие в слове российской и советской власти и ее обеих „фантастических“, миражных столиц. Попадание героя в Каракорум означает для него соприкосновение с запретным миром инобытия, а в социальной перспективе является знаком конца имперского проекта России» (Мароши, 2010, с. 240).

Эту же интерпретацию можно приложить и к роману Юзефовича «Князь ветра», где Урга и Петербург сопоставляются напрямую: «...Петербургу суждено „быть пусто“ и погрузиться на дно морское; точно так же есть пророчество, что и Урга, поглощенная степью, когда-нибудь исчезнет с лица земли, не оставив после себя ни одного из своих имен»²⁶ – и действие которого завершается в революционном Петрограде, окончательно обрушающем прежнюю империю. Мотив буддийской пустотности, поглощающей не благие властные, государственные стремления, присутствует и в повести «Песчаные всадники» (и в стихотворении «Унгерн»), в которой жизнь барона

²⁰ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 342.

²¹ Там же.

²² Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма... С. 895.

²³ Юзефович Л.А. Журавли и карлики... С. 55–56.

²⁴ Там же. С. 300.

²⁵ Там же. С. 342.

²⁶ Юзефович Л.А. Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. С. 26.

Унгерна оборачивается прахом, пеплом, песком и завершается на пустыре возле города Новониколаевска, который также скоро прекратит свое существование, став Новосибирском.

Этот образ пунктирно появляется также в книге Э.В. Лимонова «Старик путешествует», в которой он посещает Степной кремль в городке Хархорум в Монголии. Как и в «Журавлях и карликах», монгольская реальность у Лимонова неприглядна, святыни стали частью рынка. И все же образы вечности проглядывают через фальшь настоящего. Сквозь Степной кремль дует «ветер с пылью» (Лимонов, 2020, с. 169) и уходят последние монголы. И образ Степного кремля создается не только через то, что вокруг него есть, а через то, чего в нем давно нет, через отсутствие, через пустоту.)

Заключение

В романе «Журавли и карлики» Л.А. Юзефович, обращаясь к концепции буддийской иллюзорности, вновь проговаривает мысль о призрачной природе человека, об онтологической условности границ между людьми, о призрачной природе реальности в целом, которая становится очевидной в моменты личностных и исторических кризисов, поскольку «тяжелая болезнь ослабляет человека, рассеивает в нем случайный набор случайных элементов» (Андросов, 2001, с. 11) (или дхарма-частиц), и «вечные истины являются ему в пустоте его сознания»²⁷, а «В то счастливое время Жохов не знал, что бывают времена, подобные болезни. Они разрушают душу, но они же открывают перед тобой вечность»²⁸.

Концепция буддийской иллюзорности человека позволяет Леониду Юзефовичу, который упоминает «Ганджур» и «Данджур», книги тибетского буддийского канона²⁹, не только разглядеть в главных героях романа «Журавли и карлики», равно как и во всех людях, схожесть, но и обозначить их сущностную родственность: «Видишь, как все возвращается, повторяется, перетекает друг в друга, сбрасывает имена, скрывающие под собой разные части одного и того же, и когда проходит первый шок, начинаешь понимать, что не так уж важно, кто произвел тебя на свет в твоём физическом облике. Люди больше похожи на свое время, чем на своих родителей. Все рожденные под одной звездой – братья»³⁰.

Список литературы

- Абашева М.П. *Ход слоном, или Почему роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» получил премию «Большая книга»* // Филолог. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_192 (дата обращения: 31.07.2022).
- Андросов В.П. *Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов*. М.: Восточная литература, 2001. 508 с.
- Лимонов Э.В. *Старик путешествует*. М.: Индивидуум, 2020. 264 с.

²⁷ Юзефович Л.А. *Журавли и карлики...* С. 359.

²⁸ Там же. С. 359.

²⁹ Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. *Энциклопедия буддизма...* С. 270, 307.

³⁰ Юзефович Л.А. *Журавли и карлики...* С. 359–360.

Мароши В.В. Семиотика Каракорума в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 228–240.

References

- Abasheva, M.P. (2010). The Elephant's Move, or Why Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs" received the "Big Book" award. *Filolog*, (10). (In Russ.) Retrieved July 31, 2022, from http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_19
- Androsov, V.P. (2001). *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Limonov, E.V. (2020). *The old man travels*. Moscow: Individuum Publ. (In Russ.)
- Maroshi, V.V. (2010). Semiotics of Karakorum in modern Russian literature. *Kritika i Semiotika*, (14), 228–240. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Bio note:

Leonid V. Dubakov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-677-685
УДК 82-312

Научная статья / Research article

Деструкция толерантности в пьесе Олжаса Жанайдарова «Алдар»

А.Л. Нечаева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1*
 nasteknechal@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается преломление категории «толерантность» в пьесе О. Жанайдарова «Алдар» посредством интерпретации образа Другого-мигранта. Анализ произведения выстроен с позиций новой драмы и коммуникативного насилия как одного из ее основных принципов. Изображение мигранта в пьесе подчиняется целому ряду характеристик, которые работают на общий замысел – отразить острое неравенство, мировую хаотичность, деконструкцию нравственных установок. Отсюда и понятие толерантности подвергается полному разложению, разрушению – деструкции. Дискурс Другого позволяет драматургу вести повествование на основе перформативного принципа с применением определенного культурного кода, который также рассматривается как Другой. Конструируя конфликт персонажа с системой, которая зиждется на фундаменте насилия, автор реализует принцип гиперреализма, в свою очередь обнажающий скрытые ранее проблемы, разъедающие общество. Другой в данном случае оказывается сигналом о необходимости перекраивать «больной», деструктивный миропорядок, который интерпретируется обществом как нечто само собой разумеющееся, незыблемое. Однако может ли Другой стать действенным рычагом к пониманию толерантности в ее «здоровых» значениях, изменив насильственные, извращенные принципы реальности – на этот вопрос ответа пока не дано.

Ключевые слова: Другой, чужой, интолерантность, аккультурация, насилие, диалог, ксенофобия, деконструкция, мигрант, Новая драма, театр, маленький человек

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 сентября 2020 г.; откорректирована 25 сентября 2022 г.; принята к публикации 10 октября 2022 г.

Для цитирования: *Нечаева А.Л.* Деструкция толерантности в пьесе Олжаса Жанайдарова «Алдар» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 677–685. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-677-685>

© Нечаева А.Л., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Destruction of tolerance in Olzhas Zhanaydarov's play "Aldar"

Anastasia L. Nechaeva

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119234, Russian Federation*

✉ nasteknechal@rambler.ru

Abstract. The author deals with the refraction of the category of "tolerance" in O. Zhanaydarov's play "Aldar" through the interpretation of the image of the Migrant Other. The analysis of the work is built from the standpoint of the new drama and communicative violence as one of its main principles. The depiction of a migrant in the play is subject to a number of characteristics that contribute to the overall idea – to reflect acute inequality, global chaos, and the deconstruction of moral attitudes. Hence, the concept of tolerance undergoes complete decomposition, degradation – destruction. The discourse of the Other allows the playwright to narrate on the basis of a performative principle using a certain cultural code, which is also considered as the Other. By constructing a character's conflict with a system that is based on the foundation of violence, the author implements the principle of hyperrealism, which in turn exposes previously hidden problems that corrode society. The Other in this case turns out to be a signal of the need to reshape the "sick," destructive world order, which is interpreted by society as something self-evident, unshakable. However, whether the Other can become an effective lever for understanding tolerance in its "healthy" meanings by changing the violent, perverted principles of reality – this question has not yet been answered.

Keywords: Other, alien, violence, dialogue, xenophobia, deconstruction, migrant, new drama, theatre, little man

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 9, 2022; revised September 25, 2022; accepted October 10, 2022.

For citation: Nechaeva, A.L. (2022). Destruction of tolerance in Olzhas Zhanaydarov's play "Aldar". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 677–685. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-677-685>

Введение

С господством бесконечного разнообразия выборов, возможностей и функций, современный мир постепенно теряет способность к пониманию и принятию Другого. Чаще происходит обратное – резкое его отрицание, агрессивное недовольство «чужим»: «один из путей постижения смыслов и границ толерантности – анализ форм и проявлений ее противоположности – интолерантности или нетерпимости, которая основывается на убеждении, что твое окружение, твоя система взглядов, твой образ жизни стоят выше остальных» (Асмолов и др.). Здесь стоит упомянуть о процессе аккультурации, который часто натывается на препятствия, связанные с непринятием чужой культуры, пониманием ее как чего-то преступного и опасного.

Проблема нетерпимости, четко обострившаяся сегодня, заставляет мыслить о ней обширно. Например, Л.Н. Толстой полагал, что «не воображае-

мый, а действительный патриотизм <...> от которого так жестоко страдает человечество, есть очень определенное чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам или государствам» (Толстой). Патриотизм не есть господство одного над другим, он есть уважение «чужого», что приводит Толстого к мысли о спасительном братстве всех народов.

Согласно опросу, проведенному «Левада-центром»¹ среди россиян в 2016 году, политизация этнических различий, выражающаяся в лозунге «Россия для русских», находит поддержку у каждого второго участника опроса – таковых 52 %. «Скорее согласны» с высказыванием, что иммигранты разрушают российскую культуру, заявили 23 % респондентов.

Ксенофобию, конечно, можно рассматривать как способ социально-психологической защиты человека (что ее, разумеется, не оправдывает). Так страх порождает необходимость выстраивания границ между своим и чужим. Эти границы, по словам исследователя Ольги Шевченко, «не всегда естественны, напротив, они социально организованы и нередко сопровождаются намеренным формированием образа врага». Рост ксенофобии обусловлен потерянностью, духовным кризисом, утратой «завтрашнего дня»: «В настоящее время отсутствует система ценностей, способная объединить представителей различных этнических культур, не сформирована гражданская идентичность в стране»².

Искусство, а в нашем случае – театр, берет на себя сегодня примиряющую роль в вопросе о тех, кто подвергается дискриминации, чьи естественные права, вплоть до права на жизнь, нарушаются. Художественный руководитель Театра.doc Елена Гремина, говоря о категории социальности современного театра, упоминала, что «любой театр помогает людям. Но говоря о социальном театре, мы имеем в виду театр, который вовлекает людей» (Козлова, 2019). Здесь речь идет об отказе от принципа игры как таковой, театр мыслится в парадигме отраженной реальности. Рассматривая театр как площадку для диалога, можно говорить не только о беседе со зрителем и эпохой, но и о диалоге культур, который, как известно, невозможен без соответствующей подготовки его участников к пониманию и принятию равноправия друг друга.

Обсуждение

Категория другого в рамках деструкции толерантности

О несостоятельности этого диалога с Другим – мигрантом, столкнувшись с неприятием со стороны социума, рассказывает пьеса казахского драматурга Олжаса Жанайдарова «Алдар», попавшая в шорт-лист «Любимовки-2019». Автор с осторожной дидактичностью дарит голос тем, кто обычно молчалив. Говорить начинает обычный трудовой мигрант, точнее, о нем начинают говорить – открыто и провокационно. Автор, рассуждая о

¹ Интолерантность и ксенофобия. URL: <https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/> (дата обращения: 26.02.2022).

«Левада-Центр» признан Минюстом РФ иностранным агентом.

² «Ребята, я же свой!»: как представители коренных народов Сибири живут в российских городах. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/15949-rebyata-ya-zhe-svooy-kak-predstaviteli-korennyh-narodov-sibiri-zhivut-v-rossijskih-gorodah/?ysclid=l2qlredik2> (дата обращения: 26.02.2022).

собственном замысле, указывал, что его пьеса «о том, в каком мире мы сейчас живем, о том, что права граждан, не только мигрантов, сегодня очень часто нарушаются»³.

В работе «Перформансы насилия» исследователи Марк Липовецкий и Биргит Боймерс называют насилие не только центральной темой Новой драмы, но и ее определяющим дискурсом (Липовецкий, Боймерс, 2012). Повседневная коммуникация основана на языках насилия, считают авторы. Отсюда Другой при любом раскладе становится объектом этого насилия. Именно в подобного рода парадигму включаем изображение в драме разного рода нетерпимости к «чужому» как свидетельства мировой деконструкции. Коммуникативное насилие видится как основополагающий принцип, как нечто вошедшее в норму.

В образе героя, который встает на тропу борьбы с насилующей системой в пьесе Жанайдарова – современный Алдар Косе – вымышленный фольклорный персонаж казахских сказок. Алдар Алданов – юрист, который бескорыстно защищает права мигрантов из Средней Азии. Он идеальный тип, а в разрезе классической традиции «христоликий герой». О традиции в пьесе Жанайдарова упоминает и театральный критик Павел Руднев: «Олжас пишет о новом легитимном рабстве, о российском изводе постколониального, постимперского общества, защищая, подобно литераторам XIX века, маленького незаметного человека, помогая вызреть его (человека) достоинству» (Руднев).

Основная задача пьесы видится автору в отражении современной жизни, ее натуралистичности, поиске рычагов для социальных изменений, сокращении неравенства. Образ мигранта вписывается в осмысление философской категории Другого с позиций диалогического, конфликтологического и этнографического измерений.

Так, по мнению Ж.-П. Сартра, в природе взаимодействия «Я» и Другого лежит конфликтное измерение. Другой – это тот, кто желает сделать меня объектом, поработить: «в то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего» (Сартр). Другой, согласно взглядам философа, «есть тот, кто на меня смотрит».

Диалогисты Ж. Лакан и М. Бахтин, полагают, что Другой и «Я» эффективно взаимодействуют исключительно через «диалог». Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» утверждает, что вне диалога Я-Другой невозможно бытие, само бытие человека – это непрерывный диалог с Другим. Он делает вывод, что «можно говорить об абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность» (Бахтин).

Конфликтологический анализ порождает понимание о Другом как маргинальном. М. Фуко в работе «История безумия в классическую эпоху» утверждает Другого как девиантного – он может быть исправлен лишь разу-

³ Олжас Жанайдаров: кино и телевидение рисуют нам параллельную глянцевостерильную реальность. URL: <https://exk.kz/opinion/70229/olzhas-zhanaidarov-kino-i-telieviedieniierisuiut-nam-parallielnuii-ghliantsievo-stierilnuii?ysclid=12t14wrijk> (дата обращения: 26.02.2022).

мом. Согласно взглядам К. Леви-Стросса, Другой в коллективном сознании масс выступает как угроза обществу. Этноцентризм, полагал он, состоит в отрицании всех культурных проявлений и форм поведения, отличных от наших собственных.

Фундамент образа мигранта, построенный через призму Другого, помогает автору вести повествование в соответствии с традициями Новой драмы. Сам Жанайдаров отмечает, что «зритель, приходящий в театр, должен видеть жизнь, которую он знает, и проблемы, которые ему близки и понятны. Как ни удивительно, нигде больше он этот опыт сегодня не получает»⁴. Другой, как представитель иной культуры, становится сигналом о проблемах не только нравственных, но и государственных.

Повествование в «Алдаре» завязано на стереотипичном образе «чужого» (мигрант – опасный). Подзащитного Алдара Алданова Сархата обвиняют в создании террористической группировки, заставляют под страхом написать ложное признание. Сложившееся представление о человеке другой нации, как способном совершить преступление, помогает правоохранителям скрыть сфабрикованность дела (Жанайдаров):

Человек. А я тебе скажу, Алданов, как все было. В Турции ты получал инструкции от своего руководства. Вернувшись в Москву, стал вести тайную деятельность, вербовать мигрантов, пропагандировать терроризм. Джуроев организовал террористическую ячейку, а ты его идеолог, сообщник. А может, наоборот? Сам все организовал, а его подставил?

Человек-с. Помилуйте, совсем не запрещено, у нас свободнейшая страна. Только видите ли, голубчик, сами же вы и признались, сами-с! Стало быть, имелся у вас повод, связи имелись, договоренности. Ваш клиент, как вы изволили теперича счастливо выразиться, злостный нарушитель государственности, преступник, создатель террористической ячейки «Джамаат ансаруллах». Вот так вот-с.

Алдар. Никаким террористом Сархат Джуроев не является, все обвинения ложные. Его похитили, пытали, заставили читать на камеру текст, а потом выложили запись в соцсети.

Сама пьеса очевидно повторяет гоголевскую традицию изображения чиновничества. Безликие следователи получают приписку «с» – Человек-с. Потонувшие в бюрократии они напоминают нам значительное лицо из гоголевской «Шинели», которое «недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, еще значительнейшими» (Гоголь). Когда самого Алдара, который мешает полиции «работать», арестовывают по ложному обвинению, Человек-с ведет себя совершенно жалким образом – юлит, язвит, пытаясь показать собственную «значительность» (Жанайдаров):

Человек-с. Ну не надо, не надо вот этих вот уверток. Телефончик ваш, кстати, утерян, видимо-с, где-то по дороге выпал, оказия какая. Но не волнуйтесь, найдем его и вернем вам в наилучшем виде.

Человек-с. Какие пытки, голубчик, какие пытки! Так если, пыточки-с.

Алдар. Я требую врача и немедленного медосмотра. Я хочу снять побои, синяки и ссадины.

Человек-с. Это всенепрременно!

⁴ Олжас Жанайдаров: кино и телевидение рисуют нам параллельную глянцево-стерильную реальность. URL: <https://exk.kz/opinion/70229/olzhas-zhanaidarov-kino-i-telieviedieniierisuiut-nam-parallielnuii-ghliantsievo-stierilnuii?ysclid=12t14wrijk> (дата обращения: 26.02.2022).

Конфликт добра и зла в пьесе отсылает к традициям героического эпоса. Однако это зло настолько укоренилось во лжи, что стало устойчивой системой (нормой), победить которую не удастся даже самому чистому и «христоликому» (Жанайдаров):

Человек. Героя тоже из себя не строй. Ты им не будешь. В глазах всей страны, всего нашего общества ты будешь фанатиком, экстремистом, помогающим своим сородичам. Ты будешь проклят и забыт всеми.

В ходе обсуждения пьесы на фестивале «Любимовка» драматург Мария Огнева заметила, что «это комикс, где герой не может быть победителем, просто потому что есть полиция»⁵. В невозможности сказки в жизни драматург видит корни мировой трагедии. Моральные силы для противостояния системе Алдар черпает в иной реальности, куда время от времени впадает. Там и заветы отца, и воспоминания о собственном становлении. Уход героя случается в критические моменты, когда гнет несправедливости достигает апогея. Такая медитативная, оккультная связь с другим миром работает и на особую национальную направленность текста (Жанайдаров):

Пауза. В детстве часто болели зубы. «Потерпи, ты ведь джигит, будущий воин!» – говорила мне красногубая старуха, школьный стоматолог, жалмауз кемпыр. И сверлила зуб холодным буром на низких оборотах без анестезии, ведьма, нос крючком, космы торчком. И укладывала мышьяк на больной нерв, слепые глаза, черные пальцы, семь седых голов.

Этническая составляющая пьесы дополняет ее мифологизм. Он позволяет противопоставить глубокий народный миф мифу современному, который очевидно осуждается автором – он разрушен и хаотичен. Так выражается еще противопоставление минутному и вечному. Алдар Алданов питается этническим мифом как от земли, получая силы, которые позволяют ему жить по нравственным нормам, а сам Жанайдаров таким образом остается в рамках пафоса героического эпоса. Если образ народной мифологии глубок, то образ мира современной России поверхностный.

Оппозиционность образа Алдара усиливают отсылки на тоталитарность реальности, в которой бытует герой. Народ бездумно вторит голосу власть имущих, становясь частью системы, которая основана на антигуманных принципах. Здесь же до абсурда доходит понятие патриотизма, которое выливается в крайнюю нетерпимость, ненависть к «чужому» (Жанайдаров):

Алдар. Я хочу, чтобы меня выпустили.

Chelovek. Мы готовим новый проект. Полная и окончательная ассимиляция национальных меньшинств. Физическая и психологическая коррекция. Увеличение разреза глаз, осветление кожи, исправление акцента, вытягивание крайней плоти. Крещение, культуризация, русификация. Обязательная процедура для всех прибывающих мигрантов. Один народ, одна вера, один язык. Как вы к этому относитесь?

Алдар. Вы серьезно?

Chelovek. А вот людям нравится. Один народ?

Прохожие. Да!

Chelovek. Одна вера?

Прохожие. Да!

⁵ Героическая драма XXI века. URL: <https://lubimovka.ru/blog/764-geroicheskaya-drama-xxi-veka> (дата обращения: 26.02.2022).

Chelovek. Один язык?

Прохожие. Да!

Chelovek. Один народ, одна вера, один язык!

Прохожие. Да! Да! Да!

Такой своеобразный хор усиливает состояние конца, полного апокалиптического распада человечности. Общество уподобляется толпе, лишенной всяких признаков критической мысли.

Алдар – носитель истинного гуманистического идеала, поэтому, по мнению «высших», должен успокоиться. Его фразы всегда идеалистичны, утопичны, но правдивы. Такой прием можно расценить как попытку смягчения гиперреализма повествования, а также усиления дидактической составляющей пьесы (Жанайдаров):

Алдар. Знаешь, как Великую Отечественную выиграли? Вот огонь водой тушат. Так и ту войну – людьми затушили. Кидали в пламя, пока не прекратится. Людей полно, не жалко. Вот мигранты сейчас такие же. Мясо пушечное. Новая Россия на костях гастарбайтеров строится.

Заключение

Образ мигранта, отражая тенденцию к изображению Другого в современной драматургии, указывает на острое неравенство, мировую хаотичность, отсутствие нравственных рамок. Насилие в пьесе Жанайдарова изображено как укорененное, хроническое – читатель видит попытки героя противостоять ему, но все они в равной степени оказываются бесполезными. Отсюда и понятие толерантности подвергается полному разложению, разрушению – деструкции.

Принцип гиперреализма, который лежит в основе повествования, вызывает шок, побуждая к рефлексии над порядком вещей. Отсылки к героическому эпосу в пьесе некоторым образом ослабляют ее натуралистичность, однако и они не помогают решить конфликт в пользу толерантности. Борьба героя за правду не сдвигает с места систему, в которой Другой опасен, а единственным методом диалога является насилие. Однако в вопросе противостояния нетерпимости автор возлагает надежду на ту этническую силу, которой обладает герой – она также есть проявление Другого.

Все действия защитника «маленьких людей» приводят его к собственной трагедии. Читатель осознает, что это лишь начало пути героя, ибо зло, с которым он сталкивается, слишком системно и фундаментально. Попытки в этой системе становятся нормой, выдуманные обвинения ложатся на почву реальности. Права человека становятся иллюзорными. Отсюда и понятие толерантности остается утопичным.

В этом мире герой необходим, но еще не появился, а пытается вырваться из ужаса кафкианского «Замка», толщи бюрократии и беззаконья. Он обязательно это сделает, уверен автор. Критики также соглашаются, что такого героя пока нет в среде российских мигрантов: «ощущение, будто это послы в космос, желание, чтобы он появился»⁶.

⁶ Героическая драма XXI века. URL: <https://lubimovka.ru/blog/764-geroicheskaya-drama-xxi-veka> (дата обращения: 26.02.2022).

Список литературы

- Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность». URL: <https://asmolovpsy.ru/wp-content/uploads/2022/11/o-smyslah-ponyatiya-tolerantnost.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).
- Бахтин М.М. Проблема автора. Автор и герой в эстетической деятельности. URL: http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/5_1.html (дата обращения: 24.02.2022).
- Гоголь Н.В. Шинель. URL: <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html> (дата обращения: 26.02.2022).
- Жанайдаров О. Алдар. <https://lubimovka.art/zhanaydarov> (дата обращения: 26.02.2022).
- Козлова В. Социальный театр в современной России // Театр. 2019. № 40. URL: <https://oteatre.info/sotsialnyj-teatr-v-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 26.02.2022).
- Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016. 160 с.
- Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.
- Руднев П. Алдар. URL: <https://pavelrudnev.livejournal.com/2331866.html> (дата обращения: 26.02.2022).
- Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/index.htm> (дата обращения: 25.02.2022).
- Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство. URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/patriotizm-i-pravitelstvo/index.xhtml?ysclid=l2ten8u7an> (дата обращения: 26.02.2022).

References

- Asmolov, A.G., Soldatova, G.U., & Shajgerova, L.A. (n.d.). *About the meanings of the concept of tolerance*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://asmolovpsy.ru/wp-content/uploads/2022/11/o-smyslah-ponyatiya-tolerantnost.pdf>
- Bakhtin, M.M. (n.d.). *The author's problem. Author and hero in aesthetic activity*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/5_1.html
- Gogol, N.V. (n.d.). *The overcoat*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://ilibrary.ru/text/980/p.1/index.html>
- Kozlova, V. (2019). Social theater in modern Russia. *Teatr*, (40). (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://oteatre.info/sotsialnyj-teatr-v-sovremennoj-rossii/>
- Levi-Stross, K. (2016). *Get to know others. Anthropology and problems of modernity*. Moscow: Tekst Publ. (In Russ.)
- Lipovetskij, M., & Bojmers, B. (2012). *Performances of violence: Literary and theatrical experiments in "New Drama"*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ. (In Russ.)
- Rudnev, P. *Aldar*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://pavelrudnev.livejournal.com/2331866.html>
- Sartr, Z.P. (n.d.). *Being and nothing. The experience of phenomenological ontology*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <http://psylib.org.ua/books/sartr03/index.htm>
- Tolstoj, L.N. (n.d.). *Patriotism and government*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/patriotizm-i-pravitelstvo/index.xhtml?ysclid=l2ten8u7an>
- Zhanajdarov, O. (n.d.). *Aldar*. (In Russ.) Retrieved February 26, 2022, from <https://lubimovka.art/zhanaydarov>

Сведения об авторе:

Нечаева Анастасия Леонидовна, аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0003-4690-2723. E-mail: nasteknechal@rambler.ru

Bio note:

Anastasia L. Nechaeva, postgraduate student, History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process Department, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-4690-2723. E-mail: nasteknechal@rambler.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-686-694
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Картина мира в романе Ю. Полякова «Совдетство»

Ц. Хэ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

✉ he.jinhua@yandex.ru

Аннотация. Анализируется художественная картина мира, запечатленная в романе Ю. Полякова «Совдетство». Цель работы – раскрытие принципов создания Ю. Поляковым модели мира СССР 1960-х годов. В исследовании используются описательный метод и компонентный анализ. Делается вывод, что предмет описания Ю. Полякова в романе «Совдетство» не ограничивается воспоминаниями и жизненными перипетиями главного героя. Писатель также воспроизводит общественные отношения между людьми: отношения между родственниками, соседями и коллегами, отношение советских людей к власти. Если рассматривать все произведения Ю. Полякова в контексте единого текста, то «Совдетство» как хронологически более раннее произведение является ключом к пониманию прочих произведений писателя, так как в этом романе писателем объясняется происхождение некоторых парадоксальных явлений, о которых пойдет речь в других произведениях. Помимо художественного анализа текста, рассмотрена историческая ценность романа, в котором автор предлагает читателям более нейтральную точку зрения на Советский Союз.

Ключевые слова: картина мира, Ю. Поляков, советское детство, процесс взросления ребенка

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 октября 2022 г.; откорректирована 21 ноября 2022 г.; принята к публикации 15 декабря 2022 г.

Для цитирования: Хэ Ц. Картина мира в романе Ю. Полякова «Совдетство» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 686–694. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-686-694>

The picture of the world in the novel by Yu. Polyakov “Sovchildhood”

Jinhua He

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ he.jinhua@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the artistic picture of the world captured in Yu. Polyakov's novel “Sovchildhood.” The purpose of the study is to reveal the principles of the creation by Yu. Polyakov of the model of the USSR world of the 1960s. The descriptive

© Хэ Ц., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

method and component analysis were used. The author concluded that the subject of the description of Yu. Polyakov in the novel “Sovchildhood” is not limited to the memories and life vicissitudes of the protagonist. The writer also reproduces social relations between people: relations between relatives, neighbors and colleagues, the attitude of Soviet people to power. If we consider all the works of Yu. Polyakov as a single text, then “Sovchildhood,” as a chronologically earlier work, is the key to understanding other works of the writer, since in that novel the writer explains the origin of some paradoxical phenomena that will be discussed in other works. In addition to the artistic analysis of the text, the historical value of the novel, in which the author offers readers a more neutral point of view regarding the Soviet Union, is discussed.

Keywords: picture of the world, Yu. Polyakov, soviet childhood, child growing-up process

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 11, 2022; revised November 21, 2022; accepted December 15, 2022.

For citation: He, J. (2022). The picture of the world in the novel by Yu. Polyakov “Sovchildhood”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 686–694. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-686-694>

Введение

В сентябре 2021 года вышел новый роман Юрия Полякова «Совдетство». В романе автор воспроизводит советский быт 1960-х годов, давая читателям среднего и старшего поколений повод вспомнить свое собственное детство, а молодое поколение – знакомит с жизнью в СССР того периода. Критик И. Голубничий в статье «Родина сердца: о романе Юрия Полякова „Совдетство“» высоко оценивает реалистическое описание писателем советского быта. Ему, как бывшему советскому человеку, эти воспоминания очень близки.

Повествование ведется от лица двенадцатилетнего мальчика, который живет с родителями в общежитии маргаринового завода. Действие разворачивается летом 1968 года, за два дня до поездки на море. В центре повествования – описание подготовки мальчика к летнему отдыху. Почти каждый эпизод из жизни главного героя вызывает у него много воспоминаний о соседях, одноклассниках, родственниках, местах и историях из более раннего детства. Пространство деятельности героя романа от комнаты, где он живет, расширяется до соседних дворов и магазинов в центре города, от семьи до общества.

Стоит заметить, что основой сюжета романа и предметом изображения в «Совдетстве» оказывается личный опыт самого автора. Писатель сам подтверждает это в одном из интервью. Почти у всех персонажей романа есть реальные прообразы. В образе главного героя Юры Полуякова легко угадывается сам Юрий Поляков. Имена, работа, характер и жизненный опыт родных и близких главного героя перекликаются с таковыми у людей из действительности. Можно сказать, что отличительным признаком творения Ю. Полякова является реалистическое изображение быта общества. В биографии «Юрий Поляков. Последний советский писатель», изданной в 2017 году, Ольга Ярикова подробно рассказывает, какие именно эпизоды в опубликованных произведениях взяты писателем из его жизни. Безусловно, новый роман Ю. Полякова продолжает эту традицию.

Обсуждение

Воспоминания о советском детстве

Как пишет Ю. Лотман в монографии «Структура художественного текста»: «будучи пространственно ограниченным, произведение искусства представляет собой модель безграничного мира» (Лотман, 1970, с. 204). В романе Ю. Полякова «Совдетство» автором словно фиксируется быт отдельной столичной семьи, на примере которой показываются общественные отношения и мировоззренческие установки советских людей в конце 1960-х годов. В какой-то степени это изображение картины мира советского человека того периода.

Говоря о картине мира в художественном произведении, М. Дедина утверждает: «описание картины мира и восприятие ее как способа познания окружающей действительности, проявляющейся в художественном произведении, позволяет говорить об авторском субъективном видении и отражении определенного пространства, реального или вымышленного» (Дедина, 2020, с. 322). В романе «Совдетство» Ю. Поляков создает модель мира с точки зрения двенадцатилетнего мальчика и делится своими личными представлениями с читателями. Во-первых, смотреть на мир глазами двенадцатилетнего ребенка немного смешно, но это чувство знакомо каждому. Чтение романа возвращает читателей в далекое детство. Во-вторых, автор предоставляет читателям уникальную возможность познакомиться с процессом формирования мировоззрения у молодого советского поколения. Если рассматривать все произведения Ю. Полякова как единый текст, то в романе «Совдетство» писателем объясняется происхождение некоторых парадоксальных явлений, о которых пойдет речь в других произведениях. В-третьих, через внимательные наблюдения двенадцатилетнего героя за взаимоотношениями между родителями, соседями по общежитию и другими взрослыми, их разным отношением к власти раскрывается система ценностей советского общества.

Подзаголовок данного романа «Книга о светлом прошлом» говорит о многом. В русском языке есть распространенное выражение «светлое будущее». Вспоминая о своем детстве в СССР, писатель употребляет эпитет «светлое». В первую очередь это можно объяснить тем, что детство считается самым простым и прекрасным периодом в жизни человека. К взрослым никогда не вернуться те детские качества: бескорыстие, наивность и любопытство по отношению к окружающему миру. К тому же советское время все-таки имеет свою уникальность, которая ощущается как что-то очень далекое в постсоветском обществе. Все это уникальным образом отразил в своем новом произведении Ю. Поляков.

На страницах романа «Совдетство» Ю. Поляков затрагивает важную тему – психосексуальное развитие детей, которое является важным этапом в развитии человека. Стараясь уклониться от разговоров на эту тему, взрослые по-разному уклончиво называют секретную часть тела: «глупости», «петушок», «женилка» или «мужское достоинство» (Поляков, 2021, с. 96). Однако это не помогает уменьшить интерес детей к телу человека. Еще в детском саду малолетнего героя поражает нагота воспитательницы, которая собирается принимать душ после мытья детей. В бане мальчик обнаруживает, что мужчины отличаются не только лицами, фигурами, прическами, но и ин-

тимной частью тела. Повзрослев, мальчик начинает стесняться того, что соседка, курящая на площадке общежития и одетая лишь в халат, вызывает у него сексуальную реакцию. И так без участия родителей и учителей происходит половое просвещение героя романа.

Писатель также изображает весьма простую и прекрасную детскую любовь, которую каждый ребенок может испытывать. Для детей привязанность к другому ребенку исключительно бескорыстна. Они могут влюбляться по наивным причинам. Наш герой Юра любит соседку по парте Шуру Казакову, потому что она хорошо «руководствует» им в танцах, у нее ярко-зеленые глаза и от нее приятно пахнет. Хотя Шура относится к герою с прохладцей, Юра всегда готов делать ей подарки. В прошлом году мальчик привез любимой девочке большую раковину, которую достал собственными руками с самого дна моря. И в летние каникулы Юра тайком положил букет васильков на почтовой ящик семьи Шуры. Таким образом Ю. Поляков раскрывает суть любви, забытую многими взрослыми: любовь – это отдавать, а не брать.

К подобным деталям, напоминающим читателей о «светлом детстве», можно добавить следующее: герой романа Юра многократно отвлекает внимание родителей глупыми вопросами, чтобы они не ссорились; он стесняется носить новую одежду, опасаясь того, что это вызывает смех у сверстников; он мечтает изобрести нереальные вещи, например взрослеющую вместе с хозяином и видоизменяющуюся согласно последней моде одежду; или стать путешественником-первопроходцем; боясь наказаний, ребенок не смеет признаться в своих ошибках; с возрастом мальчик начинает стесняться произносить слово «мама» или «мамочка»; после уроков герой романа играет с друзьями в детские игры, например в рыцарские турниры, казаки-разбойники; летом он с большой радостью сжигает тополинный пух; иногда мальчики злорадно разоряют коллекции фантиков и бусинок девочек. Детству также свойственно смешное тщеславие: добыв вызывающее зависть не только окружающих детей, но и взрослых, мороженое из ГУМа, Юра «не спешил, всем видом показывая: может быть, для приезжих это и событие, а для меня, коренного москвича, „кремлевский пломбир“ – обычная пища, даже слегка поднадоевшая» (Поляков, 2021, с. 253).

Детство заканчивается, когда окружающие перестают относиться к тебе как ребенку. Для нашего Юры этот момент наступает, когда грузчик хлебного фургона Семен Иванович отказывается бесплатно угощать Юру орешками, оставшимися на пергаменте от сладких булочек и хлеба. В конце романа герой уже сознательно поступает «по-взрослому». Во-первых, он помогает маме решить проблему с букетом васильков, подаренным ее ухажером. Во-вторых, когда мать предупреждает его, чтобы он не лазил по плитам в новой курточке, Юра отвечает: «Не волнуйся! Я теперь такой ерундой не занимаюсь!» (Поляков, 2021, с. 382). Так Ю. Поляков показывает читателям картину мира в глазах двенадцатилетнего ребенка и процесс его взросления.

Отношение детей к СССР

Кроме воспоминаний о светлом детстве, Ю. Поляков также демонстрирует отношение детей того времени к коммунистической идеологии. В малолетние годы представление о коммунизме у детей наивно и просто-

душно. Они верят всему, что сообщается в пропаганде. Однако по мере взросления дети постепенно начинают обнаруживать несоответствия между идеологией и реальностью.

Под влиянием пропаганды наш герой Юра в четвертом классе написал в сочинении, что хочет стать революционером, как Бакунин или Бауман, но учительница Ольга Владимировна отговорила его, «поскольку царь давно свергнут, а народ освобожден, нужда в революционерах на просторах СССР отпала сама собой» (Поляков, 2021, с. 181). Раньше Юре Советский союз казался самой хорошей страной, где, в отличие от Америки, не знают безработицы. Но жизнь незаметно подтачивает подобные представления героя романа. Например, мальчика удивляет тот факт, что Вилена Григорьевна, мама одного из одноклассников, работает цензором в издательстве. Раньше он думал, что цензура существовала только во время Пушкина и Лермонтова, совсем не ожидая ее существования в СССР. Соседка Алексеевна, бабушка «из бывших», рассказывает Юре, как роскошно люди жили при царе, а их скромное общежитие было особняком, где от самой входной двери был расстелен ковер. На вопрос, куда подевались ковры, сосед дядя Коля отвечает, «рабочему классу не нужны» (Поляков, 2021, с. 112). Но такой ответ не может устроить Юру, потому что он видел, как радовалась бабушка Груни, когда выиграла ковер в лотерею. Это событие также заставляет героя сомневаться в правдивости официальной пропаганды. Статус рабочих в стране тоже вызывает сомнение у нашего героя. В классе учитель по истории любит говорить, что если ученики плохо учатся, то им останется в будущем работать только дворниками. Юре сложно понять, почему если дворник относится к числу правящих пролетариев, всем стыдно быть дворником. Если пролетарии самые главные в Советском Союзе, то почему директор завода главнее рабочего?

В своем романе Ю. Поляков детально показывает, как двенадцатилетний ребенок испытывает сомнения в правдивости государственной пропаганды. Это дает читателям понять, почему некоторые взрослые из романа, например отец героя Тимофеич и дядя Башашкин, скептически относятся к советской идеологии. В. Пищальникова в своей монографии «Психопэтика» утверждает: «Анализ литературного творчества определенного писателя позволяет не только сделать выводы о концептосфере автора, но помогает на этой основе лучше понять концептосферу того народа, представителем которого выступает автор» (Пищальникова, 1999, с. 4). Можно сказать, что центральное действующее лицо романа Юра Полуяков фактически является представителем целого поколения советских людей, которые, осознавая несоответствия между идеологией и реальностью, и шаг за шагом теряют веру в коммунизм.

Роман «Советство», как более раннее с точки зрения описываемых событий произведение, объясняет предпосылки многих явлений, которые писатель уже затрагивал в своем творчестве. Прочитав этот роман, читатели лучше поймут кажущиеся парадоксальными явления в других произведениях. Например, М. Голубков в своей монографии отмечает «двоемыслие, представление о том, что можно говорить на комсомольском собрании и что дома или с друзьями» в повести «ЧП районного масштаба» (Голубков, 2021,

с. 214). Существование двух дискурсов можно объяснить несоответствием официальной идеологии и реальной жизни. А на примере Пейзанки, персонажа из повести «Парижская любовь Кости Гуманкова», можно увидеть возможные последствия советской агитации. Мария Макаровна Паршина, по прозвищу Пейзанка, работает бригадиром доярок. Как представитель колхозного крестьянства, она получила путевку в Париж. Увидев первый раз в жизни такую разнообразную джинсовую одежду в парижском супермаркете, Пейзанка не выдержала столкновения с «жесточкой реальностью» развитой капиталистической страны и безутешно зарыдала. Заместитель руководителя спецгруппы сделал такой вывод: «Если человек не был в Венгрии, на худой конец – в Чехословакии, на Запад его пускать нельзя! Это же психическая травма!» (Поляков, 2004, с. 137). Эта история убедительно доказывает несостоятельность советской пропаганды.

Общественные отношения в СССР

Предмет описания Ю. Полякова в романе «Советство» не ограничивается воспоминаниями и жизненными перипетиями главного героя. Писатель также изображает общественные отношения между людьми: отношения между родственниками, соседями и коллегами, отношение советских людей к власти. Таким образом воссоздается мировоззрение советских людей и культурно-исторический облик 1960-х годов. Как пишет Р. Мусат: «Инструментарий картины мира выражен через атрибутивные категории, передающие смыслы пространственно-временных, нравственно-этических концептов» (Мусат, 2015, с. 20). Эти нравственно-этические отношения тоже служат важным аспектом картины мира, воспроизведенной писателем в романе.

Семья героя романа состоит из четырех человек: мать Лида, секретарь партбюро завода; отец Тимофеич, заводской электрик; младший брат Саша, которого герой-повествователь часто называет «вредителем» и сам Юрка Полуяков. Мать Лида обладает яркими организаторскими способностями и отличается сочувствием к окружающим людям. Она за одну ночь собрала 15 заявлений от жильцов, чтобы вызвать в общежитие бригаду из санэпидемстанции. Когда кассирша столовой Люба проторговалась, Лида щедро пожертвовала ей 5 рублей. Как и большинство советских людей, она искренне верит правительству и партии, настаивая на том, что государство обязательно вернет деньги по облигациям. Отец Тимофевич отличается от своей жены и отношением к жизни, и политическими взглядами. Он любит играть в домино и выпивать, поэтому часто тайком выносит спирт с завода. У него мрачный взгляд на других людей и на советскую действительность. Он считает, что в торговом техникуме учат обвешивать и обсчитывать население. Его немного циничное отношение ко всему хорошо передается словом «усмехаться». При описании реакции отца на разные события писатель употребляет этот глагол четырнадцать раз.

Отношение народа к коммунизму оказывается двояким. С одной стороны, многие люди, например, сам Юрка и мать Лида, наивно верят в неременное построение коммунизма к 1980 году. Юра думает, что при коммунизме по улице будут ездить бесплатные такси, и у взрослых больше не будет повода завидовать дяде Фомину, владельцу единственной машины во

дворе; при коммунизме детям не придется страдать из-за недостатка денег на стрижку после незапланированной покупки какой-либо вещи, как ему самому. А читатели из XXI века с грустью понимают, что наивные мечты этого двенадцатилетнего мальчика никогда не сбудутся. С другой стороны, советские люди осознают разницу между Советским Союзом и Западом, знают, что советское плановое хозяйство не успевает за ростом потребностей населения. Например, дядя Башашкин подшучивает над Лидой, затруднившейся в выборе холодильника, «если бы Лида жила на Западе, то давно бы спятила, потому что там в продаже не пять-шесть, как у нас, а сто видов холодильников» (Поляков, 2021, с. 31). Более того, продавец в Детском мире объясняет недостаток товаров отставанием планового хозяйства от ускорения роста детей в стране.

Помимо описания семейной жизни, повествовательная ткань романа пронизана деталями коллективной жизни общежития. Писатель изображает навсегда исчезнувший быт советской жизни. На общей кухне женщины режут большими ножами скрипучие кочаны капусты и морковь, складывая их в дубовые бочки. На перегородке мужского туалета написаны нехорошие слова и нарисованы неприличные рисунки. Во дворе мужчины, громко споря о политике, играют в домино. В углу двора работницы столовой, засучив рукава, быстро и ловко чистят картошку. К описанию быта еще добавлено описание дружеских отношений между людьми. Когда кассирша столовой завода Люба проторговалась на немалую сумму, почти все жители заводского общежития собирали для нее в складчину. Мама Лида втихаря добавила два рубля к разрешенной мужем сумме. Даже охранник общежития внес небольшие деньги в кассу взаимопомощи. Серьезный и мрачный Тимофеич оказывается тоже очень добрым. Чтобы помочь знакомому изготовить инструмент для сбора целебных грибов, он по частям выносил с завода материал. Хотя за это ему пришлось отдать спирт охранникам, но со знакомого он ничего за помощь не взял. Взаимопомощь между людьми является присущей особенностью советского общества.

Другие аспекты советской жизни

Кроме воспроизведения жизни ушедшей эпохи, автор также ставит под вопрос сам смысл революции. В соседнем дворе живет бывшая революционерка. Старуха всегда ходит с недовольным лицом и часто читает библию на крыльце дома. Это вызывает у героя романа недоумение: «Разве может человек, воплотивший свои самые светлые мечты, жить с таким кислым видом?» (Поляков, 2021, с. 127). Читатели могут попытаться самостоятельно ответить на этот вопрос, оставленный в романе без ответа. Либо социальный строй, созданный в Советском Союзе, не такой, как она хотела в самом начале, либо бывшая революционерка, потеряв веру в коммунизм, обратилась к прежней религии. А соседка по общежитию Алексевна, «бабушка из бывших», говорит, что царя свергли потому, что «Бес людей попутал. Бог за неблагодарность наказал» (Поляков, 2021, с. 110). Эти два персонажа представляют группу людей, у которых чувствуется ностальгия по дореволюционной России и отрицательное отношение к коммунизму.

В романе «Совдетство» писателем затрагиваются еще и такие общественные проблемы в советском обществе, как нехватка жилплощади, воровство на заводах, товарный дефицит в магазинах, психологическая травма старшего поколения как результат периода культа личности Сталина. Все эти поднимаемые в романе проблемы могут вызвать большой резонанс среди читателей, которые родились и выросли во времена СССР.

В какой-то мере в романе «Совдетство» показывается также и процесс расширения города Москвы. Старые и низкие дома убирают, чтобы освободить место для новых зданий. Многодетная семья друга главного героя уехала из Москвы после того, как был снесен старый дом, в котором они жили. Около подъезда бабушки место, где стояли старые дома, расчищают бульдозером, и тут будет построено новое высотное здание. По словам взрослых, общежитие, где живет семья Юрки, тоже скоро расселят.

Заключение

Как и в других произведениях автора, в романе «Совдетство» Ю. Поляковым показана жизнь советских людей в 1960-е годы. Повествовательная ткань романа пронизана деталями небогатой, но довольно спокойной, даже счастливой жизни обычной рабочей семьи. В современной России существует мнение, что советский строй нужно категорически порицать, что в Советском Союзе люди страдали, и были лишены свободы. В своем творчестве Поляков вскрывает недостатки социалистического общества: товарный дефицит, воровство и другие проблемы, но в то же время он не отрицает присущие советским людям добродушие, доверчивость, и исключительную систему взаимопомощи. Ю. Поляков предлагает читателям более нейтральную точку зрения на Советский Союз, который вполне можно называть великим экспериментом всего человечества. В этом и состоит ценность творчества писателя-реалиста Ю. Полякова.

Список литературы

- Голубков М.М.* Зачем нужна русская литература? Из записок университетского словесника. М.: Прометей, 2021.
- Голубничий И.Ю.* Родина сердца: о романе Юрия Полякова «Соведетство» // Камертон. 2021. URL: <https://webkamerton.ru/2021/12/rodina-serdca> (дата обращения: 02.12.2022).
- Дедина М.С.* Художественная картина мира в романах Аржана Адарова // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 320–337.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
- Мусат Р.П.* Художественная картина мира в системе картины мира // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 19–28.
- Пищальникова В.А.* Психопоэтика. Барнаул, 1999.
- Поляков Ю.М.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Повести и рассказы. М.: РОСМЭН, 2004.
- Поляков Ю.М.* Совдетство. М.: АСТ, 2021.
- Ярикова О.И.* Юрий Поляков. Последний советский писатель. М.: Молодая гвардия, 2017.

References

- Dedina, M.S. (2020). Artistic picture of the world in the novels of Arzhan Adarov. *Studia Litterarum*, 5(4), 320–337. (In Russ.)
- Golubkov, M.M. (2021). *Why do we need Russian literature? From the notes of the university linguist*. Moscow: Prometei Publ. (In Russ.)
- Golubnichiy, I.Yu. (2021). Homeland of the heart: About Yuri Polyakov's novel "Sovchildhood." *Kamerton*. (In Russ.) Retrieved December 2, 2022, from <https://webkamerton.ru/2021/12/rodina-serdca>
- Lotman, Yu.M. (1970). *The structure of the artistic text*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Musat, R.P. (2015). Artistic picture of the world in the system of the picture of the world. *Humanitarian and Social Sciences*, (4), 19–28. (In Russ.)
- Pishchalnikova, V.A. (1999) *Psychopoetics*. Barnaul. (In Russ.)
- Polyakov, Yu.M. (2004). *Collected works. Vol. 2. Stories and stories*. Moscow: Rosman Publ. (In Russ.)
- Polyakov, Yu.M. (2021). *Sovchildhood*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Yarikova, O.I. (2017). *Yuri Polyakov. The last Soviet writer*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Хэ Цзиньхуа, аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-7565-906X. E-mail: he.jinhua@yandex.ru

Bio note:

Jinhua He, postgraduate student, Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-7565-906X. E-mail: he.jinhua@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705
УДК 821.161.1-1

Научная статья / Research article

Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой

Д.Н. Корочкина, А.Г. Коваленко

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

 ak-taurus@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о гендерном аспекте современной прозы. Проблема «женской прозы» существует достаточно давно, полемика о самостоятельном статусе этого понятия также имеет свою историю, впрочем, не получившую окончательного решения. Авторы исследования предлагают решение этого вопроса, выделяя несколько принципиально важных маркеров феминного дискурса, опирающихся на три базовые основания: тип письма, картина мира, изображение личности. Осуществлен анализ прозы известной современной писательницы Е. Некрасовой, позволяющий выделить дифференциальные признаки указанного дискурса: реноминация, фольклорные приемы, отказ от бинарных оппозиций, эллиптичность языка и особая поэтичность художественной речи, включающая несколько ключевых приемов.

Ключевые слова: гендерный аспект, женская проза, феминный дискурс, Евгения Некрасова

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23 августа 2022 г.; откорректирована 5 сентября 2022 г.; принята к публикации 1 октября 2022 г.

Для цитирования: Корочкина Д.Н., Коваленко А.Г. Феминный дискурс в творчестве Евгении Некрасовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 695–705. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705>

Feminine discourse in the works of Evgeniya Nekrasova

Daria N. Korochkina, Alexander G. Kovalenko

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

 ak-taurus@mail.ru

Abstract. The authors deal with the issue of the gender aspect of modern prose. The problem of “women's prose” has existed for a long time, the controversy of the independent status of this concept also has its own history, however, has not received a final solution. The authors

© Корочкина Д.Н., Коваленко А.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the study propose their solution to this issue, highlighting several fundamentally important markers of feminine discourse, based on three basic foundations: the type of writing, the picture of the world, the image of personality. The analysis of the prose of the famous modern writer E. Nekrasova carried out in this study allows us to identify the differential features of this discourse: renomination, folklore techniques, rejection of binary oppositions, ellipticity of language and special poetry of artistic speech.

Keywords: gender aspect, women's prose, feminine discourse, Evgenia Nekrasova

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 23, 2022; revised September 5, 2022; accepted October 1, 2022.

For citation: Korochkina, D.N., & Kovalenko, A.G. (2022). Feminine discourse in the works of Evgeniya Nekrasova. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 695–705. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-695-705>

Введение

По мере того, как в современной литературе увеличивается количество писательниц, все более острым становится вопрос о статусе женской прозы. Дискуссии о женской прозе возникали с неизменным постоянством здесь и там, в различных читательских и научных аудиториях. Однако научного обоснования понятие до сих пор так и не получило. Однажды возникнув, это понятие обросло огромным количеством различных мнений как простых читателей, так и профессионалов-психологов, социологов, философов и, конечно, литературоведов. Круг нерешенных вопросов сводится к нескольким наиболее принципиальным: каково содержание понятия «женская проза», занимает ли оно особое специфическое место в литературном процессе, что скрывается за понятием женской прозы, обладает ли это явление набором дифференциальных признаков, позволяющих его идентифицировать и отделить от «маскулинного письма»?

В отечественном литературоведении имеется немало работ, в которых предпринимались попытки осмысления феномена. Одной из наиболее примечательных является статья Е.В. Широковой «В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века». Затрагивая вопрос о специфических художественных особенностях прозы женщин, она отмечает, что российская литературная критика и литературоведение «отстало» от западного в подходе к феномену женской прозы, между тем как «феминный текст» как особый тип словесного творчества и самостоятельный объект исследования уже давно анализируется европейскими учеными – С. де Бовуар, Э. Сиксу, Л. Иригарэ, Э. Шоуолтер, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др. (Широкова, 2011, с. 90).

Вопрос о природе феминного мировосприятия и его художественного воплощения следует считать актуальной литературоведческой проблемой

Обсуждение

Евгения Некрасова и ее «женское письмо»

В современной прозе Е. Некрасова занимает особое место, благодаря неожиданности и уникальности ее образов, особой манере рассказывания, глубинной связи с традициями классической литературы. Тем более инте-

ресным представляется применение гендерного подхода и рассмотрение вопроса о феминном дискурсе именно на примере ее прозы.

Тематическая направленность, связанная с женским миром, позволяет легко отнести роман «Калечина-Малечина» и сборник «Сестромам» к женской прозе, следуя гендерному подходу. Симптоматично, что манера письма Е. Некрасовой, особенно после выхода сборника «Сестромам», часто подвергается критике.

Поэта, критика О. Демидова раздражают в ее прозе «неумело используемые тропы и фигуры речи, щедро рассыпанные по всему тексту и из оригинального обрамления превращающиеся в оригинальничание и поэтизмы» (Демидова, 2020). Е. Одинокова говорит о «тугости» некрасовского слова, называя ее язык «хоть и русским, но нечеловеческим» – «то ли звериным, то ли птичьим» – и приходит к выводу не об экспериментальности формы, а о насилии над ней: «С одной стороны, языковые игры и эксперименты это хорошо, с другой стороны, насилие над языком – это всегда плохо» (Одинокова, 2020). Но Е. Некрасова отдает себе отчет в разнородности речи и ситуации лабораторного поиска, его исследовательской незавершенности: «„Сестромам“ – мое собрание сочинений и языковая лаборатория. <...> Я давно ищу язык, которым можно говорить. Эти поиски прослеживаются в книге. Некоторые тексты написаны классически, некоторые в стилистике сказа, а некоторые и вовсе – долгие стихотворения, как заглавный „Сестромам“» (Некрасова, 2021).

Некрасова может писать и в реалистичной манере, и в сказовой, и лаконичным стилем, и намеренно усложняя или упрощая текст, и прибегая к приему хаотичного речевого потока, что подчеркивает вариативность приема, возможность осознанного выбора. Это реализует концепцию Ж. Деррида о присутствии множества стилей в феминном типе письма, стремлении к «междустильности» (Деррида, 1991).

Генезис «изломанного, обнажающего изуродованную сущность явлений» языка (Погорелая, 2020) критики видят в наследовании преимущественно А. Ремизову, занявшему в «Калечине-Малечине» важное место с точки зрения интертекстуальности, и А. Платонову. Некоторые из рецензентов в оценке идиостиля Некрасовой склоняются к намеренному подражательству и эпигонству («горе тому, кто взялся «писать под Платонова» (Топорова, 2020), другие – стремятся объяснить природу ее языковых экспериментов.

Видимое подобие стилистики речи, которое отмечают многие критики, позволяет исследовать на первый взгляд схожие, но гендерно отличные манеры письма. Для примера рассмотрим, как два автора – мужчина и женщина; представители маскулинного и феминного дискурсов – работают с образным оформлением концепта «солнце».

А. Платонов: «Утром было большое солнце, и лес пел всю гущей своего голоса, пропуская утренний ветер под исподнюю листву. Захар Павлович заметил не столько утро, сколько смену работников – дождь уснул в почве, его заместило солнце...»; «Сквозь туманы выбиралось солнце и медленно грело сырую остывшую землю» («Чевенгур»); «Солнце блестело на шелке ее платья и на волосах высыхали последние капли утренней влаги, которую она набрала в бурьяне» («Счастливая Москва»).

Е. Некрасова: «Солнце шкуруло кирпичи на клумбах, со стороны автобусной остановки летела бабочка»; «В змеиные семь все еще спали на досках, а уже *солнце белило двор*»; «Солнце *вращало прожекторами*, жир с шампуров лакировал траву, шипели стаканы из пластика»; «Москву уже *принялось осторожно лапать мартовское солнце*» (сборник «Сестромам»).

Как можно заметить, образность Е. Некрасовой в некотором смысле «сильнее» и «ярче», чем у Платонова. Писатель-мужчина сохраняет привычную семантическую сочетаемость субъекта и его действия; писатель-женщина ищет новые связи. Солнце у Е. Некрасовой будто перестает быть солнцем: оно шкурит кирпичи, белит двор, как рабочий; вращает прожекторами, как механическое устройство; лапает город лучами, как человек с низкой культурой поведения. При этом интересна непривычная связь наречия *осторожно* и глагола *лапать* (груб., вульг.), что подчеркивает поиск новой, парадоксальной для патриархатного дискурса сочетаемости.

Проводя сравнение художественных приемов А. Платонова и Е. Некрасовой, А. Жучкова выявляет различные принципы работы с образностью. Для Платонова, по мнению критика, характерны «нарушение привычных связей и установление новых валентностей», которые часто проявляются в линейной структуре фразы: например, переосмыслении сочетаемости предложения с предметно-пространственным миром на временной пласт. Для Некрасовой – фиксация на конкретно смыслах слов; работа с каламбуром, многозначностью, овеществленной метафорой (Жучкова, 2020), то есть делается упор не на синтаксические связи, а на лексические. Таким образом, у обоих писателей наблюдается нарушение привычных связей, но автор-женщина нарушает их сильнее, как бы усваивая патриархатный дискурс и при этом его же перерастая.

Среди свойственных А. Платонову приемов А. Жучкова отмечает инверсию, причастные обороты, канцеляризмы, у Некрасовой же – парцелляцию, короткие фразы (Жучкова, 2020). Использование парцеллированных высказываний выступает особенностью именно феминного типа письма, фиксирует его эллиптичность и фрагментарность. В текстах Некрасовой этот прием занимает одно из центральных мест и встречается во многих рассказах: «Сестромам – это страта любви. А Анечке казалось – трата времени и всенапряжение. Пора в гости к Сестромому» («Сестромам»); «В обход меня – хоть потоп, придумывал каждый из Потаповых. Говорили, что в их роду были попы, но в Бога они не верили. В себя, впрочем, тоже. Особенно друг в друга» («Потаповы»); «Мама Гали – пила. Пила иногда и пилила дочь по про замуж и прочее обязательное, на что горы совсем не способны. Галя-гора не жила с мамой, а ходила в комнату на Нагорной на ночь и в выходные» («Начало»); «Жена и женщина – жужжало в мозгу у Лужева. Ну жена. Ну женщина. Жонглировал: жена и женщина» («Поля»).

За счет дробления текста и повторов, которые можно отметить в процитированных отрывках, Некрасова акцентирует внимание на характеристиках персонажей. С помощью их повторения происходит более глубокое вхождение читателя в текст, а также появляется некое гипнотическое воздействие, вызванное ритмизацией текста и его рифмовкой, почти полным фонетическим совпадением, усиленной аллитерацией: *трата-страта*;

Потаповы-потоп-попы; тила-тила-тилила; Галя-гора-Нагорная; жена-женщина-жуужжало-жонглировал.

Повторы фигурируют в некрасовских произведениях не только на уровне формы, но и содержания, что усиливает суггестивное влияние на читателя. Так, например, в рассказе «Маковые братья» слово «мак» и производные от него употребляются больше 15 раз, обретая символическое значение: «машина – красный мак с черными семечками внутри»; «рана-мак в щеке»; значки в виде маков, которые носили местные жители; «маковое побоище». В «Маковых братьях» образ мака предстает не тавтологией, а функциональным символом, который раскрывает свои мифологические подтексты – смерти, сна, женской красоты, любви, жертвенности, крови, девственности – по ходу сюжета.

Для Е. Некрасовой важна ассоциативная сторона текста, суггестия, звуковое и психологическое влияние на читателя, что достигается путем фонетических повторений, ассоциативных цепочек, использования фольклорных форм: быличек, заговоров, эпитетов. Тенденция к замещению и повторам наблюдается уже в именах героев, с помощью чего вокруг одного слова создается поле фонетически однородных понятий и таким образом задается образ персонажа: «Поля-полина-поля-поле»; «Галя-гора» – «Гора распалась на гальку», «Галька – галька скитающаяся»; «Катя катится-колошматится». В совмещении полярных смысловых концептов в одной метафоре проявляется эллиптичность феминного типа письма (живое/неживое: Потаповы-потоп; Галя-гора, Катя катится (как, например, мяч) и др.), заданная через звуковой уровень, что образует «буферную» семантическую зону: изначально происходит подбор характеристик за счет звуковых совпадений, и только затем они реализуются в смысловых концептах.

Совмещение живого и неживого миров у Е. Некрасовой происходит двунаправленно: олицетворение и, наоборот, овеществление. Е. Некрасова, как пишет М. Лебедева, «запускает излюбленную круговерть «вещи – люди – вещи» (Лебедева, 2021) («старуха, похожая на ком мятого тряпья» – кикимора в «Калечине-Малечине» с ее носом-закруткой тоже смахивает на тряпье, «Галя – гора ходячая», притворившийся мамой брошенный халат)). Этот прием работы с образами касается не только субъектов действия и объектов внешнего мира (Поля-поле; Галя-галька-гора; окно скалилось; штаны ползали и т. д.), но и метафоричности, построенной на соединении глагола и существительного: «Числа *склянками звенели* под Анечкиными извилинами», «*веткой потянула руку*», «*растворилась* ловко шипучим порошком», «*надутой жевательной резинкой вспухла* мозоль». По замечанию А. Жучковой, образность Некрасовой работает на воссоздание древнего анимизма в настоящем времени. При этом олицетворение-овеществление происходит на двух уровнях: через фонетические ассоциации (форма) и конкретные художественные сравнения (содержание).

Интересно, что проза Е. Некрасовой явно тяготеет к поэзии. А. Михеева называет сборник рассказов и повестей «Сестроммам» поэтическим циклом, указывая на свойственную поэзии образность, фонетические приемы на фоне «распевного течения», фрагментарную структуру текстов и важность суггестии: «Рецензируя сборник рассказов, я вынуждена была бы говорить о

рыхлой фабуле, вязких повторах, сбоях в развитии сюжетов, отсутствии сквозных героев и единой географии во вроде бы сплошном хронотопе, о невнятной фантастической составляющей. К поэтическому (хоть и не стихотворному) циклу эти претензии предъявлять бессмысленно, и на передний план выходят совершенно другие критерии. От прозаических текстов мы привыкли ждать логики (не обязательно обыденной) в развитии нарратива. В прозаическом сюжете куда важнее яркость и суггестивность» (Михеева, 2020). «Поток мыслей», «хаос речевого потока», «ассоциативный хаос», «морок», «бормотание», обрывочный и извилистый речевой рисунок – через такие категории рецензент характеризует прозу Некрасовой, что четко отражает особенности феминного дискурса по Э. Сиксу: «неиерархизированный поток», «длящийся и потому существующий, не стремящийся к разрешению конфликта, к детерминации и «завершению» объекта, к пониманию и нахождению истины» (цит. по: Воробьевой, 2013, с. 183–184). Эллиптичность текста проявляется не только в использовании средств художественной выразительности (повторы, парцелляции, «вязкие повторы», непривычная метафоричность), но и в композиции («рыхлая фабула», «сбои в развитии сюжета», отрывистость, фрагментарность).

На передний план также выходит эмоциональное переживание как существенная поэтическая составляющая. Она тоже реализует тенденции анимизма. Как замечает А.В. Громова, происходит одушевление и эмоций: «Например, в сцене, когда изгнанная из школы Катя с ужасом ожидает прихода родителей, персонифицируется преследующий ее страх: «Страх подсел рядом и стиснул Катю в объятиях. Она вырвалась, вскочила, понеслась на кухню и закрыла там дверь. Страх заглядывал через матовое стекло»; «страх вполз уже в кухню, но затоптался у двери», «страх двинулся на Катю»; «страх уже подошел близко и морозно дышал на щиколотки» (Громова, 2019, с. 274).

Эмоциональность, присущая феминному дискурсу, возникает у Некрасовой в собственно авторском тексте снова через многократные повторы, похожие на бормотание, морок, и «артикуляционное наваждение» (Михеева, 2020), не относящиеся к речи героев, но при этом отражающие их душевное состояние, однако состояние, словно лишенное пола, которое может относиться к любой гендерной субъектности. И в «Калечине-Малечине», и в сборнике рассказов «Сестромам» повествование строится на концепции травмы: либо фактически бесполой – как в «Калечине-Малечине»; либо женской, но не личной индивидуальной, а общественной: насилие, угнетение, быт, проблемы патриархата и т. д. Переживание травмы развивается на уровне речи и сюжета.

По замечанию Е. Погорелой, «поскольку некрасовские герои по преимуществу бессловесны и речевая рефлексия им, обитателям спальных районов и затхлых пятиэтажек, нисколько не свойственна, на помощь приходят органично прорастающие из окружающего их корявого быта заплачки и разговоры, потешки и приговорки» (Погорелая, 2020). В прозе Некрасовой речь героев действительно часто уходит на второй план: ее либо замещают фольклорные формы, либо уже отмеченная передача состояния с помощью авторского текста. В рассказе «Сестромам», следуя мысли Михеевой, большинство эпизодов написаны от третьего лица, но «как бы изнутри восприятия

персонажей», сквозь их субъективное мироощущение: «Никакого шва, никакой границы между «Анечка встает, Анечка шагает» и потоком мыслей и самооправданий самой Анечки нет. Здесь же, в продолжающемся описании «дневных» действия Анечки, крутятся сны, галлюцинации и грозные чудеса» (Михеева, 2020). В «Калечине...» заговаривание, распадающийся поток текста накатывает в моменты страдания и беспомощности главной героини, а во время эпизодов, когда она возвращает контроль над собой, речь и мышление Кати становятся рациональнее, что тоже влияет на отображение автором внешнего мира, но не речевой характеристике персонажа.

На сюжетном уровне травма переживается также не психологически, не через феминную саморефлексию, как например в прозе А. Козловой (эпизод нахождения Марты в опасном лесу, нужный для переосмысления прошлого), а словно снаружи. Так, чтобы Кате преодолеть травлю одноклассников и безразличие родителей, Некрасова вводит в роман Кикимору. Во-первых, этот образ реализует фольклорные традиции, свойственные женской прозе, во-вторых, является телесным воплощением агрессивных эмоций героини, ее альтер-эго. Несмотря на то, что главная героиня Некрасовой – женщина, ее внутренний мир как таковой не раскрывается: в «Сестромаме» и «Калечине-Малечине» действительно мало феминной рецепции. Феминная субъектность у Некрасовой маркируется преимущественно на внешнем – языковом – уровне через тип письма, а не психолингвистическое изображение личности, при этом картина мира, в частности гендерная картинка мира подвергается явному переосмыслению, что свойственно женской прозе.

Фольклор и миф – центральные художественные парадигмы Е. Некрасовой – нужны писательнице не только для создания яркой анималистической образности, увеличения символических интерпретаций, приемов ритмизации текста и вживания читателя. Евгении Некрасовой необходимо обращение к мифу, возвращение к нему как к досоциальному явлению прежде всего для того, чтобы *преломить* миф и его традиционные ценности в сознании читателя.

Как уже было отмечено, в центре повествования Некрасовой практически всегда находится женщина: сильная, независимая от мужчины и противостоящая патриархальным установкам. Мужчина в женской прозе, как и свойственно герою противоположного для автора пола, занимает позицию второстепенного «внешнего объекта», Другого. Характерные для женской прозы мотив кризиса маскулинности и развенчание мифа о мужественности реализуются в творчестве Некрасовой в максимальной степени. Мужчина предстает бездеятельным, слабым персонажем, не способным содержать семью и позаботиться даже о себе, он может выступать агрессором и насильником («Лакшми», «Супергерой», «Павлов», «Калечина-Малечина») или потребителем чужих ресурсов: маменькиным сыночком, алкоголиком, безработным и т. д. («Поля», «Молодильные яблоки»).

Половая символическая картина мира, закрепившаяся еще в античности, поддерживает ассиметричную гендерную стратификацию и андроцентризм, то есть концентрацию на мужской культуре как универсальной жизненной модели. Некрасова же не вписывает своих героинь в неравноценную символическую культуру (как, например, это делает Л. Петрушевская, работая с

архетипами), а создает свой миф, базирующийся не только на славянской мифологии, но и мифологии других стран (например, в рассказе «Лакшми» фигурирует образ богини благополучия, изобилия и счастья индийской культуры: у главной героини отрастают дополнительные руки, чтобы она могла противостоять насилию мужа), что, во-первых, позволяет автору свободно менять иерархические установки, во-вторых, ломать заложенную изначально патриархатную картину мира – писательница возвращается в миф, чтобы исправить гендерное неравенство, реализуя в тексте феминистское мировоззрение. «Авторское «я» Некрасовой представляет собой поразительный синтез сказительницы и феминистки», – лаконично резюмирует критик (Войская, 2021).

Отсюда авторская попытка и перевоссоздать русский язык, андроцентричный по своей природе и направленный на передачу именно маскулинного взгляда. Некрасова переназывает «под себя» большую часть предметов и лиц, создает новые слова, прибегая к характерному приему реноминации: «сестромам» (старшая сестра вместо мамы), «дно твоё женское» (матка), «терпига» (вместо терпила), «учительницезавр» (учительница, подвергающая эмоциональному насилию), «гулливерия» (крупный город) и т. д.

Двукорневые образования («сестромам», «учительницезавр» и др.) словно фиксируют ситуацию ассоциативной пограничности, задавая семантику *между* словами и прямо следуя мысли Широковой: «отказываясь определять слово, авторы-женщины акцентируют свое внимание на том, что существует в промежутке речи, находится до слова, между словами» (Широкова, 2011, с. 92).

Переназывая с помощью причастий (процессуального признака) привычную антонимичную пару «выросшие – невыросшие» (взрослые – дети), Некрасова, во-первых, отражает процесс взросления (приближается к открытой абстрактной характеристике, ее незавершенности), во-вторых, переводит отношения из горизонтальных в вертикальные-иерархические, то есть за счет приставки *не-* создается ощущение одного нормированного понятия, а второго – отклоняющегося от нормы. Помимо этого, приставка *не-* носит характер отрицания, что тоже влияет на восприятие категории «невыросших». Таким образом понятие взрослости становится неустойчивым, что отражается и в сюжете романа: непонятно, кто взрослее – взрослые или дети. Интересно, что бинарная оппозиция с введением приставки *не-* и переходом из горизонтальных связей в вертикальные тоже смягчается, обретая отношения не противоположной семантики, а пограничной. Критик М. Лебедева описывает данное явление так: «Основная черта некрасовского мира – существование на границе, его зыбкая, как во сне, неопределенность и недооформленность. Застывшее в промежуточной стадии потенциально способно быть и тем, и другим, но на деле – неприкаянно болтается на стыке понятий. Полугород вовек городом не станет, невыросшие и годы спустя не обратятся во взрослых (здесь никто никогда не взрослый), сестромам – не мать и не сестра, ни рыба ни мясо. Мир пограничья, как в сказках и заговорах, утешает себя мнимой конкретикой; то, что искомая игла в яйце, а яйцо в утке, дарует иллюзию достоверности» (Лебедева, 2021).

Реноминирование происходит и на интертекстуальном уровне. В «Калечине-Малечине» Е. Некрасова использует одноименную песенку Ремизова в

качестве книжного «саундтрека», протянувшегося через все произведение. В романе ремизовский прыгающий некто с деревянной ногой и рукой, скрывающийся под наименованием детской игры, получает тело – становится Кикиморой, близким другом главной героини. Именно понимание кикиморы под номинацией «Калечина-Малечина» закрепляется в читательском сознании и как бы противостоит предыдущему контексту. Потому, на наш взгляд, цитирование не всегда выполняет функцию реноминации классической культуры с ироническим пафосом, как отмечала Воробьева. Скорее всего, это та же – серьезная – попытка писательницы *перерастить* традиционные («маскулинные») формы, включив их в свое произведение и наделив новым значением.

Таким образом, феминный дискурс в прозе Евгении Некрасовой задается прежде всего на первом уровне восприятия текста – через тип письма. Ее творчеству присущ ряд характерных особенностей, которые четко отражают тенденции феминного стиля:

Переназывание (реноминация); усиленная образность; использование фольклорных формы и приемов; разрушение бинарных оппозиций; эллиптичность (языковая и композиционная); поэтичность речи (ассоциативность, хаотичность, незавершенность, фонетическое и ритмическое оформление); интертекстуальность; эмоциональность.

Заключение

Рассмотрение литературы под углом зрения гендерной субъектности предполагает учет трех уровней художественного текста: типа письма, картины мира, изображение личности. Это позволяет увидеть текст в его целостности и предопределить его гендерную маркированность – «тяготение» к феминному или маскулинному дискурсу.

В феминном типе письма можно обозначить несколько основных параметров: усложнение образности (из-за чего тексты могут быть трудны для читательского восприятия и приближаться к поэтической речи); реноминация, которая проявляется в неустойчивости, условности слова-знака, стремлении к переназыванию «под себя», интертекстуальности; фрагментарность (языка и композиции), задающая эллиптичность текста; поэтичность речи (ассоциативность, хаотичность, незавершенность текста, фонетическое и ритмическое оформление); рефлексивность и эмоциональность.

Эти особенности нашли отражение в современной женской прозе как историко-типологической категории, рассмотренной на материале творчества Е. Некрасовой.

Феминный дискурс как способ гендерного маркирования текста в ее творчестве базируется именно на типе письма – непонятном для многих критиков, но фактически в гиперболизированной, непривычной степени реализующим тенденции феминного дискурса. Картина мира Некрасовой тяготеет к поэтической структуре: эллиптическая композиция, «рыхлая фабула», «сбои в развитии сюжета», отрывистость, фрагментарность, незавершенность текста. Изображение личности, несмотря на наличие феминной рецепции, осуществляется на внешнем уровне – отображении проблем женского мира через видоизменение гендерной общественной структуры, а не с точки зрения женской психологии и саморефлексии автора.

«Женщина говорящая» все чаще становится не только объектом изображения, но и субъектом речи. Женская проза активно набирает позиции в литературном процессе и предстает одним из наиболее актуальных предметов для изучения. Современные писательницы продолжают искать себя и свой индивидуальный стиль

Список литературы

- Войская А., Хорват Ф. Алла Войская и Филипп Хорват о книге Евгении Некрасовой «Сестромам»: рецензия // *Textura*. <http://textura.club/vis-s-vis-sestromam/> (дата обращения: 12.05.2021).
- Воробьева С.Ю. Проблема «женского письма» в контексте теории дискурса // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2013. № 1. С. 180–187.
- Громова А.В. Образ антимира в романе Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» // Пушкинские чтения – 2019. *Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXIV Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 года)* / отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2019. С. 269–278.
- Демидов О. Мамины пятки и ядовиты клики академика Павлова: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/maminy-pjatki-i-jadovitye-kliki-akademika-pavlova/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // *Философские науки*. 1991. № 3. С. 114–129.
- Жучкова А. Евгения Некрасова «Сестромам»: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/evgenija-nekrasova-sestromam-3/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Лебедева М. Не говорят «ад», говорят «здесь»: рецензия // *Прочтение*. URL: <https://prochtenie.org/reviews/29933> (дата обращения: 17.05.2021).
- Михеева А. Речь их, как кисти слепых повитух: рецензия // *Новый мир*. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7470/Default.aspx (дата обращения: 16.05.2021).
- Некрасова Е. Полка писателя: Евгения Некрасова (интервью) // *Mybook*. URL: <https://mybook.ru/sets/9655-polka-pisatelya-evgeniya-nekrasova> (дата обращения: 16.05.2021).
- Одинокова Е. Магический феминизм против абьюза, буллинга и Сестромама: рецензия // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/magicheskij-feminizm-protiv-abjuza-bullinga-i-sestromama/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Погорелая Е.А. Человек очеловечивающийся. Евгения Некрасова // *Вопросы литературы*. 2020. № 4. С. 78–91.
- Топорова А. Рецензия на книгу Анну Козловой «Рюрик» // Премия «Национальный бестселлер». URL: <http://www.natsbest.com/award/2020/review/anna-kozlova-rjurik-2319/> (дата обращения: 16.05.2021).
- Широкова Е.В. В поисках феминного дискурса: эстетико-поэтические эксперименты в русской женской прозе конца XX века // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2011. № 4. С. 90–96.

References

- Demidov, O. (n.d.). Mother's heels and the poisonous cliques of Academician Pavlov: Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/maminy-pjatki-i-jadovitye-kliki-akademika-pavlova/>

- Derrida, J. (1991). Spurs: Nietzsche styles. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, (3), 114–129. (In Russ.)
- Gromova, A.V. (2019). The image of the anti-world in Evgenia Nekrasova's novel "Kalechina-Malechina". In T.V. Maltsev (Ed.), *Pushkin Readings – 2019. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text: Materials of the XXIV International Scientific Conference (St. Petersburg, June 6–7, 2019)* (pp. 269–278). St. Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University.
- Lebedeva, M. (n.d.). Do not say "hell," they say "here": Review. *Prochtenie*. (In Russ.) Retrieved May 17, 2021, from <https://prochtenie.org/reviews/29933>
- Odinokova E. (n.d.). Magical feminism against abuse, bullying and Sestromam: Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/magicheskij-feminizm-protiv-abjuza-bullinga-i-sestromama/>
- Mikheeva, A. (n.d.). Their speech is like the brush of blind midwives: Review. *New World*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7470/Default.aspx
- Pogorelaya, E.A. (2020). The human being. Evgenia Nekrasova. *Questions of Literature*, (4), 78–91. (In Russ.)
- Shirokova, E.V. (2011). In search of a feminine discourse: Aesthetic and poetic experiments in Russian women's prose of the late twentieth century. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*, (4), 90–96. (In Russ.)
- Toporova, A. (n.d.). Review of Anna Kozlova's book "Rurik." *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.com/award/2020/review/anna-kozlova-rjurik-2319/>
- Voiskaya, A., & Horvath, Ph. (n.d.). Alla Voiskaya and Philip Horvath about Evgenia Nekrasova's book "Sisters": Review. *Textura*. (In Russ.) Retrieved May 12, 2021, from <http://textura.club/vis-s-vis-sestromam/>
- Vorobyeva, S.Yu. (2013). The problem of "women's writing" in the context of the theory of discourse. *Bulletin of the Volga. Series 2: Linguistics*, (1), 180–187. (In Russ.)
- Zhuchkova, A. (n.d.). Evgenia Nekrasova "Sisters": Review. *Premiya "Natsional'nyi bestseller"*. (In Russ.) Retrieved May 16, 2021, from <http://www.natsbest.ru/award/2020/review/evgenija-nekrasova-sestromam-3/>

Сведения об авторах:

Корочкина Дарья Николаевна, студентка, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. E-mail: korochkina.darya@mail.ru

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, кафедра русской и зарубежной литературы, филологический университет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Bio notes:

Daria N. Korochkina, student, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: korochkina.darya@mail.ru

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Department of Russian and Foreign Literature, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-6747-285X. E-mail: ak-taurus@mail.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-706-715

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Джек Лондон и Джордж Бретт (Macmillan): экономика и этика «одного из величайших союзов писателя и издателя»

Е.В. Кешарпу

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1*

 ekesharpu@gmail.com

Аннотация. Анализируются этические и экономические аспекты взаимоотношений Джека Лондона с его главным издателем – президентом Macmillan Джорджем Бреттом. До недавнего времени эти отношения, являющие собой ярчайший пример синтеза дружбы и взаимной выгоды, не были предметом отдельного изучения. Также недооценивалось влияние на творчество писателя издателей, редакторов и литературного рынка в целом. Цель исследования – подтверждение значительной роли Бретта в писательской карьере Лондона, ставшего для писателя не только деловым партнером, но и другом и наставником. Отношения между писателем и издателем прослеживаются в исторической перспективе: показаны их изменения по мере развития карьеры писателя от новичка до популярного автора, конфликты и противоречия, в том числе вылившиеся в кратковременное отступничество Лондона от Macmillan и контракт с Century. Показано, что многие радикальные либо отличающиеся от запросов массового читателя сочинения Лондона, такие как «Люди бездны», «Письма Кемптона – Уэсу», «Железная пята», «Дорога», «Мартин Иден», увидели свет исключительно благодаря либерализму Бретта. Твердое намерение писателя публиковать значительное количество невостребованных на литературном рынке произведений развенчивает миф о Джеке Лондоне как о коммерческом писателе. С другой стороны, именно щедрые и стабильные авансы от Macmillan дали писателю свободу для литературных экспериментов, без которых он никогда бы не смог выйти за пределы жанра рассказа, а «дискурс торга» был неотъемлемой частью этой удивительной дружбы писателя и издателя.

Ключевые слова: Джек Лондон, Джордж Бретт, Макмиллан, литературный рынок, история литературы США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.; откорректирована 1 октября 2022 г.; принята к публикации 15 октября 2022 г.

Для цитирования: Кешарпу Е.В. Джек Лондон и Джордж Бретт (Macmillan): экономика и этика «одного из величайших союзов писателя и издателя» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 706–715. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-706-715>

Jack London and George P. Brett (Macmillan): economics and ethics of “one of the greatest publisher-writer duos”

Ekaterina V. Kesharpu

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ ekesharpu@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the analysis of ethical and economic aspects of the relationship between Jack London and his major publisher, Macmillan President George P. Brett. Until recently, these relations, which are the brightest example of the synthesis of friendship and mutual benefit, were not the subject of a separate study. The influence of publishers, editors and the literary market as a whole on the writer’s creativity was also underestimated. The purpose of this study is to confirm the significant role of Brett in London’s writing career, who became not only a business partner for the writer, but also a friend and mentor. The relationship between the writer and the publisher is traced in a historical perspective, showing their changes as the writer’s career develops from a literary aspirant to a popular author, conflicts and contradictions, including those that resulted in London’s brief apostasy from Macmillan and a contract with Century. It is shown that many of London’s works, radical or different from the demands of the mass reader, such as *The People of the Abyss*, *The Kempton – Wace Letters*, *The Iron Heel*, *The Road*, *Martin Eden*, saw the light solely due to Brett’s liberalism. The firm intention of the writer to publish a significant number of works unclaimed in the literary market debunks the myth of Jack London as a commercial writer. On the other hand, it was precisely the generous and steady advances from Macmillan that gave London freedom for literary experiments, without which he would never have been able to go beyond the short story genre, as well as the “discourse of bargaining” was an integral part of this amazing friendship between writer and publisher.

Keywords: Jack London, George P. Brett, Macmillan, literary market, American literary history

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 16, 2022; revised October 1, 2022; accepted October 15, 2022.

For citation: Kesharpu, E.V. (2022). Jack London and George P. Brett (Macmillan): Economics and ethics of “one of the greatest publisher-writer duos.” *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 706–715. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-706-715>

Введение

Для успеха писателя на литературном рынке огромное значение имеет грамотно выстроенная издательская политика, и в этом писателю отчасти приходится опираться на издателя, на его опыт и профессионализм. Зависимость не только литературной карьеры, но и самих художественных сочине-

ний писателей от внутренних писательско-издательских отношений долгое время недооценивалась отечественными историками литературы и редко привлекала к себе внимание исследователей. Это делает освещаемую нами проблему отношений Джека Лондона с его главным издателем – президентом издательского дома Macmillan Джорджем Бреттом – необыкновенно востребованной.

Джордж Платт Бретт был для Джека Лондона не только надежным деловым партнером, но и другом, наставником, восторженным поклонником и деликатным критиком. Благодаря такому издателю и его уникальным личным и профессиональным качествам Лондон смог стать одним из самых популярных писателей своего времени. Роль этой личности в судьбе Лондона сложно переоценить, однако отношения между ними в течение долгого времени не становились объектом самостоятельного изучения. Их переписка, опубликованная в трехтомном издании писем Лондона (*The Letters of Jack London*, 1988), использовалась только для уточнения деталей создания того или иного произведения писателя. С другой стороны, эти отношения интересны сами по себе, так как раскрывают личность Лондона и особенности литературного рынка Америки в начале XX века. В недавнем исследовании К.К. Брандт впервые поднял вопрос о влиянии издателя на творческий процесс Джека Лондона, а также внес немалый вклад в развенчание мифа о Лондоне как о коммерческом писателе (Brandt, 2017).

Брандт склонен идеализировать тандем Лондона и Бретта как «один из величайших писательско-редакторских союзов XX века» (Brandt, 2017, p. 75). В нашей статье мы постараемся заострить внимание на противоречиях, возникавших между писателем и издателем, в том числе вылившихся во «временное отступничество» (Labor, 2013, p. 158) Лондона от Macmillan и контракт с Century; мы покажем, как изменялись отношения Лондона и Бретта (в том числе их контракты и гонорары писателя) по мере развития карьеры Лондона от новичка в литературе до популярного автора, и впишем уникальную судьбу Джека Лондона в «типично американский» контекст, в котором даже искренняя дружба может быть насквозь пропитана дискурсом торга, столь характерным для всей американской литературы.

Обсуждение

Джордж Бретт как личность и его роль в писательской карьере Джека Лондона

Джордж Бретт был выходцем из Великобритании. Он унаследовал пост президента американского филиала английского дома Macmillan и за десять лет превратил его в независимое и процветающее издательство. Это был «невысокий, коренастый, похожий на бойкого петушка» человек «в очках без оправы, с темными усами и острой козлиной бородкой», который «держал в своих руках все детали своего бизнеса, нанимал самых профессиональных работников и доминировал над ними за счет силы характера» (Brandt, 2017, p. 74). Одним из ключевых факторов сближения Бретта и простого «парня из Фриско» Джека Лондона стало удивительное совпадение жизненного опыта и интересов: в молодости Бретт имел ранчо в Калифорнии, бывал в Австра-

лии, на Гавайях и Таити. Это сделало его одним из самых восторженных поклонников «суровой западной прозы» Лондона, с огромным удовольствием прочитывавшим каждую его новую книгу. Бретт отличался от типичных нью-йоркских издателей тем, что хорошо знал и любил то, о чем писал Лондон, поэтому готов был поддерживать огромными авансами, доходившими до 10 тысяч долларов, его рискованные проекты, такие как кругосветное плавание на «Снарке» или строительство «ранчо мечты» в Калифорнии. Внутреннее сродство между этими на первый взгляд непохожими людьми также обуславливало между ними взаимное доверие и уважение, тактичность при решении возникающих разногласий в ходе издательского процесса.

С другой стороны, Бретт обладал качествами, которых не хватало Лондону, обитавшему на «литературной периферии» – опытом и обширными связями в литературно-издательских кругах. Он интуитивно «чувствовал» рынок, знал, чего хочет аудитория, и мог придать творческой мысли Лондона стратегически правильное направление. Особенно важным для карьеры писателя было то, что при Бретте Macmillan являлось самым крупным издательством, выпускавшим радикальную и социалистическую литературу для широких масс. По своим политическим взглядам Бретт был республиканцем, но «благоразумие бизнесмена» позволяло ему извлекать прибыль из популярной прогрессивистской литературы и печатать таких авторов, как Генри Джордж, Уильям Гент, Джейкоб Риис, Эптон Синклер или Джек Лондон. Благодаря профессиональной ловкости и социальной гибкости он ухитрялся при этом не оскорбить чувства ни консерваторов, ни реформаторов (Brandt, 2017, p. 75). Многие социалистические и скандальные сочинения Лондона, такие как «Люди бездны», «Дорога», «Железная пята» и даже «Мартин Иден», могли быть напечатаны без сокращений и редакторских правок только в Macmillan. Лишь в исключительных случаях Бретт деликатно предлагал убрать, например, прямую критику короля Эдварда VII из книги социологических очерков «Люди бездны» (Letters, vol. 1, p. 331), или оскорбление Верховного суда США из романа «Железная пята», поскольку это грозило запретом всех книг писателя (Letters, vol. 2, p. 664), но последнее решение всегда оставалось за Лондоном. Велика заслуга Бретта и в том, что он печатал книги Лондона, которые заведомо выходили за рамки запросов массового читателя, к ним относились не только его «левые» сочинения, но и такие романы, как «Письма Кемптона – Уэсу», «Мятеж на Эльсиноре», «Межзвездный скиталец», «Алая чума». Поддержка издателем творческих экспериментов Лондона позволила ему сделать шаг за пределы своего времени, за рамки реалистического и натуралистического направлений, и стать предтечей модернизма в американской литературе (Williams, 2017, p. 8).

Контракты и «конфликты» Джека Лондона с Macmillan

Впервые Лондон обратился к Macmillan, когда искал издателя для самой первой книги – сборника северных рассказов «Сын волка», но тогда издательство ему даже не ответило (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 10 июля 1899 год) (Letters, vol. 1, p. 94). Но уже после второго вышедшего сборника «Бог его отцов» (1901), когда о Лондоне заговорили как о молодом даровании, Бретт

сам предложил писателю издать что-то из его рассказов, которые ему показались «лучшими в своем жанре по эту сторону океана» (Дж. Бретт – Дж. Лондону. 27 декабря 1901 год) (Letters, vol. 1, p. 267). Первым сборником, вышедшим в Macmillan, был «Дети мороза» (1902). Контракт на его публикацию включал в себя 200 долларов авансом, 300 долларов после публикации и пятнадцатипроцентный гонорар с продаж первых 5000 экземпляров, и двадцатипроцентный – с последующих (Letters, vol. 1, p. 291). После него Лондон предложил Бретту заключить постоянный контракт, который обозначил начало их долговременного сотрудничества. Лондон говорил, что чувствует себя подготовленным для серьезной и интересной работы и хотел бы писать романы; все, что требуется для того, чтобы «не спеша обдумывать и воплощать лучшее, что в нем есть» и «сделать что-то великое» – это месячный аванс 150 долларов в течение одного года, который он сможет всецело посвятить творчеству (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 21 ноября 1902 год) (Letters, vol. 1, p. 320). Бретт поверил в молодого, но многообещающего писателя, и даже продлил срок для экспериментов и поисков себя до двух лет. В этот период Лондон написал два произведения, ставшие не только бестселлерами, но и классикой – повесть «Зов предков» (1903) и роман «Морской волк» (1904), которые позволили ему занять позицию одного из самых популярных писателей Америки. Бретт выкупил полностью авторские права на «Зов предков» за 2 тысячи долларов и впоследствии заработал на его переизданиях целое состояние, из которого Лондону не причиталось ни цента. Но писатель не держал обиды на своего издателя, так как, по его мнению, тот шел на большой риск (Letters, vol. 1, p. 358). Бретт хотел также выкупить авторские права на повесть «Игра», но Лондон, умудренный опытом, впредь соглашался только на контракты на основе гонорара (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 22 декабря 1904 год) (Letters, vol. 1, p. 458). С другой стороны, Бретт самым добросовестным образом выплачивал Лондону как авансы, так и заработанные гонорары, чем разительно отличался от других нью-йоркских редакторов, часто обманывавших писателя. Лондон говорил, что Macmillan «никогда не вело себя как торгоши», что оно «не жадное до наживы» и «ведет свой бизнес честно от начала и до конца» (Дж. Лондон – Ч. Лаури. 1 июля 1909 год) (Letters, vol. 2, p. 811). Подобная деловая порядочность вызвала глубокую преданность Лондона своему издателю – писатель утверждал, что будет с «Macmillan» до конца своих дней (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 25 мая 1910 год) (Letters, vol. 2, p. 892).

Однако по мере восхождения Лондона к славе его все чаще пытались «перекупить» другие издательства. Лондон отказывался от подобных соблазнительных предложений (Дж. Лондон – К. Уитни. 8 декабря 1906 год) (Letters, vol. 1, p. 646), но вскоре решил попросить у Macmillan такой гонорар, какой ему предлагали другие. Ко всему прочему, из книги У. Пейджа «Исповедь издателя» (1905), он узнал, что современные издательства платят своим самым популярным авторам не десятипроцентный гонорар, как было принято долгое время, а двадцатипроцентный (Page, 1905, p. 5). Пейдж давал этой тенденции негативную оценку, так как издатель, соглашавшийся платить автору большой гонорар, отдавал практически все, что можно было за-

работать на книге, и сильно рисковал вести бизнес себе в убыток. Такому издателю приходилось экономить на рекламе, на обложке, и это пагубно сказывалось на продажах книги и, в конечном результате, вредило писателю тоже (Page, 1905, p. 6). Но Лондон извлек для себя из чтения Пейджа другое – что издательства могут платить и на самом деле платят такой гонорар! Для него было важно знать, что он и есть тот самый популярный писатель, который заслуживает максимальных гонораров. Лондон предложил Бретту перезаключить контракт на новых условиях: аванс 300 долларов ежемесячно и двадцатипроцентный гонорар за книги, чей проданный тираж превышает 5000 экземпляров (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 1 августа 1905 год) (Letters, vol. 1, p. 504). Он считал, что его книгам реклама не потребуется, так как он успешно рекламирует свое имя на страницах выходивших миллионными тиражами газет Херста в качестве как корреспондента, так и героя светских сплетен (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 1 августа 1905 год) (Letters, vol. 1, p. 505). Но постепенно начали сказываться те последствия, о которых предупреждал Пейдж: отчасти из-за того, что Macmillan стало меньше вкладываться в продвижение и оформление его книг, отчасти потому, что Лондону не удавалось создать произведение, которое достигло бы такого же успеха, как «Зов предков» и «Морской волк», продажи и популярность его книг начали падать. Популярности Лондона также не способствовало то, что он на два года (1907–1908) выпал из литературной жизни, отправившись в плавание на «Снарке» по островам Тихого океана. В этот период он попытался отойти от северной темы, но эти эксперименты нельзя назвать коммерчески успешными: роман «До Адама», хоть сначала и продавался хорошо (65 638 экземпляров) (O'Connor, 1964, p. 245), но был вовлечен в скандал с плагиатом; автобиографический сборник рассказов «Дорога» об опыте бродяжничества Лондона, вопреки опасениям Бретта, не разрушил репутацию писателя, но было продано всего 5814 экземпляров (O'Connor, 1964, p. 254); социалистическую антиутопию «Железная пята» равно раскритиковали как буржуазные, так и социалистические журналы. Даже роман «Мартин Иден», сейчас считающийся одним из лучших творений Лондона, не был популярным при жизни писателя: «атака на буржуазию и все ее идеалы», как называл ее Лондон (Дж. Лондон – К. Джонсу. 17 февраля 1908 год) (Letters, vol. 2, p. 737), будучи разгромленной критиками, продавалась плохо. Несмотря на дальнейшее признание «Мартина Идена», продажи этого романа составили только половину от продаж «Морского волка» и 1/10 от «Зова предков» – 232 606 экземпляров (O'Connor, 1964, p. 281). Во время путешествия Лондон мог писать намного меньше своей обычной нормы (1–2 тысячи слов в день), так как ему приходилось изучать навигацию и стоять у штурвала, а также сопротивляться многочисленным тропическим болезням. Если в год обычно выходило две-три его книги, то теперь с трудом удавалось подготовить хотя бы одну. По возвращении домой он, напротив, стал спешно собирать в сборники все сочинения разных лет, которые еще не были напечатаны в формате книги. Один за другим выходили северные рассказы «Потерявший лицо», «Революция и другие эссе», «Когда боги смеются», а также целая плеяда сборников на южную тему – «Плавание на Снарке», «Сказки южных морей»,

«Дом гордости». Бретту не нравилось, что Лондон «выбрасывает на рынок» слишком много книг – это снижало продажи и популярность писателя в целом. Находившийся в долгах писатель все чаще и настойчивее просил у издателя огромные авансы, которые теперь с трудом покрывались заработанными гонорарами. Бретт указывал Лондону, что тот выпускает слишком много сборников рассказов, а для поддержания репутации и хороших продаж его книг ему было необходимо писать романы. Популярность рассказов упала, так как значительно выросло количество дешевых журналов, заполненных в основном третьесортными рассказами, это бросило тень на сам жанр, и редакторы журналов и издатели теперь просили у своих авторов длинные произведения (Brandt, 2017, p. 85). Но Лондон не готов был отказаться от рассказов, он считал текущее обесценивание искусства рассказа и ажиотажный спрос на романы «сезонным» явлением, связанным с «подверженностью издателей стадному инстинкту» (Дж. Лондон – Г. Ланье. 18 января 1912 год) (Letters, vol. 2, p. 1063).

Нарастающая волна взаимных претензий между писателем и издателем завершилась тем, что Бретт предложил Лондону отменить их регулярный годичный контракт, заменив его контрактами на каждую книгу в отдельности (Дж. Бретт – Дж. Лондону. 13 июня 1911 год) (Letters, vol. 2, p. 1013). Это позволило бы Бретту издавать сочинения Лондона выборочно, оставляя за писателем возможность печатать его сборники где-то еще. Внешне Лондон отнесся к разрыву контракта с показной беспечностью, ему казалось, что другое издательство смогло бы более эффективно извлекать прибыль из его сочинений, в том числе выпускать больше переизданий, ориентированных на разную аудиторию. Он даже хотел выкупить печатные формы на все 25 книг, к тому моменту вышедших в Macmillan (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 18 октября 1911 год) (Letters, vol. 2, p. 1038). Последней книгой, за которую Лондон получил аванс от Бретта в июне 1911 года, был еще не написанный роман «Лунная долина». В течение последующих двух лет Macmillan издавало те шесть сборников, которые Лондон уже им отправил, а Лондон – впервые за 10 лет начал искать нового издателя.

Century, план клуба «Игроки» и возвращение к Macmillan

Сначала Лондону казалось, что он прекрасно справляется и без Macmillan, почти сразу он выгодно продал очередной сборник южных рассказов «Сын солнца» в издательство Doubleday, Page & Co. (Дж. Лондон – Г. Ланье. 11 октября 1911 год) (Letters, vol. 2, p. 1032). Однако найти нового издателя на постоянной основе оказалось трудно: ни Doubleday, ни маленькое Bobbs-Merill Co., вначале предложившее Лондону авансом 7500 долларов за «Смока Беллью», ни бостонское Houghton, Mifflin & Co., ни Stokes не готовы были заключать длительный контракт с двадцатипроцентным гонораром. Лондон решил поехать в Нью-Йорк, чтобы лично проводить переговоры с издателями. Бретту, имевшему в Нью-Йорке обширные связи, практически сразу стало известно о его появлении в городе. Заподозрив, что скоро он может потерять своего любимого автора навсегда, Бретт пригласил Лондона на конфиденциальную встречу в богемный клуб «Игроки» (The Players) и предложил писателю тайный план – разыграть появление и стремительный

взлет новой звезды на литературном небосклоне. Этой звездой должен был стать Джек Лондон, пишущий под псевдонимом. План «клуба игроков» позволил бы Лондону выпускать в год столько книг, сколько он пожелает, экспериментировать со своим творчеством, а главное, выполнять обязательства перед другими издателями, не разрывая связей с Бреттом (Brandt, 2017, p. 86). Хотя этот план обсуждался писателем и издателем в течение почти года, он так и не был воплощен, так как у Лондона пропала необходимость работать на износ, сочиняя как для себя, так и для вымышленного автора. В феврале 1912 года он заключил постоянный контракт с издательством Century на публикацию шести книг: романы «Лютый зверь», «Смок Беллью» и «Алая чума», сборники «Рожденная в ночи», «Сила сильных», «Бродяга и фея».

Однако очень скоро Лондон разочаровался в новом издателе, оказавшимся не только несговорчивым в вопросе дополнительных авансов, но и неспособным оценить потенциал сочинений писателя. Когда у Лондона родился замысел автобиографического романа «Джон Ячменное Зерно», президент Century Уильям Эллсворт вначале отказывался принимать его, посчитав малоперспективным: «Он обращается к сравнительно новой аудитории – не той, которой нравится „Смок Беллью“ и большинство ваших сочинений. Это грандиозный трактат о трезвости – нет ничего даже похожего. Но рядовой читатель романов любит развлечения, а в „Джоне Ячменное Зерно“ на это нет ни малейшего намека» (У. Эллсворт – Дж. Лондону. 10 января 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1118). Лишь после того, как роман начали печатать в журнале Saturday Evening Post, и он вызвал громкий общественный резонанс, Century приняло его к публикации. Другой неожиданностью для Лондона стало то, что розничная цена книги, выпускаемой Century, составляла не 1,5 доллара, как в Macmillan, а всего 1,35, что пропорционально снижало его двадцатипроцентную прибыль с каждого проданного экземпляра. Последней каплей для Лондона стало то, что Century отказалось заплатить ему авансом 6 тысяч долларов за роман «Мятеж на Эльсиноре». Эллсворт ответил писателю: «Мы приятные и совершенно не упрямые люди, хотя вы могли так подумать, исходя из факта, что мы иногда отказываемся выдавать автору деньги тогда, когда он пожелает. Мы просто не можем себе этого позволить. Мы не банкиры и не заемщики – и ведем свои дела при очень скромном капитале» (У. Эллсворт – Дж. Лондону. 11 марта 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1149). После этого Лондон написал Бретту, что хочет вернуться к Macmillan со всеми книгами, уже обещанными Century. Бретт согласился компенсировать 11 тысяч долларов, которые Лондон уже получил в качестве аванса, но неожиданным препятствием для перехода стала та самая повесть «Джон Ячменное Зерно», которую издательство категорически отказывалось выпускать из своих рук, ссылаясь на то, что ее печатные формы уже подготовлены, а на самом деле, просто не желая терять огромную прибыль, которую эта книга, теперь было всем ясно, принесет ее издателю. Лондон старался избавиться от контракта с Century, засыпая Эллсворта оскорблениями и обвинениями в том, что он «ради долларов настаивает на продолжении отношений в духе нью-йоркской деловой этики – нездоровых, неприятных и бездуховных», «слушает голос денег, а не совести» (Дж. Лондон – У. Эллсворту.

22 апреля 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1157–1158), «скорее будет есть грязь, чем откажется от лакомого куска, и готов продать себя и честное имя своей компании за горстку монет» (Дж. Лондон – У. Эллсворту. 10 мая 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1163). Однако издательство демонстрировало завидную выдержку и на потоки проклятий писателя лишь кратко ответило: «Ваша необъяснимая позиция в отношении нас нисколько не повлияет на нашу работу как издателей» (The Century – Дж. Лондону. 22 мая 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1176).

Бретт согласился принять Лондона даже без «Джона Ячменное Зерно». Его единственным условием было ограничение количества книг, выпускаемых ежегодно, так как их текущее количество грозило обрушением рынка (Дж. Бретт – Дж. Лондону. 2 июня 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1179). Лондон согласился, более того, в течение этого последнего периода его творчества он полностью отказался от сочинения рассказов и выпускал не более двух романов в год. Хотя воссоединение писателя и издателя произошло к их взаимному удовольствию, и Лондон говорил, что «действительно рад вернуться домой» (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 29 июня 1913 год) (Letters, vol. 3, p. 1204), на практике при заключении нового контракта возникло много нюансов и наступил период активного торга. Если еще несколько лет назад Бретт утверждал, что «автору лучше держать в собственных руках права на переводы книг» (Дж. Бретт – Дж. Лондону. 28 марта 1906 год) (Letters, vol. 2, p. 561), то теперь он считал, что эти права, а также права на повторную журнальную публикацию после издания книги, должны принадлежать Macmillan. Также Бретт предложил ограничить суммы авансов реальной прибылью, которую приносят книги Лондона в текущем квартале. Писателю это было невыгодно, так как в последние годы он по популярности проигрывал даже таким ныне забытым писателям, как имитатор стиля Лондона Рекс Бич (Дж. Лондон – Дж. Бретту. 26 декабря 1914 год) (Letters, vol. 3, p. 1400) или Гарольд Белл Райт (O'Connor, 1964, p. 362). Последние романы Лондона продавались все хуже: «Мятеж на „Эльсиноре“» – 49 181 экземпляров, «Межзвездный скиталец» – 30634 экземпляров, «Маленькая хозяйка большого дома» – 21 679 экземпляров (O'Connor, 1964, p. 366). Отчасти это было вызвано тем, что все романы Лондона печатались в популярном Cosmopolitan, и читателям, уже познакомившимся с этим романом в журнале, не было необходимости покупать книгу за полтора доллара. Поэтому в последнее время Лондон делал ставку не на книжные продажи, а на гонорары от журналов, переиздания, театральные постановки и киноэкранизации своих ранних бестселлеров.

Заключение

Macmillan было эксклюзивным издательством Джека Лондона более 15 лет и выпустило более 40 его книг. Короткий эксперимент Лондона со сменой издателя лишь подтвердил то, что Джордж Бретт оказался незамеченной личностью, предоставляющей Лондону огромные авансовые привилегии, к тому же достаточно смелой, чтобы печатать его радикальные сочинения. Все это позволило Лондону, в целом безусловно связанному запроса-

ми литературного рынка, думать не только о гонорарах, но и создавать большое количество некоммерческих произведений, вписавших его имя в мировую литературу.

С другой стороны, Бретт помогал Лондону быть наиболее эффективным продавцом его литературных сочинений, мастерски сочетающих рыночную и художественную ценность. Необходимость писать «на два адреса», угождая как читателю, так и критику, является отличительной особенностью американской литературы, в этом смысле Джек Лондон является продолжателем традиций, идущих от Э. По, Г. Мелвилла и М. Твена (Венедиктова, 2003, с. 149–150). Поэтому неудивительно, что аналогичной «двойственностью» отмечен и союз Лондона и Бретта: насквозь пропитанный прагматикой и «дискурсом торга», он является вместе с тем одним из самых душевных и трогательных примеров искренней дружбы и взаимоуважения между писателем и издателем.

Список литературы

- Венедиктова Т.Д. «Разговор по-американски»: дискурс торга в литературной традиции США. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Brandt K.K. “Never Had Much Difficulty”: Jack London, George Brett, and Macmillan Company // *The Oxford Handbook of Jack London* / ed. by J.W. Williams. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 73–94.
- Labor E. *Jack London: an American life*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013.
- O’Connor R. *Jack London: a biography*. Boston – Toronto: Little, Brown and Co, 1964.
- Page W.H. *A publisher’s confession*. New York: Doubleday, Page and Co, 1905.
- The letters of Jack London. Vol. 1–3 / ed. by E. Labor, R.C. Leitz, III, I.M. Shepard. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Williams J.W. Introduction // *The Oxford Handbook of Jack London* / ed. by J.W. Williams. New York: Oxford University Press, 2017. Pp. 1–11.

Сведения об авторе:

Кешарпу Екатерина Витальевна, выпускница аспирантуры, кафедра истории зарубежной литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-7873-0896. E-mail: ekesharpu@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-716-725
UDC 82.01

Research article / Научная статья

Gynocentrism in Langston Hughes selected poetic works

R. Prathap Chandran ✉, P. Kumaresan

*Sudharsan College of Arts and Science, Bharathidasan University, Tiruchirappalli,
Perumanadu, Pudukkottai, Tamilnadu, Republic of India*

✉ prathapcdc@gmail.com

Abstract. Gynocentrism exclusive focuses on women both as theory and practice. Anything can be considered gynocentric when it is concerned exclusively with a female point of view. The works of Langston Hughes, which reflect the intersection of races and genders in the lives of blacks, are studied. His contributions take multiple forms including poetry, short stories, dramas and novels which are about black women's love, nature, romantic dilemmas, mother – daughter relationships, friendship, and silences. The authors analyze how gender in a special way colors female identity in Hughes' works. He expresses interdependence of genders and racial identities in his representations of black women and hence can be dubbed as gender racial. His writings are in a gender racial style, highlighting and intertwining gender and racial identities. Hughes' overcomes gender and racial stereotypes with open discussions on contentious themes. It is concluded that Hughes creates an alternative to repressive social realities by combining challenges with sensual visions.

Keywords: Langston Hughes, genderracial, gynocentrism, black women, identities, poetry

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 7, 2022; revised July 8, 2022; accepted September 15, 2022.

For citation: Prathap Chandran, R., & Kumaresan, P. (2022). Gynocentrism in Langston Hughes selected poetic works. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 716–725. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-716-725>

Гиноцентризм в избранных поэтических произведениях Лэнгстона Хьюза

Р. Пратап Чандран ✉, П. Кумаресан

*Судхарсанский колледж искусств и наук, филиал Университета Бхаратидасан,
Тиручирappalli, Перуманаду, Пудуккоттай, Тамилнаду, Республика Индия*

✉ prathapcdc@gmail.com

Аннотация. Гиноцентризм исключительно фокусируется на женщинах как в теории, так и на практике. Гиноцентрическим можно считать все, что касается исключительно женской точки зрения. Исследуются работы Лэнгстона Хьюза, в которых отражается

© Prathap Chandran R., Kumaresan P., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

пересечение рас и полов в жизни чернокожих. Его вклад принимает различные формы, включая поэзию, рассказы, драмы и романы о любви чернокожих женщин, природе, романтических дилеммах, отношениях матери и дочери, дружбе и молчании. Анализируется, как пол особенным образом окрашивает женскую идентичность в произведениях Хьюза. В своем представлении о чернокожих женщинах он рассматривает взаимозависимость полов и расовой идентичности и, следовательно, его взгляд может быть назван гендерно-расовым. Произведения, написанные в гендерно-расовом стиле, подчеркивают и переплетают гендерную и расовую идентичность. Хьюз преодолевает гендерные и расовые стереотипы с помощью открытых дискуссий на спорные темы. Делается вывод, что Хьюз создает альтернативу репрессивным социальным реалиям, сочетая вызовы с чувственными видениями.

Ключевые слова: Лэнгстон Хьюз, гендерная раса, гиноцентризм, чернокожие женщины, идентичности, поэзия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 июня 2022 г.; откорректирована 8 июля 2022 г.; принята к публикации 15 сентября 2022 г.

Для цитирования: Prathap Chandran R., Kumaresan P. Gynocentrism in Langston Hughes selected poetic works // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 716–725. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-716-725>

Introduction

The 1902 born, renowned Afro-American poet, Langston Hughes was from Missouri. His parents divorced resulting in his father's migration to Mexico. Following his high school graduation, his father paid for him to attend Columbia University in New York. Hughes liked writing even from his early school years, where in the seventh grade, he was named as the class poet. His writing included poems, short stories, dramas and novels.

Hughes was pre-dominantly a poet. Hughes' acceptance to the exclusive Ivy league institution in upper Manhattan as a "coloured" student was exceptional. Hughes' inspirations for writing undoubtedly stemmed at this institution during Jim Crow era. Langston Hughes poems examine intersections of races and genders in the lives of Black women, challenging binary identity conceptions and investigating social transformations. His works cover women's love, nature, romantic dilemmas, mother-daughter relationships, friendships, and silence.

Hughes discusses Black male and female identities while addressing experiences. He writes in a gender racial style, highlighting the intertwining of genders and racial identities. When a young Negro remarked he did not wish to be Negro poet:

A disappointed Langston said: *"I was sorry the young man said that, for no great poet has ever been afraid of being himself. And I doubted then, that, with his desire to run away spiritually from his race, this boy would ever be a great poet"* (692). Hughes believed identities are inextricably linked to artistic expressions. His works were bolstered by lyrical visions that pervaded the minds of people of all backgrounds. His imagery may be distressing at times, but also reassure sadness and joy that were strongly linked Black identities and was a poet who listened to the voices of all. This paper explores Gynocentrism found in his poems.

Discussion

Gynocentrism

In his poem *Mother to Son*, he represents black womanish power through the mother. The lyrics addressed by the black mother, is a share of her experiences to her son. She advises him on handling hurdles in life. In spite of being in a bad shape financially, she attempts to impart values and self-assurances in her son. The mother does cry for being victimized, but instead reinforces on her accomplishments in: *“Life... but all the time; I’ve been a-climbin’ on”* (Hughes 2–8). Her words express triumphs over incompetence and failures and Langston’s views about black women. He saw them as formidable forces to be handled and powerful humans who were capable of conquering life's challenges. Hughes specifically portrays black women as tough with implausible power that assists them in their life achievements. Throughout the poem, Hughes uses analogies to portray their resolve and power. The narrator uses metaphors to represent both happiness and terrible moments of her life. The poet stresses on the hardships women face through the narrator’s struggles: *“Life for me ain’t been no crystal stair; it’s had tacks in it; and splinters; and board torn up; and places with no carpet on the floor-bare”* (Hughes 2–8). The lines told to a son for inspiring him express the poem's topic and reflects mother's everyday efforts.

People need to heed to black women according to the poet, and her son listens what his mother says. In spite of her life’s problems, the narrator confides with sincerity and confidence to make her son tough and strong like her. Her voice is powerful and captivating and her arguments are brief. After informing her kid about her own life experiences, she remarks: *“So boy, don’t you turn back / don’t you set down on the steps / cause you discover it’s kinder hard / don’t you tumble now”* (14–19). The poet visualizes black mothers as strong, tough and powerful women and puts his views across subtly in the mother’s narrations.

Langston’s views on marriages can be seen in his *Widow Woman* where he highlights significant aspects of marriages love in women. The poem conveys intense love of women for their husbands in the lines: *“If I live to be a thousand/ I’ll never dry these tears”* (17–18).

An utterly grieved widow, mourns her husband’s death with a true heart and vows to continue for the rest of her life. Langston exaggerates for emphasizing woman's intense love for husbands which resound in the imagery. The poet adds a mournful tone to the narrator when she recollects the funeral: *“When they put you in de ground and / they throw dirt in your face”* (Hughes 7–8). Her declaration that she does not want another man in her life forbids other men from nearing her. *“I don’t want nobody else and / don’t nobody else want me”* (Hughes 19–20). In short, Langston in the poem shows respect to marital love of women for their husbands while they lived (Hughes, Rampersad, 2002, p. 109). The poet also highlights male dominations in married lives. Generally, husbands are in-charge of families and they not only dominate, but also exert their immense powers violently which impact women. Langston writes: *“You was a mighty lover and you ruled me many years”* (13–14). The poet in these lines very delicately implies that husbands relinquish their powers only when they breathe their last. The poet appears to favour masculine dominations as female repressions are in line with notions of male dominance in marriages.

Women are naturally subdued since their husbands exercise complete authority over them. The word “ruled” is a strong emphasis of domination and husband's authority, though the narrator appreciates her husband's love making. Langston in *Widow Woman* portrays the beauties as well as difficulties in marriages. Woman may adore their husbands, but despise the way they are treated. The poet concludes with the notion of freedom, a particularly contentious or perplexing feature since it is unexpected. Throughout the poem, the narrator's speech conveys that she was pleased under her husband's reign, but the poet startles readers through the narrator when she emphasizes the potentials of independence: “*Yet you never can tell when a woman like me is free!*” (23–24).

The poet reveals new aspects of women in these lines by implying that the narrator has found her voice and can speak for herself though a freedom gained only after her husband's death. While she mourns for her husband's loss, internally she harbours forbidden hopes of freedom. The poem is an invitation to readers for reconsidering events from whole new perspectives. The narrator very clear in her thoughts swears she would not go for other men as she does not want to jeopardize her newfound independence by falling into another man's dominations.

Mothers can inspire their daughters based on their own personal experiences. Langston's *Mama and Daughter* are poetic version of the conversations between black mothers and their adolescent daughters who start feeling the emotions of love for the first time. Hughes blends youth and love in the poem. Though ideas look misaligned, a feeling of shared experiences can be found in the talks between the mother and daughter.

The daughter asks her mother to dust off her coat before going to meet the boy she likes: “*Mama, please brush off my coat / I'm going down the street / where's you going, daughter? To see my sugar-sweet*” (1–4). Langston ascertains relationships between youth and love or youthful love. The mother's bad experiences with youthful love help her comprehend young love's appeal without participating in it in the poem. The poem makes one realize that love can be understood and appreciated only by those who are young and naïve. Realizations occur in humans only when the young grow and love isn't always as lively as young people believe it to be. Love can also be marked by stormy events. Langston uses the poem to address major issues of the society where young individuals of all cultures romanticize love without knowing that they need to persist through adversities in love.

The poet draws a cautionary tone to youngsters where the young are typically ignorant about love while their elders might have experienced both good and bad. He emphasizes on desertions that occur in love when the mother uses her personal interactions her husband to try and influence her daughter when she expresses her first love. A cynical mother reacts: “*Daughter, once upon a time / let me brush the hem / your, father, yes he was the one! I felt like that about him / But many a long year ago / he up and went his way*” (9–14). The poem also highlights males abandoning women, a globally widespread issue. Single moms are very common in the current world as many males desert their families. Hughes poem specifically highlights this aspect of society. Mother expresses her beloved's abandonment through her speeches: “*I hope that wild young son-of-a-gun, rots in hell today*” (15–16).

The poet uses the mother to indicate the incident that left her with resentment and bitterness and she transmits her inner feeling unintentionally to her daughter.

The poet illustrates the characters of mother-daughter connections (Bloom, 2002, p. 78) as they have open connections and mothers influence daughters while addressing sensitive issues. This is illustrated by the daughter's eagerness to tell her mother about her adored lover: "*He is that young man, mama; I can't get off my mind*" (7–8). Langston's daughters, instead of seeing young men in secrecy inform their mothers of their plans and even request mothers for assistance in getting prepared.

The relationships between mothers and daughters are always tightly bound. Mothers relate their own stories and experiences when they were young to their daughters. Langston encourages this openness, as seen by the overall pleasantness of the dialogues in the poem. The mother not only expresses herself but also subtly warns her daughter about love. Hughes demonstrates the power of black women that could influence youngsters. The mother in the poem neither punishes nor prevents her daughter from seeing her lover, on the contrary, she aids her daughter in her preparations to visit her lover, but cautions her about love.

Mother's approach towards treating her daughter is great, and she backs it up with personal narrative about her husband and an explanation on how her father abandoned her when she was a child: "*He was young yesterday*" (18). The poem centers around mother's bond with daughters and attempts to highlight relationships between mothers and daughters which determine women's degrees of influences in life. The poem expresses youthful love and abandonments that occur in women which forces mothers to educate their daughters to be cautious in love with men.

Through *Only Woman Blues*, Hughes tells the story of black women who are completely devoted to their husbands in spite of being abused frequently by them. The poem written from the angle of men for women describes how men are unable to resist women's charm. The poem stresses on the power dynamics that occur in loving relationships between men and women. The underlying aspect is the inability of men to take abuses from women. The poem repeatedly points out the power that women wield over men in love relationships. The narrator, a man, can't believe he's in love with a woman who subordinates him: "*She could make me holler like a sissie / bark like a dog*" (7–8). His disbelief contributes to the comedy of events, but the poet portrays the environment with respect. It encourages the reader to respect women characters while also criticizing the toxicities they bring into relationships.

Langston underlines power wielded by black women which they can exercise when they wish and also glorifies their beauty (Kutzinski, 2012, p. 56). The woman being gorgeous gets away for an extended period of time with ill-treatments of her partner. The narrator expresses exaltations on seeing the astonishing beauty: "*She had long black hair / big black eyes / glory! Hallelujah! / Forgive them lies!*" (13–18).

Women who are physically very attractive and beautiful get nearly excused or pardoned even in misbehaviourss: "*she was de meanest woman / I ever did see / but she's de only / woman that could mistreat me*" (1–6). The poem lacks male dominances and shows women as having an upper hand in relationships. Men lose their authority in relationships which makes them resistive in longer durations. The fact that a woman controls him becomes unbearable to the narrator who does

not like being mistreated and contrary to women's routine oppressions. The poet portrays the ability or willingness to quit harmful relationships despite love or affection between genders. One undeniable element in the poem is that the author portrays women as dominating and cruel which is particularly odd and done on purpose to show women strength in a world where they are frequently oppressed.

The narrator takes too long a time to build courage and fortitude and end the relationship. He gets prepared to let her go when she decides to leave him. The poet points out that both men and women can escape from their surrounding unfavorable situations: *"When she left / I said, go, hot damn! You de last and only / woman's gonna mistreat me"* (21–24). Hughes depicts a situation in which the lady is dominating and the male is subservient. Despite his dissatisfaction with her upper handedness, he is unable to abandon her. Though he swears he will allow other women to mistreat him, he continues to allow his beloved to mistreat him.

The Negro Mother, one of Langston Hughes' most powerful poems and inspires multitude of feelings in people of black descent. The narrator recollects her experiences as a slave. The poet utilizes women's voice to describe persecutions, fortitudes, and perseverance as enslaved persons from Africa, as well as yearnings for freedom of descendants. The poem highlights the main issue of enslavements of blacks. The narrator relates her servitude with her ancestress, speaking figuratively of the experiences of enslaved Africans: *"I am the child they stole from the sand / three hundred years ago in Africa's land"* (7–8). The first act of oppression for the narrator was her forced abduction to a distant land where she served as a slave for Whites: *"I am the one who labored as a slave / beaten and mistreated for the work... no safety, no love, no respect was I due"* (13–16). Slavery's harshness is plainly expressed in the woman's voice and words. To her, it was a place that arbitrarily divided families. The narrator's voice has strength because she portrays the horrors of slavery in a way that readers can comprehend and empathize.

Slavery and black people's resistance is also highlighted in the poem. Prior to the institution of slavery, blacks were free men and women who had their spirits broken by shifting from complete freedom to enslavement.

Hughes, on the other hand, demonstrates courage and perseverance through the narrator amidst brutal slavery: *"Sometimes, the valley was filled with tears / but I kept trudging on through the lonely years / sometimes, the road was hot with sun; but I had to keep on till my work was on; I had to keep on! No stopping for me"* (25–29). Hughes, in the poem, stresses on hope (Hughes, Rampersad, 2002, p. 23). Hope is central to narrations, and guides her tone throughout the poem. Even though the woman describes tyranny, she is not dejected. She quickly returns to optimistic views though she experiences sorrow: *"I am the dark girl who crossed the wide sea / carrying in my body the seed of the free"* (9–10). She feels her wards should lead better lives than what she had lived. Despite her problems, the woman remains optimistic about the future: *"I nourished the dream that nothing could smother"* (31). Her inner ache for freedom can be evidenced all through the verses. Enslaved people have only one thing in mind, to be set free. The narrator dreams of getting liberated along with her people: *"Stand like free men supporting my trust / believe in the right, let none push you back"* (42–43).

In many ways, the poem elicits multiple contradictory emotions. Though the reader aligns with the narrator for future generations, they are forced to accept

equally the sadness of current scenarios, since the narrator is a slave with very little prospects of being liberated. Langston also portrays the future and people who will live to see it: “*Now through my children, young and free / I realize the blessings denied to me*” (21–22). The lady reminds her grandchildren of their great lineage in order to instill in them of fortitude and endurance and the drive to survive that their forefathers possessed over years: “*For I will be with you till no white brother / dares keep down the children of the Negro mother*” (51–52). This poem encompasses one of Hughes' most dramatic endings, as he deals with the terrible themes of slavery. The narrator, an enslaved lady, addresses her offspring, asking them to remember and be inspired by their ancestors. Her aim is for her children to find and never lose their independence.

Economic hardships were common throughout the Great Depression. As a result, many individuals suffered terribly throughout the twentieth century which is imaged by Hughes in *Madam's Past History*. The poem describes the challenges of black women during the Great Depression. The poet utilizes narrator's voice to emphasize on sufferings and hardships of black business women and overcoming them amidst The Great Depression. The narrator recounts her experiences in doing business and being a black. Prior to the Great Depression, the main woman ran a hair salon, which was greatly hit by the depression: “*I had a / hair-dressing parlour / before; the depression put / the prices lower*” (5–9).

Due to the poor situation of the economy, she loses her business as a black woman. She is experiencing her first financial hardship. Undaunted, she builds another firm, a barbecue stand, which she also loses: “*Then I had / barbecue stand / till I got mixed up / with a no-good man*” (10–13). Madam's economic troubles are described by the poet in flat, impersonal tones; they are statements of facts for black women of the 20th century's during the Great Depression. Madam's perseverance and fortitude are visible in her voice and style of speaking, despite her difficulties as a business woman. Hughes illustrates women as strong through the narrator who has overcome adversity as a black woman and a business woman. As she recounts her experiences, sadness is prevalent and she attempts to cope as best she can. Her voice is forceful and leaves readers with mixed senses of adoration and puzzlement. Even in the midst of the despair, the narrator is unfazed by her fruitless tries to regain her footing.

In the poem, the author underlines the connections between systems and black businesswomen. Madam is a black business woman who has had to deal with the consequences of the Great Depression. She seeks Works Progress Administration (WPA), founded by President Roosevelt's government, for help. The machinery of the Government had a lack of concern and more specifically towards Blacks. Madam's knocks for help to WPA were declined due to her insurance: “*Cause I had a insurance; the WPA; said, we can't use you; wealthy that way*” (15–18).

In spite of her several attempts to get out of her problems during depression and she is refused help under some pretext or the other though the organization was supposed to assist citizens (Opdycke, 2016, p. 98) and created to aid those who were struggling and needed help during a difficult economic era. Though Alberta suffered economically, WPA's refusals were based on her sign of health, her insurance, a symbol of affluence. Alberta's two business failures were not enough to move the WPA towards her, a Black.

The poet highlights how systems regularly ignored concerns of blacks. Furthermore, the poem's undercurrent is one of self-respect and dignity. To the poet Madame was unflappable and austere: *"I said / don't worry 'bout me / just like the song / You WPA folks take care of yourself / and I'll get along"* (19–23). Alberta addresses the audience in the beginning as Madam, a sign of respect. Even after losing her businesses, she expects others to recognize her as a businesswoman: *"The Madam stands for business; I'm smart that way"* (3–4). Indeed, the slump depletes her financial resources to a point where she no longer owns any viable businesses. She, on the other hand, considers herself to be self-respecting and refuses to be called as such: *"I do cooking / day's work, too / Alberta K. Johnson / Madam to you"* (24–27).

Though she cooks and does daily chores for her living, she insists on being called as Madam. The pride in the woman is not wrong as she rises to a certain social level with sheer hard work and in spite of her racial origins. She is determined to keep up her self-made status despite severe economic conditions. She strongly believes that depression is temporary and her former status as a successful entrepreneur will return. Her desire to be called as Madam indicates her own sense of self-worth as a competent lady.

Conclusion

Langston Hughes' poetry effectively reflects American black women's hopes. Jim Crow in the south was still in existence when Hughes wrote his poetry. Northern Afro-Americans faced discriminations in housing and academics. Hughes wrote his poems at a time when many blacks who had directly experienced slavery were alive. South Americans enslaved and exploited Afro-Americans for almost three centuries.

After the Civil War ended and America was reconstructed, Afro-Americans still faced legal inequalities. Governments in the south created legislations classifying African-Americans as second-class citizens, denying them access to schools, not allowing them to vote, and forcing them to rely on separate resources. The goal was to establish a racial hierarchy that favored whites over African-Americans.

Discrimination was met with resistance by Afro-Americans. Booker T. Washington argued that hard labor and entrepreneurships were the best ways for Afro-Americans to achieve economic independence. W.E.B. Dubois believed that striving for political and cultural equality was the only way for Afro-Americans to achieve total dignity. Women and men both played critical roles in the Deep South's fight against entrenched racism. Langston Hughes' poetry reflects Afro-American women's dignity and independence, which contributed towards the elimination of racism in Deep South.

Continued efforts of women like Rosa Parks who campaigned for equality demonstrated Afro-American women's strengths throughout the history of America. Langston Hughes was a key part of Harlem Renaissance. Through his poetry, he showed Afro-Americans living in a discriminative society. In the United States, Harlem Renaissance was an important cultural and artistic movement for obtaining blacks freedom. Hughes' writing spans the whole spectrum of human experiences, from the mundane to the extraordinary and personal to political.

An artist's task, according to Hughes, is to accentuate and cover all facets of existence. Giving Afro-Americans who faced racial and gender discriminations a voice. Langston Hughes seemed to be motivated to portray not just himself, but also women as individuals. His photographs depict them as people who are attempting to make the best decision out of the few possibilities available to them.

Despite her low speech and likely life of poverty, he manages to depict African American women as a positive and active idea of femininity by focusing on the poor and displaces and utilizing grittier vocabulary, typically in black dialect. Hughes exposes the rest of society the level of prejudice that black American women suffered by utilizing obscene pictures and occasionally obscene words. Hughes echoed his world ambitions via the awareness and revival of female back consciousness. Hughes advocated an ideology in which women were lauded as taking charge of their destiny despite having racial and gender limits by portraying them as more complicated, more human, and less as symbols of sexuality. He did not portray black femininity as attractive, but he did portray them as powerful. Hughes stated, at a period when racism and segregation were rampant, that African American women were not only remarkable, but also human and needed to be respected for what they were.

References

- Anderson, J. (2013). *Langston Hughes*. ABDO Publishers.
- Best, W. (2017). *Langston's salvation: American religion and the bard of Harlem*. New York University Press.
- Bloom, H. (2002). *Langston Hughes*. Chelsea House Publishers.
- Carr, D. (2016). *She voices them: Evidence of black feminism in black women's Harlem renaissance literature*. CUNY Academic Works.
- De Santis, C. (2005). *Langston Hughes: A documentary volume*. Thomson, Gale Publishers.
- Farebrother, R. (2016). *The collage aesthetic in the Harlem renaissance*. Routledge.
- Gale, C.L. (2016). *A study guide for Langston Hughes's "Theme for English B."* Gale, Cengage Learning.
- Gutkin, D. (2015). *American opera, jazz, and historical consciousness, 1924–1994*. Columbia University Press.
- Hoffman, T. (2013). *American poetry in performance: From Walt Whitman to hip hop*. University of Michigan Press.
- Hughes, L. (1940; 1993). *The big sea*. New York: Knopf, Hill and Wang.
- Hughes, L., & Rampersad, A. (2002). *The poems, 1941–1950*. University of Missouri Press.
- Kirszner, L., & Mandell, S. (2017). *Compact literature: Reading, reacting, writing*. Cengage Learning.
- Kutzinski, V. (2012). *The worlds of Langston Hughes*. Cornell University Press.
- Miller, R. (2015). *Baxter, black American literature and humanism*. University Press of Kentucky.
- Mphahlele, E. (1972). Variations on a theme: Race and color. *Présence Africaine*, 3, 92–104.
- Opdycke, S. (2016). *The WPA: Creating jobs and hope in the Great Depression*. Routledge.
- Rampersad, A. (2002). *The life of Langston Hughes. Vol. I. 1902–1941*. Oxford University Press.
- Sears, J.T. (2014). *Growing up gay in the south: Race, gender, and journeys of the spirit*. Taylor and Francis.
- Wallace, M. (2007). *Langston Hughes: The Harlem renaissance*. Marshall Cavendish Benchmark.
- Wei, X. (2010). Use of dreams in Hughes's poetry. *Canadian Social Science*, 3(5), 128–133.

Bio notes:

Prathap Chandran R., research scholar, P.G. and Research Department of English, Sudharsan College of Arts and Science, Bharathidasan University, Tiruchirappalli, Perumanadu, Pudukkottai, Tamilnadu, Republic of India. E-mail: prathapcdc@gmail.com

Kumaresan P., Dr., Associate Professor in English, Sudharsan College of Arts and Science, Bharathidasan University, Tiruchirappalli, Perumanadu, Pudukkottai, Tamilnadu, Republic of India. E-mail: drpkenglish@gmail.com

Сведения об авторах:

Пратхан Чандран Р., ученый-исследователь, исследовательский отдел английского языка, Судхарсанский колледж искусств и наук, филиал Университета Бхаратидасан, Тиручираппалли, Перуманаду, Пудуккоттай, Тамилнаду, Республика Индия. E-mail: prathapcdc@gmail.com

Кумаресан П., доктор, адъюнкт-профессор английского языка, Судхарсанский колледж искусств и наук, филиал Университета Бхаратидасан, Тиручираппалли, Перуманаду, Пудуккоттай, Тамилнаду, Республика Индия. E-mail: drpkenglish@gmail.com

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-726-734
УДК 821.581

Научная статья / Research article

Цань Сюэ: поэтика антиэстетики

Ф. Тянь

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

✉ 1042205271@rudn.ru

Аннотация. Цань Сюэ – представительница китайской женской литературы конца XX – начала XXI века. Ее творчество является одним из интереснейших литературных феноменов современности. В исследовании рассматривается поэтика «антиэстетики» писательницы, построенная на нарушении классических художественно-эстетических норм. Для достижения нового эстетического воздействия Цань Сюэ по-новому использует такие художественные средства, как фантазия, метафора, символ, синестезия. Обладая богатой и безудержной фантазией, писательница стремится к изображению чего-то, что существует «в зоне небытия». При этом писательница создает антиэстетичные образы – уродливые, непостижимые и метафорические. В построении диалогов она работает на алогичности, обращается к феноменам пересечения сна и яви, подглядывания и др. Делается вывод, что Цань Сюэ вырывается из клетки эстетики традиционной линии, склонна ко всему причудливому, иррациональному, не соответствующему общепринятым стандартам, но при всем безобразном она обращает внимание на потаенную глубину сознания и души человека, показывает другую правду жизни. Анализ поэтики Цань Сюэ позволяет более глубоко и всесторонне понять творчество китайских писательниц конца XX – начала XXI веков.

Ключевые слова: Цань Сюэ, антиэстетика, поэтика, китайская литература, женская проза, Шарль Бодлер

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 13 сентября 2022 г.; откорректирована 1 октября 2022 г.; принята к публикации 15 октября 2022 г.

Для цитирования: Тянь Ф. Цань Сюэ: поэтика антиэстетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 726–734. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-726-734>

Can Xue: the poetics of anti-aesthetics

Fang Tian

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ 1042205271@rudn.ru

Abstract. Can Xue is a representative of Chinese women's literature of the late 20th and early 21st centuries. Her works are one of the most interesting literary phenomena. The author discusses the poetics of the “anti-aesthetics” in Can Xue’s works, based on the violation of classi-

© Тянь Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

cal aesthetic norms. To achieve a new aesthetic impact, Can Xue employs such artistic means as fantasy, metaphor, symbol, synesthesia in a new way. Possessing a rich and unbridled imagination, the writer strives to depict something that exists “in the zone of non-existence.” Besides, Can Xue creates anti-aesthetic, ugly, incomprehensible, and metaphorical images, invents illogical dialogues, refers to the phenomena of the interweaving of dreams and reality, peeping, etc. It is concluded that Can Xue breaks the frame of traditional aesthetic, seeks ugly, irrational, and unacceptable to popular standards of beauty. But despite all the ugliness, she draws attention to the hidden depths of human consciousness and soul, shows another truth of life. An analysis of the poetics of Can Xue allows a deeper and more comprehensive understanding of the writings of Chinese authors of the late 20th and early 21st centuries.

Keywords: Can Xue, anti-aesthetics, poetics, Chinese literature, women's prose, Charles Baudelaire

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 13, 2022; revised October 1, 2022; accepted October 15, 2022.

For citation: Tian, F. (2022). Can Xue: The poetics of anti-aesthetics. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 726–734. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-726-734>

Введение

В 1853 году вышла в свет книга «Эстетика безобразного» немецкого философа Карла Розенкранца, знаменующая то, что *безобразное* выступает как самостоятельная категория эстетики (Aesthetics), а не придаток прекрасного или противоположная прекрасному область. Безобразное в искусстве получило самостоятельную ценность, перестав играть вспомогательную роль. Появление категория «безобразного» нарушило традиционный эстетический стереотип и привело к расширению пространства эстетики.

Публикация сборника стихотворений «Цветы зла» французского поэта Шарля Бодлера открыла в истории западной эстетики эпоху безобразного, Бодлер деконструирует представления об искусстве, и с этого времени начинается пересмотр традиционных эстетических идеалов.

Для Бодлера, считавшего, что миссия поэта заключается в «превращении камня в золото», художественная функциональность антиэстетики заключалась в активизации чуткости, в выявлении и преодолении пороков человека и общества – и в поиске в этом процессе высшей истины и красоты.

В искусстве XX века, разработавшем разнообразные художественные средства и формы, наблюдается устойчивый интерес к дисгармонии, асимметрии и многочисленным видам безобразного. Под влиянием западных художественно-эстетических тенденций, эстетическое сознание и в китайской литературе XX века претерпело резкие изменения. Такие писатели, как Цань Сюэ, Хань Шаогун, Юй Хуа, Су Тун и Мо Янь, сознательно заимствуют западный модернистский опыт, реформируя национальную традицию реализма, смело раскрывают «чернуху» жизни, страдания и растерянность современников, патологию и уродство в человеке. Используя гротеск, метафоры, фантазию, абсурд, деконструкцию, авангардисты вызывают мощную волну антиэстетики в китайской современной литературе. Такие произведения антиэстетичны, абсурдны, неприятны, иногда противны и всегда неудобны.

В традиционном и, можно сказать, стереотипном сознании существует убеждение, что женщины-авторы по своей природе склонны изображать

сентиментальную любовь, гармоничную семью и нежные женские образы. Но сегодня существуют и «предательницы» общей линии, вырвавшиеся за рамки традиционной эстетики в поиске новых себя и нового образа мира. В их числе и Цань Сюэ. «Произведения Цань Сюэ – nonsense! В них „семья наоборот“, „женщина наоборот“ и „эстетика наоборот“» (Юсупова, 2021, с. 154). Благодаря характерной (прежде всего для авангарда) поэтике, на деревьях мыслей писательницы растут экзотические художественные плоды.

Выделим основные художественные средства поэтики Цань Сюэ и поговорим подробно о каждом.

Обсуждение

Фантазия

Произведения Цань Сюэ характеризуются безудержной фантазией и преувеличением. Именно фантазия позволяет уничтожить традиционный хроно-топ. При чтении ее произведений нам трудно определить, где и когда происходит действие, прошлое и настоящее переплетены, время и пространство хаотичны. Например, в романе «Улица желтой грязи», кроме упомянутой в заголовке улицы «желтой грязи», не найдешь никакой информации о месте, в котором происходит действие. Назван «тот город» – но какой это «город»? «в тот день» – это какой «день»? даже рассказчик «я» – кто «я»? Не узнаем.

Обладая богатой и безудержной фантазией, писательница стремится к изображению чего-то, что существует «в зоне небытия». В ее произведениях нередко переплетаются сон и явь, мистика соседствует с реальностью. Герои всегда живут в липком мире грез. Даже они сами не осознают, где находятся: в иллюзии или в реальности. Иногда персонажи, словно шизофреники, на грани реального и ирреального совершают извращенные поступки. В рассказе «Мыльные пузыри на грязной воде» в воображении сына – инфантильного и беспомощного перед властным тираном-матерью – мама превращается в грязные мыльные пузыри. А в конце герой начинает лаять, как злая собака, и даже откусывает от человека кусок живой плоти.

В рассказе «Бык» каждый раз, когда дует ветер, герою в голову приходят необузданные выдумки. Еще он замочил удаленные зубы в стеклянной банке, а затем постоянно буркал «если в комнату хлынет вода, что делать с моими зубами!» – сумбур!

Фантазийный мир Цань Сюэ не столько выдумка, сколько образ души героев. Через сопряжение двух реальностей, настоящей и выдуманной, писательница показывает физическую жизнь человека одновременно с жизнью его души. В рассказе «Хижина в горах» в обычной жизни девочка живет в несчастливой семье, без любви и взаимопонимания, члены которой равнодушны друг к другу, там ее жизнь как стоячая вода, а в мире грез душа героини еще жива, хижина – это тайна, а также утешение для нее.

Выходя за пределы парадигм классической литературы, Цань Сюэ склонна к применению экспериментальных методов, пытается создать новые образы, уродливые, непостижимые, и метафорические, она смело проникает в самые глубины человеческой души и затрагивает там самые тайные пласты сознания личности.

Метафора и антиэстетичные образы

Мы согласны с теми, кто называет художественный мир Цань Сюэ метафорическим. Писательница пытается работать на уровне метафорических образов. Чаще всего в роли таких образов выступают растения – ядовитые поганки, олеандры тунговые, камфарные деревья, софоры, виноградная лоза, розы и др. В текстах Цань Сюэ растения, символизирующие жизненную силу, становятся смертельными ядами; подавляющее большинство животных вызывает у читателей отвращение и страх. Порой критики даже называют ее мир «музеем уродливых животных» – (мертвые) мотыльки, стрекозы, бабочки, дождевые черви, усачи, комары, мухи, тараканы, сверчки, богомолы, пауки, муравьи, скарабеи, ящерицы, саранча, гусеницы, сороконожки, постельные клопы, нематоды, рыбы, черепахи, воробьи, черные кошки, мыши, волки и др.; еда – тухлый суп, фасоль, огурцы и т. д.; природные явления – сильный дождь, ветер, туман, гроза; другие уродливые предметы – вонючие сточные канавы, отвратительные трупы животных, фекалии и пр. Зачем же Цань Сюэ нужна такая образность? Чтобы через эти бытовые отвратительные образы, которые вызывают у читателя дискомфорт, метафорически отразить ложь, страдания, смерть, пустоту и т. д.

Кажущийся абсурдным мир Цань Сюэ – это обратная сторона привычной картины общества. Мрачность, угрюмость, страх, тревога и прочие патологические состояния психики разворачивают перед глазами читателя свой особый, постоянно изменяющийся мир, и читатели должны вырваться из логических рамок привычного мышления, отказаться от привычной эстетики, чтобы его понять.

Мы полагаем, что уродливые метафорические образы с их иррациональностью, алогичностью и аномальностью в текстах Цань Сюэ являются одной из самых заметных художественных особенностей ее творчества.

Синестезия и символ

Синестезия в литературе представляет собой межчувственную ассоциацию и является неотъемлемым компонентом художественного мышления, такого рода прием показывает многогранность чувственного восприятия мира человека (Никитина, 2015). В исследовании «О Душе» Аристотель рассуждал о феномене синестезии (synesthesia – от греч. соощущение). Типичным примером «межчувственных связей», «синестезии» являются следующие строчки в поэзии Бодлера: «Есть запахи свежие, как детское тело, сладкие, как гобой, зеленые, как луга» («Соответствия», перевод Иванова). Синестезия – феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфическое для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, часто характерным для другой модальности¹. Попросту говоря, мы можем видеть музыку, слышать форму, нюхать цвет.

Синестетические ассоциации присущи китайской литературе уже с древних времен. В древнем Китае поэт Цзи Кан в поэзии «Ода о цине» (или «Цинь фу») воспринимает звуки музыки как физическую наглядность в зрительных и осязательных ощущениях:

¹ Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 139.

Могучи, как *утес* высокий,
И сходны с бурною *волной*.
О, необъятных *вод* просторы!
О, высота вершины *горной*!
(перевод Семененко)

А поэт династии Тан Бо Цзюйи видит в мелодии на пипа (китайский музыкальный инструмент) ливень, шепот, жемчужины:

И толстые струны «цао-цао» – шумят,
как злой, торопящийся *ливень*,
И тонкие струны «тье-тье» – шелестят,
как нежный, доверчивый *шепот*.
«Цао-цао» – шумят, шелестят – «тье-тье»,
сплетя воедино все звуки,
И крупных и мелких *жемчужин град*
гремит на нефритовом блюде.
(«Пипа», перевод Эйдлина)

Ведь безобразное всегда вызывает у читателей интенсивную стимуляцию. Поэтический манифест Бодлера: «видеть прекрасное в безобразном», прием синестезии в описании уродства особенно содействует повышать нашу чувствительность и впечатлительность. Эстетическое мироощущение Цань Сюэ совпадает именно с поэтом. Для творчества Цань Сюэ синестезия является неотъемлемой.

Находим следующие фразы: «В ушах старого сапожника растет османтус», «...услышал, как стебли тростника внутри себя издают звук „треск-треск“...», «Он говорит, как бы личинка ползет в горле...», «Услышанная мелодия словно ледяные сосульки, застывшие на губах...», «Он громко хлебает воду, из ноздрей идет густой дым...» (из повести «Старое плывущее облако», перевод автора).

Если горизонтальные соответствия между различными чувствами – метафорическая ассоциация – определяется синестезией, являясь одним из наиболее выразительных средств отражения целостности действительности, то не менее важно вертикальные соответствия, что воплощаются на художественном уровне как символ. Символ служит мостом трансцендентного и реального мира и становится для писателей инструментом проникновения в духовный мир людей.

Также символ – это то, что в психоанализе называют «внутренними образами»: картины, состояния, ощущения, символизирующие наши переживания и раскрывающие для нас – нас самих. Произведения Цань Сюэ полны уродливыми образами, а красивые образы, символизирующие надежду и красоту, всегда тленные, преходящие, легко разрушаемые. В рассказе «Бык» волшебный «пурпурный свет» символизирует пробуждение самосознания героини, некое духовное благородство и обнадеживающую веру. Женщина раз за разом видит в большом зеркале быка в ореоле пурпурного света. В это время женщина погружается в свой собственный мир, она смотрит вдаль, ее мир словно становится больше, выходя за границы маленькой деревни и скучной жизни с незаботливым мужем. Когда она рассказывает мужу об этом, муж ее не слышит и не хочет слышать. Он всегда говорит ерунду – о зубах,

мышы, дереве и т. д. Видимо, муж заботится только о своих зубах, что символизирует его заботу о реальной жизни, а жена думает о мире в зеркале – своем бессознательном и духовном. Муж и жена не могут нормально общаться, они не понимают друг друга, у них вообще нет общего языка. Они могут проговорить всю ночь, но только о своих делах, совершенно не слушая друг друга. В финале муж разбивает зеркало молотком, бык и пурпурный свет исчезают навсегда.

Как только этот рассказ вышел в свет, в литературной критике возникли различные мнения о подлинности существования диковинного пурпурного света. Окончательного ответа на этот вопрос, конечно, не дождалась, зато критики сходятся во мнении, что в финале исчезновение пурпурного света констатирует окончательное разрушение духовного мира женщины.

В рассказе «Хижина в горах» идеальным, но иллюзорным пространством становится для несчастливой героини небольшая хижина в горах с виноградником, свободное место ее души. А в конце мираж хижины, исчезая, подразумевает полное духовное выгорание героини. С помощью символа «хижины» и «пурпурного света» писательница утверждает отчаяние и бессилие человека в сложных межличностных отношениях.

В других рассказах уровень проблематики поднимается до общечеловеческого. В «Диалогах в раю» «домик под тутовым деревом» символизирует духовное пространство, к которому все стремятся, а в «Новой жизни» узкое пространство «лифта» – растерянность, беспомощность и страх бытия человечества.

Алогизмы диалогов

Одной из центральных особенностей творчества Цань Сюэ становится построение алогичных диалогов, абсурдных высказываний, связанное с нарушением основных законов логики, а также с наличием логических ошибок. Как в повести «Старое плывущее облако»: «Я налила мыльную воду, я думаю, что еще не платила арендную плату за предыдущий месяц». В данном примере наблюдается неожиданный поворот и нарушение логики высказывания, что отражает расстройство говорящего.

Алогизмы диалогов подчеркивают противоречивость мыслей героев, отражает парадоксальность жизни, путаное сознание людей, отсутствие взаимного понимания и желания слышать друг друга, стремление «уйти» от общения (Сидорова, Подшивалова, 2020, с. 152). Пример находим в рассказе «Бык»:

Жена. Я увидела что-то, странный пурпурный свет.

Муж. Смотри, – он оскалил свои черные зубы, – это как кротовые норки.

Жена. Он (бык) ходит вокруг нашего дома день и ночь, ты ни разу не видел?

Муж. Кто-то уговорил меня вырвать зубы, сказав, что потом все будет совсем хорошо.

Очевидно, что жена думает о странном свете, а муж заботится только о своих зубах. Однако следует иметь в виду, что такой парадокс не нарушает целостность структуры текста, а, представляя поток подсознания героев, раскрывает их внутренний мир, порождает новые смыслы и способствует возрастанию степени художественности. Как замечает китайский критик Хун Чжиган: «Главный вклад Цань Сюэ в китайскую авангардную прозу в значительной степени заключается в том, что она успешно вырвалась из традици-

онного повествования, подчеркнув эстетическую ценность фрагментов дискурса, и повысила уровень эстетического наслаждения с помощью богатых деталей» (Хун Чжиган, 2002, с. 20) (перевод наш. – Ф.Т.).

Подглядывание и чужой взгляд

Протагонисты Цань Сюэ сознательно или несознательно тайно наблюдают за членами семьи, соседями, и даже незнакомыми. Наряду с этим, они неспособны избежать чужого взгляда, находясь в роли объекта. «Подглядывание» свидетельствует о пустоте в душе человека, болезненности и отчужденности личности. Пример из рассказа «Хижина в горах» (перевод Торопцева):

- Покая от тебя нет, – продолжает мама, отступая к дверям. *И следит за мной* половиной лица.
- Что-то она того... – думая, будто я не слышу, *ухмылялись по темным уголкам* до-машние. И, пока глаза мои привыкают к полумраку комнаты, исчезали, посмеиваясь.
- Мать притворяется, будто ничего не знает, а глаза-то опускает. Но я спиной ощущаю *зловный взгляд*. Как уставится в затылок – у меня сразу немеет и вспухает кожа.

Под пером Цань Сюэ патологические вуайеристы жаждут собственной независимой территории, но неудержимо вторгаются в личную жизнь чужих, что в итоге приводит к тому, что все подсматривают друг за другом, все обречены жить под наблюдением посторонних и неизбежно теряют свободу и достоинство личности.

Сновидение

Когда заходит речь о характеристике творчества Цань Сюэ, сразу приходит на ум слово «сон». Для критиков Цань Сюэ – «аномальное» явление в китайской литературе. Ее произведения трудно читать, поскольку разум не может служить ориентиром в этом чтении. Читатель не может идентифицировать себя с персонажами Цань Сюэ и их поступками, поскольку у них отсутствует понятная мотивация. Большинство критиков находят ее творчество сложным для восприятия. Ее произведения чаще всего заслуживают эпитетов «кошмарные», «безумные», «истерические», «нечитабельные». Китайский критик Ли Цзе называет ее работы «имитирующими сны» (Хузиятова, 2008, с. 245). В предисловии к книге «Неописанные сны» Цань Сюэ признает: «Я художница, которая никогда не просыпается, и мои работы посвящены читателям, которые способны видеть сны и построить мир во сне» (перевод наш. – Ф.Т.).

Сновидение как художественно-литературный прием, «служит для самых разнообразных целей формального построения и художественной композиции всего произведения и его составных частей, идеологической и психологической характеристики действующих лиц и, наконец, изложения взглядов самого автора» (Часыгова, Хадзиева, 2020, с. 43–44).

Начиная с рассказа «Хижина в горах», Цань Сюэ вступила на путь повествования-сна. До конца писательница не подтвердила, реально существует ли хижина. Пока читаешь рассказ, кажется, что эта хижина действительно стоит в горах. Но каждый раз, как героиня лезет на гору, не видно ничего кроме белых камней. В конце мы понимаем, что хижина для девочки просто иллюзорный сон. В последующих произведениях, например, «Диалоги в раю», «Старое плывущее облако», «Улица желтой грязи», «Синий свет в небе» и т. д.

писательница продолжает этот стиль. Люди либо видят абсурдные сны, либо занимаются сновидческим самовыражением и общением в реальности, как будто все находится в большом пространстве снов.

В этом отношении эстетика творчества Цань Сюэ приближается к принципам сюрреализма, сложившимся в начале XX века в художественной культуре авангарда под влиянием учения Фрейда о бессознательном. Для сюрреалистов сон является средством воссоединения сознательного с бессознательным. Сновидение проявляет вытесненные желания, посредством приема сновидения искусство стремится освободить разум и пригласить читателей к трансценденции и размышлениям.

Как утверждал критик Г. Юсупова: «Жизнь героев Цань Сюэ до жути обыденна, противна и бессмысленна. Кажется, что они живут в странном *сне*, на грани реального и ирреального <...> жизнь героев Цань Сюэ часто кажется кошмарным *сном*» (Юсупова, 2021, с. 153). В современной литературе, в особенности в постмодернистской, доступно большое количество произведений, изображающих мир снов и миражей, но Цань Сюэ проложила новую тропу, создав свой собственный стиль сновидений с уникальным абсурдно-отчужденным методом повествования, как выше сказано, в ее текстах отсутствуют логические связи и классическая форма хронотопа. У нее повествование бывает устроено как соединение беспорядочных и сумасшедших снов. Нередко персонажи под воздействием безумия и бессознательности ведут себя словно психически больные. При чтении ее произведений нельзя не признать, что Цань Сюэ – настоящий мастер в создании причудливых и жутких снов. «Именно благодаря умелому использованию приема *сна* произведения Цань Сюэ приобретают фантастичность» (Хузиятова, 2008, с. 246).

Заключение

Итак, Цань Сюэ вырывается из клетки эстетики традиционной линии, она склонна ко всему причудливому, иррациональному, не соответствующему общепринятым стандартам, но при всем безобразном она обращает внимание на потаенную глубину сознания и души человека, показывает *другую правду* жизни, что побуждает нас рационально мыслить даже в иррациональном мире. Здесь наблюдается глубокая озабоченность Цань Сюэ реальным пространством человеческого бытия.

Список литературы

- Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974.
- Никитина Т.Э. Синестезия как художественный прием в произведениях И.А. Бунина // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/273/400> (дата обращения: 15.07.2022).
- Семененко И.И. Цзи Кан. «Ода о лютне» // Проблемы восточной филологии. М.: МГУ, 1979.
- Сидорова Е.В., Подшивалова Н.И. Алогизмы в разговорной речи (на материале сценических диалогов драматических произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1. С. 151–154. <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.30>
- Торопцев С. Цань Сюэ. Хижина в горах // Азия и Африка сегодня. 1990. № 12. С. 45–47.

- Хузиятова Н.К. Кафкианские мотивы в творчестве современной китайской писательницы Цань Сюэ // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 10. С. 244–248.
- Хун Ч. Авангардная литература // Обзор художественной литературы. 2002. № 2. С. 21–24. [洪治纲: 先锋文学聚焦之十四, 见《小说评论》2002年第2期, 第21-24页.]
- Часыгова Л.М., Хаджиева А.А. Сновидения как литературный прием в произведениях И.А. Гончарова и Ф.М. Достоевского // Вестник науки. 2020. № 1. С. 42–47.
- Эйдлин Л.З. Бо Цзюйи. Пипа // Лирика. М.: Художественная литература, 1965.
- Юсупова Г.А. Творческие поиски Цань Сюэ // О литературе. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1611391239&archive> (дата обращения: 17.06.2022).

References

- Chasygova, L.M., & Khadzиеva, A.A. (2020). Dreams as a literary device in the works of Goncharova and Dostoevsky. *International Scientific Journal*, (1), 42–47. (In Russ.)
- Eidlin, L.Z. (1965). Pipa of Bo Juyi. *Lyrics*. Moscow: Khudozhestvennaya Literature Publ. (In Russ.)
- Hong, Zh. (2002). Focus on avant-garde literature. *Novel Review*, (2), 21–24. (In Chin.)
- Ivanov, V.I. (1974). Two elements in modern symbolism. *Collected Works* (vol. 2). Brussels: Foyer Oriental Chretien. (In Russ.)
- Khuziyatova, N.K. (2008). Kafkaesque motifs in the works of the modern Chinese writer Can Xue. *Journal of the Buryat State University*, (10), 244–248. (In Russ.)
- Nikitina, T.E. (2015). Synesthesia as an artistic technique in the works of Bunin. *Language. Culture. Communications*, (1). (In Russ.) Retrieved July 15, 2022, from <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/273/400>
- Semenenko, I.I. (1979). Ode on the Lute of Ji Kang. *Problems of Eastern Philology*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
- Sidorova, E.V., & Podshivalova, N.I. (2020). Alogisms in colloquial speech (based on stage dialogues of drama works). *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, (1), 151–154. (In Russ.) <http://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.30>
- Toroptsev, S. (1990). Can Xue. Hut in the mountains. *Asia and Africa Today*, (12), 45–47. (In Russ.)
- Yusupova, G.A. (2021). The creative quest of Can Xue. *O Literature*. (In Russ.) Retrieved June 17, 2022, from <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1611391239&archive>

Сведения об авторе:

Тянь Фан, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-3815-7084. E-mail: 1042205271@rudn.ru

Bio note:

Fang Tian, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-3815-7084. E-mail: 1042205271@rudn.ru

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-735-744

УДК 654.19(4/9):002.2(4/9)

Научная статья / Research article

**Hétfői Hírek – «газета-заменитель»
в системе венгерской прессы**

Т.Ю. Пынина

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

 tanyi@inbox.ru

Аннотация. Еженедельное печатное издание Hétfői Hírek сыграло существенную роль в развитии системы венгерской прессы в 1957–1985 годах. Автор вводит в научный оборот новую дефиницию «газета-заменитель» применительно к этому изданию, единственному медиа, выходявшему в понедельник – выходной день для венгерских средств массовой коммуникации. Помимо новостного контента, в еженедельнике, имевшем два выпуска (утренний и вечерний), размещались сообщения о происшествиях, объявления, анонсы. Газета распространялась главным образом через уличные продажи, что типично для бульварной венгерской периодики. Издание Hétfői Hírek обладало признаками как качественного, так и массового издания, поэтому можно говорить о его смешанном формате. Анализ «газеты-заменителя» существенен для понимания особенностей венгерских медиа в их историческом контексте, а также для изучения деятельности СМИ в формировании определенной модели действительности, управлении информационными потоками и поведением социума. Анализ Hétfői Hírek проводится впервые в теории медиакommunikаций, базируется главным образом на исследованиях, проведенных автором в Венгрии, с привлечением большого количества архивных источников и применением междисциплинарной методологической базы.

Ключевые слова: Венгрия, венгерская пресса, Hétfői Hírek, еженедельник, газета-заменитель

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 августа 2022 г.; откорректирована 2 сентября 2022 г.; принята к публикации 23 сентября 2022 г.

© Пынина Т.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пыкина Т.Ю. Hétfői Hírek – «газета-заменитель» в системе венгерской прессы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 735–744. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-735-744>

Hétfői Hírek – substitute newspaper in the system of the Hungarian press

Tatiana Yu. Pykina

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

✉ tanyi@inbox.ru

Abstract. The weekly publication *Hétfői Hírek*, which played a significant role in the development of the Hungarian press system in 1957–1985, is considered and analyzed. The author introduces a new definition of “substitute newspaper” into scientific circulation in relation to this publication, the only media that was published on Monday, a day off for the Hungarian mass media. In addition to news content, the weekly, which had two issues (morning and evening), posted incident reports, advertisement, and announcements. The newspaper was distributed mainly through street sales, which is typical of Hungarian tabloid periodicals. The *Hétfői Hírek* edition had the characteristics of both a quality and mass edition, so we can talk about its mixed format. The analysis of the “substitute newspaper” is essential for understanding the features of the Hungarian media in their historical context, as well as for studying the activities of the media in the formation of a certain model of reality, managing information flows, motivation and behavior of society. The analysis of *Hétfői Hírek* is carried out for the first time, based mainly on research conducted by the author in Hungary, using archival sources and applying an interdisciplinary methodological framework.

Keywords: Hungary, Hungarian press, Hétfői Hírek, weekly, substitute newspaper

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 9, 2022; revised September 2, 2022; accepted September 23, 2022.

For citation: Pykina, T.Yu. (2022). *Hétfői Hírek – substitute newspaper in the system of the Hungarian press*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 735–744. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-735-744>

Введение

В условиях глобального мира, цифрового общества, конвергенции средств массовой коммуникации обращение к наиболее ярким и успешным медиа прошлого представляется актуальным и критически важным, поскольку исторический опыт и наработки предшественников, как показывает практика, оказываются стратегически востребованными, дают свежие креативные импульсы для дальнейшего инновационного развития журналистики. Особенно это относится к венгерской периодике, ее традициям и специфике, учитывая, что мы живем в эпоху этнонационализма и самоидентификации, обусловленных в большей степени государственной принадлежностью и языком,

чем национальностью. В Венгрии, отмечал швейцарский историк Урс Альтерматт, «Акцент национальной идеологии был поставлен на политической родине венгерского языка, а не на этническом происхождении» (Альтерматт, 2000, с. 85). И венгерская пресса представляет такой пример. Венгерский социолог и политолог Чаба Гомбар называет Венгрию «моноязыковой», подчеркивая, что в стране «существует исключительно венгерская языковая среда» (Гомбар, 2009, с. 17).

Исторически традиции венгерской прессы восходят к середине XIX столетия, когда считающийся родоначальником венгерской журналистики национальный герой страны Лайош Кошут в 1841 году основал в Австрийской тогда империи легендарную газету *Pesti Hírlap* (1841–1944). Немецкий журналист, писатель и историк Людвиг Саламон указывал, что первые венгерские газеты выходили на латинском и немецком языках с 1705 года, а в 1780 году в Прессбурге (Братиславе) начала издаваться основанная Матфеем Ратом газета на венгерском языке *Magyar Hirmondo*. В 1788 году в Будапеште вышла в свет *Magyar Mercurius*, а в годы революции (1848–1849) количество газет достигло восьмидесяти. К 1902 году в странах венгерской короны существовало 1205 газет и журналов на венгерском языке¹.

Таким образом, к началу минувшего столетия были заложены основы системы венгероязычной печати, выходили как утренние, так и вечерние ежедневники, возник и укоренился принцип распространения бульварной периодики через уличные продажи, складывались как определенные традиции, так и читательские привычки аудитории (Пынина, 2022, с. 282).

Обсуждение

Система прессы ВНР после 1956 года

Система центральной ежедневной прессы Венгерской Народной Республики после осени 1956 года, в политическую эпоху Яноша Кадара (1956–1988 годы), была представлена следующими газетами: *Népszabadság* (Центральный орган Венгерской социалистической рабочей партии, выходила с 1956 года вместо *Szabad Nép*) (*Népszabadság*, adt.arcanum.com), *Magyar Nemzet* (орган Отечественного народного фронта, выходила с 1938 года, газета интеллигенции), *Népszava* (издавалась с 1877 года, газета Венгерской социал-демократической партии), *Esti Hírlap* (орган Будапештского горкома ВСРП, считалась социалистической бульварной газетой, издавалась с 1956 года вместо *Esti Budapest*), *Népsport* (газета, посвященная спорту, выходила с 1945 года вместо *Nemzeti Sport*). Позднее, в 1968 года начался выпуск газеты *Magyar Hírlap* (орган правительства в поддержку введения в стране нового экономического механизма)². По сравнению с довоенной периодикой, насчитывавшей едва ли не десятки газет, после Второй мировой войны и введения в

¹ См.: Саламон Л. Всеобщая история прессы. URL: http://evartist.narod.ru/text2/29.htm#%D0%B7_20 (дата обращения: 20.07.2022).

² Перечисленные издания доступны в цифровой базе данных Arcanum Digithesa. URL: <https://www.arcanum.com/en/adt/>

стране в 1949 году однопартийной системы, сформировался довольно скромный список ежедневных изданий.

Отметим, что по понедельникам в Венгерской Народной республике не работало телевидение, не выходили газеты (Пынина, 2022, с. 277). Поэтому с 1957 года в информационном пространстве их заменял еженедельник *Hétfői Hírek*, который, таким образом, можно определить как «газету-заменитель» и считать уникальным явлением в истории прессы.

Для верного понимания и правильности оценок некоторых особенностей венгерской прессы следует учитывать историю и национальную специфику страны, традиции периодики и определенные читательские привычки. Внимание к такой, кажущейся на первый взгляд, незначительной особенности венгерской печати, как наличие в ее системе «газеты-заменителя», является оправданным, а сама проблема – при внимательном ее рассмотрении – важной. «Газета-заменитель» играла существенную роль в информационном пространстве Венгрии, выполняя функции единственного источника новостей понедельника (кроме радиовещания,) одновременно являясь иллюстрацией национально-специфических и традиционных особенностей, как венгерской прессы, так и конкретного исторического периода.

Статус «газеты-заменителя» Hétfői Hírek

По типологии – еженедельник, а по назначению – «газета-заменитель» *Hétfői Hírek* ведет свою историю с 1957 года, ее среднегодовой тираж составлял более 200 тысяч экземпляров и был четвертым по величине среди газет. Примечательно, что официально газета не имела курирующей организации или партии, от имени которой выступала, хотя считалась политическим еженедельником. Однако выходила она в партийном издательстве *Hírlapkiadó Vallalat* наряду с центральным органом ВСРП – газетой *Népszabadság*, что определяло ее статус (Пынина, 2022, с. 54). Как говорил автору данной статьи главный редактор *Hétfői Hírek* Ференц Зеле в октябре 1981 года, такое положение позволяло газете не только более тонко проводить партийную политику в массы, но и острее выступать по различным общественным вопросам и проблемам. Отметим также, что типологически ежедневник тяготел к бульварности, имея ряд характерных особенностей таблоида.

Еще одной особенностью *Hétfői Hírek* было наличие нескольких выпусков газеты – воскресного и понедельничного. Несмотря на то, что они различались по содержанию и выходили в разные дни, на них стояла единая дата – понедельник. Изначально по воскресеньям было два выпуска: первый читатели могли покупать около двух часов дня, а второй – с семи часов вечера. По понедельникам третий выпуск газеты начинал распространяться с утра. В 1975 году два воскресных выпуска слились в один, и еженедельник начинал продаваться с двух часов дня, как бы заменяя вечерний ежедневник *Esti Hírlap*. По понедельникам тираж *Hétfői Hírek* выходил из типографии очень рано: в пять–шесть часов утра газета уже распространялась в провинции. В этот день предназначение газеты заключалось в том, чтобы заменить всю центральную печать и телевидение. В силу того, что понедельничный выпуск газеты в качестве заменителя и единственного источника оперативной информации (кроме радио) в этот день был наиболее значим по сравне-

нию с воскресным, а также и в силу традиций, *Hétfői Hírek* считался газетой понедельника. Помимо столицы, газета распространялась довольно широко в провинции, хотя поступала и не во все области страны, ее читательская аудитория была широка и разнообразна, сама газета считалась одной из наиболее читаемых периодических изданий того времени.

Особенности аудитории и специфика языка газеты

«Газета-заменитель» *Hétfői Hírek* была рассчитана не только на массовую аудиторию, но и на читателей-интеллектуалов, поэтому перед редакционным коллективом стояла непростая задача: удовлетворить потребности любого, как самого придирчивого, так и самого неподготовленного читателя. Очевидно, что в понедельник жизнь не останавливается, непременно происходят какие-то события, информацию о которых необходимо донести до населения. В *Hétfői Hírek* использовали разные стили шрифтов и крупные иллюстрации, газета версталась так, чтобы сразу, с первой полосы, захватить внимание читателя. Особая «игровая верстка» словно нанизывала один материал на другой и вела от статьи к статье, не отпуская читателя. Чередование коротких сообщений, фотоинформации, графики и рекламы с обстоятельными материалами повышало эффективность восприятия не только отдельных, наиболее популярных, полос (таких, например, как спортивная), но и всего номера в целом. Вместе с тем «газета-заменитель» была адресована и весьма узкой аудитории серьезных читателей, которые находили в ней актуальную новостную информацию и аналитику. Таким образом, еженедельник был востребован у различных страт населения, виртуозно совмещая задачи и черты как качественного, так и массового издания, представляя редкий образец успешного медиа смешанного формата.

Язык и стиль материалов еженедельника был близок к популярным изданиям, в отличие от *Magyar Nemzet*. считавшейся тогда газетой интеллигенции. Говоря о роли языка в венгерских медиа, следует обратиться к венгерскому менталитету. Его отличает стойкая приверженность национальным традициям, включающим, в том числе, бережное отношение к своему языку, сохранению его самобытности и использованию устоявшихся идиоматических понятий и литературных образов, – все это отражалось в деятельности печатной периодики.

Ноам Хомский отмечал: «язык – это вычислительная система, порождающая бесконечное множество выражений, каждое из которых имеет определенную интерпретацию в семантико-прагматической и сенсомоторных системах» (Хомский, Бервик, 2021, с. 6). Венгерский язык, как отмечал известный венгерский писатель Деже Костолани, является десятым среди других по распространенности в Европе, он «рано осиротел, лишился родичей, в пертурбациях мировой истории занесенный на далекую чужбину, но все же выжил, несмотря ни на что, один как перст... с точки зрения этимологии девяносто процентов слов непременно окажутся древнего финно-угорского происхождения» (Костолани, 2002, с. 29–30). Венгерский политик Иштван Сечени сформулировал тезис: «Нация живет в своем языке», который стал программой политики мадьяризации в XIX веке» (Альтерматт, 2000, с. 23–24), в стране «рассматривали венгерский язык как душу государства» (Там же, с. 85).

Тем более что как подчеркивал венгерский социолог и политолог Чаба Гомбар, «в Венгрии существует исключительно венгерская языковая среда» (Гомбар, 2009, с. 17). Таким образом, язык, отражающий и формирующий этнонациональную психологию и менталитет народа, должен быть пережно передан прессой конкретной страны. Что касается рассматриваемого еженедельника, то его язык и стиль полностью соответствовали венгерскому менталитету.

Отметим, что если *Hétfői Hírek* являлся общенациональным изданием, то пример «газеты-заменителя» мы могли наблюдать и в региональной прессе. Так, в областном городе Печ (область Баранья) издавался ежедневник *Dunantuli Naplo*, который по понедельникам заменялся еженедельным *Hétfői Dunantuli Naplo*³. Эта газета выполняла, те же функции и имела те же цели, что и *Hétfői Hírek*, но только в локальных масштабах.

Аудитория «газеты-заменителя» стала, со временем, аудиторией нового издания. Как отмечалось, *Hétfői Hírek* выходила по причине выходного для прессы дня по понедельникам и в связи с особенностями работы почты. Но в 1985 году правила доставки были изменены – выходным днем для системы почтового распространения прессы и для журналистов ежедневников стало воскресенье. Вместо *Hétfői Hírek* с 5 января стала выходить «газета-заменитель» *Vasárnapí Hírek*, о чем было сообщено заранее в центральной периодике (*Magyar Nemzet*). Этот еженедельник выполнял те же функции, но имел и отличия: выходил не на восьми, а на двенадцати полосах, имел меньший размер, в нем появилось больше зарубежной и культурной информации. Журнальный характер *Vasárnapí Hírek* усиливался и фактором воскресного дня, когда основная читательская масса ожидала не только и не столько последние новости и оперативные сообщения, сколько развлекательный контент. Новый еженедельник соответствовал таким запросам, публикуя помимо журналистских материалов много развлекательного контента, в том числе ребусы, головоломки, объявления. Особенность *Vasárnapí Hírek* заключалась в том, что почта доставляла ее подписчикам в понедельник, поэтому те, кто не покупал ее на улице, получали ее днем позже. Еженедельник *Vasárnapí Hírek*, который в связи с политическими изменениями венгерского общества имел сложную историю с 1988 по 2018 год, – это тема отдельной статьи.

Особенности распространения и структура газеты

Hétfői Hírek, как и вечерняя газета *Esti Hírlap*, распространялась через уличную продажу. По воскресеньям, на бойких местах – оживленных перекрестках и площадях, вокзалах и станциях метро, в кафе – продавцы-разносчики газет, называемые «риканчами», предлагали свежий номер газеты, которая в тот день заменяла в том числе и будапештскую вечерку (Пынина, 2022, с. 292). По понедельникам еженедельник также продавался на городских улицах. В летнее время, когда города буквально пустели, была организована продажа *Hétfői Hírek* в местах массового отдыха, в первую очередь в окрестностях знаменитого курорта – озера Балатон. Благодаря

³ Цифровая копия доступна в Библиотеке Венгерского парламента. URL: <https://www.library.hungaricana.hu>

этому тираж газеты в летний сезон не падал, само же издание приобретало еще большую популярность.

Венгерская печать эпохи Яноша Кадара – а именно к ней относится «газета-заменитель» *Hétfői Hírek* – не разрушала, а наоборот, сохраняла исторически сложившиеся в первой половине столетия традиции периодики и учитывала определенные читательские привычки, что в Венгрии играло немалую роль. Были сохранены устоявшиеся стандарты газет, включая размер, внешний вид, оформление номера, количество колонок на полосах, особенности верстки. Это делалось для того, чтобы не терять, а приобретать читательскую аудиторию, привыкшую к определенному, довоенному виду периодики (Пынина, 2022, с. 279). Сохранение национальной специфики и уважение к читателям способствовало интересу и доверию к *Hétfői Hírek*.

Таким образом, система распространения «газеты-заменителя» соответствовала традициям поступления периодики таблоидного типа к своей аудитории, а также читательским привычкам населения – приобретая газету на улице или в кафе, практически сразу же ее и просматривать, находиться в информационном потоке текущего дня. Все это во многом объясняет и само существование этого издания, и двух его выпусков.

Как было отмечено выше, *Hétfői Hírek* имела два следующего один за другим выпуска – вечера воскресенья и утра понедельника. Они различались, хотя и были помечены не только одним числом (понедельника), но и одним номером. Наличие двух выпусков лишь определяло особенности издания, но ни в коей мере не означало существования двух разных газет (воскресенья и понедельника): оба эти выпуска были одной газетой, которая обновляла информацию на своих полосах от вечера к раннему утру (частично менялись первая, вторая, шестая и седьмая полосы вечернего выпуска).

Первая полоса содержала крупные заголовки и обязательно две фотографии. Здесь размещались лаконичные сообщения об актуальных событиях международной и внутренней жизни, а также анонсы и лиды статей, которые продолжались на внутренних полосах. Вторая полоса полностью посвящалась событиям международной жизни. Наряду с серьезными материалами и крупными статьями, здесь помещались короткие сообщения, реклама, нередко карикатуры и так называемые фотофакты. Третью полосу газеты занимали материалы о внутренней жизни, а четвертую – новости культуры. Хроника газеты в этой области обычно весьма интересная и разнообразная, она включает в себя как короткие сообщения, так и критические обзоры, знакомство с новинками театра и кино, репортажи с выставок. На пятой полосе читатели находили, как правило, наиболее интересные материалы, часто сенсационные, о событиях внутри страны. Здесь всегда размещалась реклама, фото. Шестая полоса *Hétfői Hírek* – универсальная подборка коротких материалов «обслуживающего характера». Седьмая и восьмая полосы газеты были полностью отданы новостям спорта и спортивным комментариям, с учетом повышенного интереса венгров к подобной проблематике.

Исторический контекст деятельности *Hétfői Hírek*

Деятельность прессы осуществляется в конкретных общественно-политических и исторических условиях. «Мягкий», или «еретический», по оценке Ласло Контлера, социализм в Венгерской Народной Республике, стремление Яноша Кадара максимально консолидировать общество после трагедии 1956 года (Контлер, 2002, с. 505) и учесть национальное самосознание определили, соответственно, «мягкий» характер системы СМИ того периода. Появление и развитие «газеты-заменителя» с признаками таблоида было естественным процессом. Ведь в Венгрии, по оценке политолога и писателя Акоша Силади, «носителем свободы является не общество, а государство и политические партии, поскольку демократия – в окончательной форме – пришла (и приходит) не снизу, а сверху, и гарантии ее остаются там же, наверху» (Силади, 2009, с. 58–59). Что же касается политики Яноша Кадара, то ее демократизм выражался не только в четкой формулировке «кто не против нас, тот с нами», но и в том, что существенно и для культурной жизни страны, и для деятельности прессы, – в фактическом отсутствии цензуры (Исламов, Пушкаш, Шушарин, 1991, с. 470). Такое положение дел дало возможность периодической печати, как и другим средствам массовой коммуникации, де-юре находиться под партийно-государственным контролем, де-факто – иметь большую самостоятельность. Все это определяет своеобразие социализма эпохи Кадара. «Нельзя быть вождем народа, не воплощая его мечтаний» (Лебон, 2018, с. 141). Бесспорно, *Hétfői Hírek*, имея черты и качественного, и массового издания, может рассматриваться и как пример тонкой политической технологии конкретного исторического периода. Особенности венгерского «мягкого социализма» оказали существенное, системообразующее воздействие на медиа страны (Пынина, 2022, с. 263–264), придав и прессе особые черты.

Заключение

Отмечая роль и особенности «газеты-заменителя» в системе средств массовой коммуникации Венгерской Народной Республики, выделим следующее. С одной стороны, учитывая отбор и подачу информации, особенности распространения, наличие большого количества разнообразных сообщений, подчас сенсационного характера, рекламы, фотоиллюстраций, *Hétfői Hírek* была популярным, едва ли не бульварным изданием. С другой стороны, у газеты были черты качественного издания: размещались аналитические статьи, оперативно и достоверно подавались важные актуальные новости. Еженедельник являлся партийным изданием, однако официально не имел организации, от имени которой издавался. Отметим, что подобная ситуация была характерна для еще двух центральных ежедневников того же времени – правительственной *Magyar Hírlap* и фактического органа Будапештского горкома ВСРП вечерней газеты *Esti Hírlap*. Эти газеты выходили после событий 1956 года и отражали специфику периода кадаровского социализма. При этом именно газета *Hétfői Hírek* оказывала существенное влияние на любого читателя, активно внедряла текущую политику в общественное сознание, гибко формировала общественное мнение, создавая своеоб-

разную матрицу социума. Основной задачей издания было выполнение функций «газеты-заменителя» – сообщать по понедельникам последние новости. Таким образом, деятельность еженедельника *Hétfői Hírek* в системе венгерской прессы состояла в ключевом (и по сути дела безальтернативном для массовой аудитории) информировании в выходной для периодики день. Формирование определенной «понедельничной» модели можно отнести к тактике политтехнологий.

Список литературы

- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 367 с.
- Гомбар Ч. О Венгрии, о нас самих. Линии раскола, история, государство // Холодная гражданская война: раскол венгерского общества: сборник статей / под ред. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 8–50.
- Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П. Краткая история Венгрии. М.: Наука, 1991. 608 с.
- Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
- Костолани Д. Венгры и Европа: сборник эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 560 с.
- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Эксмо, 2018. 352 с.
- Пынина Т.Ю. Венгерская пресса в политическую эпоху Яноша Кадара: монография. М.: РУДН, 2022. 416 с.
- Силади А. «Холодная гражданская война». Уживутся ли два венгерских средних класса в одном государстве? // Холодная гражданская война: раскол венгерского общества: сборник статей / под ред. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 51–118.
- Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий: эволюция и язык. СПб.: Питер, 2021. 320 с.

References

- Altermatt, U. (2000). *Ethnonationalism in Europe*. Moscow: RGGU Publ. (In Russ.)
- Chomsky, N., & Berwick, R. (2021). *Human speaking: Evolution and language*. St. Petersburg: Peter Publ. (In Russ.)
- Gombar, C. (2009). About Hungary, about ourselves. Lines of division, history, state. In I. Kalinin (Ed.), *The Cold Civil War: Splitting Hungarian Society: A Collection of Articles* (pp. 8–50). Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)
- Islamov, T.M., Pushkash, A.I., & Shusharin, V.P. (1991). *A brief history of Hungary*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kontler, L. (2002). *History of Hungary. Millennium in the center of Europe*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.)
- Kostolani, D. (2002). *Hungary and Europe: Essay collection*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)
- Lebon, G. (2018). *Psychology of nations and masses*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- Pynina, T.Yu. (2022). *Hungarian press in the political era of Janos Kadar*. Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Siladi, A. (2009). “Cold Civil War.” Can the two Hungarian middle classes get along in one state? In I. Kalinin (Ed.), *The Cold Civil War: Splitting Hungarian society: A Collection of Articles* (pp. 51–118). Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пынина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; член Союза журналистов Москвы, член правления Общества российско-венгерской дружбы. ORCID: 0000-0001-5248-6792. E-mail: tanyi@inbox.ru

Bio note:

Tatiana Yu. Pynina, PhD of Philology, Associate Professor of Mass Communications Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); member of the Union of Journalists of Moscow, member of the Board of the Russian-Hungarian Friendship Society. ORCID: 0000-0001-5248-6792. E-mail: tanyi@inbox.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-745-756
УДК 070(4/9)

Научная статья / Research article

Проблематика статей и специфика творческого стиля иракского публициста Рафаэля Бутти

Р.П. Баканов , В.А.С. Аль-Баидхани

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18*

 Roman.Bakanov@kpfu.ru

Аннотация. Публицист и редактор Рафаэль Бутти (Raphael Butti) – один из пионеров иракской общественно-политической журналистики. Изучение 400 статей его авторства с 1920 по 1956 год показало, что преобладающим направлением его творчества, импульсом к писательской деятельности было стремление пропагандировать и развивать в Ираке демократические институты. Проблематика публикаций была связана с необходимостью свободы выбора, с гендерным равноправием, свободой слова и печати, повышением уровня образованности личности. Применяв методы проблемно-тематического, лексико-стилистического и сравнительно-сопоставительного анализа статей Рафаэля Бутти, авторы выявили, что практически все его статьи пронизаны темой патриотизма, отражают его широкий кругозор. При этом обнаружена относительная скудость языка и творческого стиля иракского публициста, что выражено, в частности, в ограниченном использовании средств художественной выразительности. Рафаэль Бутти ориентируется прежде всего на интеллектуальное просветительство, компенсируя недостаток эмоциональных посылов длинными аналитическими фразами, объемными абзацами, пространными заголовками.

Ключевые слова: журналистика Ирака, медиасистема Ирака, творческий стиль, приемы выразительности, патриотизм, газета «Аль-Билад», Рафаэль Бутти

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 августа 2022 г.; откорректирована 15 сентября 2022 г.; принята к публикации 30 сентября 2022 г.

Для цитирования: Баканов Р.П., Аль-Баидхани В.А.С. Проблематика статей и специфика творческого стиля иракского публициста Рафаэля Бутти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 745–756. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-745-756>

Articles problematics and specificity of creative style of Iraqi publicist Raphael Butti

Roman P. Bakanov , Waleed A.S. Al-Baidhani

*Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlyovskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation*

 Roman.Bakanov@kpfu.ru

Abstract. The publicist and editor Raphael Butti was one of the pioneers of Iraqi social and political journalism. The study of his 400 articles between 1920 and 1956, have shown that the predominant direction of his work, the impulse for writing was the desire to promote and develop democratic institutions in Iraq. The subject matter of his publications was related to the need for freedom of choice, gender equality, freedom of speech and the press, and increasing the level of education of the individual. Applying the methods of problem-thematic, lexical-stylistic and comparative analysis of Rafael Butti's articles, the authors have revealed that almost all his articles are permeated by the theme of patriotism and reflect his broad outlook. At the same time, the relative paucity of the language and creative style of the Iraqi publicist was found, which is expressed, in particular, in the limited use of artistic expression. Rafael Butti focuses primarily on intellectual enlightenment, compensating for the lack of emotional messages with long analytical phrases, lengthy paragraphs, and lengthy headings.

Keywords: journalism, Iraq, Iraqi media system, creative style, expressive techniques, patriotism, Al-Bilad newspaper, Raphael Butti

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 12, 2022; revised September 15, 2022; accepted September 30, 2022.

For citation: Bakanov, R.P., & Al-Baidhani, W.A.S. (2022). Articles problematics and specificity of creative style of Iraqi publicist Raphael Butti. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 745–756. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-745-756>

Введение

Изучение и осмысление творческого стиля публицистов – одно из важнейших слагаемых в системе подготовки профессиональных журналистов и их дальнейшего совершенствования. Знакомясь с тем, как работают коллеги, можно перенять некоторые методы познания действительности, отдельные творческие приемы подачи информации, научиться мастерству работы со словом. О важности внимания к творчеству других, возможно, конкурентов, в своих мемуарах говорили многие известные журналисты и писатели. «Подобно тому, как Чехов советовал начинающим писателям – предложение за предложением разбирать лермонтовскую «Тамань», так начинающим журналистам необходимо разбирать произведения лучших наших публицистов. Такое знакомство с наследием газетчиков лет минувших поможет привить будущим журналистам чувство классического стиля» (Архитектор, 2011, с. 171). При этом внимание студентов и преподавателей не должно ограничиваться

творчеством современных популярных журналистов или блогеров, получивших популярность благодаря федеральному ТВ и социальным сетям. При этом незаслуженно игнорируются авторы, которых не показывают по ТВ, а также корреспонденты региональных и районных СМИ, у которых опыта и интересных публикаций может быть гораздо больше, чем у более известных коллег. Мы полагаем, что нужно исследовать творческий почерк авторов разного уровня и принадлежности к разным государствам.

Есть необходимость обратить исследовательский взгляд на публицистику стран Ближнего Востока, в частности, Ирака. Об их медиасистемах и качестве публицистики известно не так много, однако, как нам представляется, некоторые из используемых журналистами творческих приемов могли бы быть эффективно использованы отечественными авторами в своих медиатекстах. Одним из заслуживающих внимания авторов является иракский публицист Рафаэль Бутти (Raphael Butti), имя которого в нашей стране почти не известно, специфика его творческого стиля и проблематика публикаций до настоящего времени в русскоязычной научной литературе не изучалась. Для российской аудитории творчество Р. Бутти может быть интересно тем, что он, как показало исследование, продолжил заложенные отечественными публицистами XIX в. традиции борьбы за права человека, уважение личности, формирования демократических ценностей.

Обзор литературы

В русскоязычной научной литературе до настоящего времени специфика творческого стиля арабских (в частности, иракских) публицистов отдельно не изучалась. В основном, исследователи в последнее десятилетие сконцентрировали свое внимание на других факторах. Например, на отражении в арабских медиа сирийского вооруженного конфликта (Алмашакбех, 2019; Ис-аев, Еремеева, Шишкина, 2021; Нафаа, 2015; Саймонз, 2012), на революции в Египте 2011 г. (Ба, 2014; Булгару, 2017; Васильев, Жерлицына, 2019; Грабельников, Тамух, 2012; Тамух,; Чэнь Ди, 2013; Кочергина, 2016; Маленьких, 2013; Порецкова, Савин, 2021; Тайлаков, 2022; Ходынская-Голенищева, 2015). Предметом исследований выступали жанрово-стилистические и функциональные особенности текстов, специфика функционирования арабских медиа, манипулятивная практика освещения конфликтов. В том числе была изучена частота применения «языка вражды» и агрессивной риторики в арабских СМИ, качество освещения президентской кампании в Египте в 2011 г., уровень влияния современных СМИ на развитие «арабской весны».

Нами было обнаружено несколько статей, посвященных лексике и стилю арабских медиа (в частности, телеканала «Аль-Джазира») без отношения к конфликтам (Алмашакбех, 2018; Амер, 2013; Чернов, Савельева, 2015). Следующая группа статей посвящена изучению особенностей медийного дискурса, оценке современного состояния функционирования массмедиа Иордании (Барука, Ахмадулин, 2019; Волкова, Ашур, 2021; Тахсин, 2011), Йемене (Аль-Имад, 2021; Ба, 2022), Египта (Водянов, 2022; Наумов, 2019).

Необходимо отметить несколько написанных на стыке журналистики и лингвистики статей, содержащих анализ контента СМИ арабских стран (Га-

рифуллин, Абдулрахман, 2012; Гарифуллин, 2014; Кутейба, 2018; Набиуллина, 2021, 2019; Ним, 2019).

«Арабские СМИ совершили прорыв не только в области технологии, но и в области идеологии, включившись в мировые политические процессы и став фактором демократизации ближневосточного региона. С развитием и совершенствованием средств массовой информации произошло разделение аудитории в возрастном, классовом и идеологическом отношении. В связи с этими изменениями появляется необходимость последовательного и углубленного изучения арабских СМИ, истории их развития и современной ситуации» (Тахсин, 2011, с. 82). Мы убеждены, что в этом контексте необходимо изучать и мастерство творческой деятельности арабских публицистов. Например, в истории иракской прессы, начиная с издания более века назад первой газеты и по сей день, значительное количество выдающихся журналистов, которые работали в самых суровых условиях, но со временем и чередой событий многие из них остались без исследовательского и педагогического внимания, были забыты. Мы считаем актуальной задачей возвращение имен публицистов через изучение и осмысление их творческого стиля.

Среди иракских авторов, исследующих происходящие в их стране медийные процессы, отметим Луай Маджида Аль-Балдави, Хусейна Али Аль-Мусави, Сабаха Авада Мохаммеда, Тана Исмаила Аль-Ани, Хала Абделя Латифу Матара, Майсама Мунтера Аль-Зубайди, Фариды Саеха Аль-Джубури, Хатема Бадави Аль-Шаммари. В центре внимания научных работ – история местной печати, мастерство отдельных публицистов, их общественная и эпизодически правозащитная деятельность.

По некоторым из аспектов творчества Р. Бутти опубликована научная статья (Musa, 2022), защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (Sawadi, 2010). «У этого известного журналиста были прочные связи со многими политиками, интеллектуальными и общественными деятелями. Студенты называли его профессором из-за того, что он имел богатый опыт, отличался смелостью, живостью мысли, культурой, лидерством, дипломатией и начитанностью. Был пионером журналистики Ирака и солдатом в борьбе за права человека» (Sawadi, 2010, р. 6). Р. Бутти также однажды упоминается в романе А. Sinan как человек, «написавший много о примерах использования разговорного арабского языка в поэзии и прозе» (Sinan, 2019, р. 167). Однако уделяя значительное внимание тематике публикаций и широкой общественной и правозащитной деятельности Р. Бутти, три указанных выше исследователя обратили недостаточное внимание на проблематику и лексико-стилистическое своеобразие статей и очерков публициста, что мы и постарались устранить.

Методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 400 статей вышеуказанного автора. Изучено 100 текстов за 1920-е гг., 100 за 1930-е; 100 за 1940-е и 100 за 1950-е гг. Задачей было сравнить проблематику статей в зависимости от временного периода и эволюции профессиональных и жизненных взглядов журналиста и редактора Р. Бутти. Каждая публикация была изучена на языке

оригинала: один из авторов данной статьи носитель арабского языка. Использовались такие методы, как проблемно-тематический анализ текстов (о чем и как писал интересующий нас публицист, как развивались его творческие взгляды и идеи с течением времени), лексико-стилистический анализ (какова лексика и стиль подачи информации, какие средства художественной выразительности наиболее распространены); сравнительно-сопоставительный анализ (о каких проблемах и как писал, что обсуждал, а что игнорировал Р. Бутти в разные годы своей творческой карьеры). Было выявлено, насколько трансформировались (или оставались без изменений) его подходы и видения социальных проблем в зависимости от каких-либо причин.

Результаты и обсуждение

Рафаэль Бутти – один из самых известных публицистов Ирака первой половины XX в. Журналистскую карьеру начал в Мосуле в 1916 г. Однако имя себе он постепенно заработал после переезда в Багдад, работая в редакциях крупнейших и авторитетных изданий того времени – в газете «Аль-Араб», журналах «Дам Мир» и «Язык». В первые годы творчества он обычно писал о культуре и искусстве, постепенно набирался опыта и осваивал новые, социально значимые, темы. Многие из них (например, ущемление прав иракского народа в целом, возможное завершение британского влияния, необходимость формирования многопартийности местного парламента, развитие свободы слова) были представлены им сквозь призму политики. В 1930–1950 гг. был главным редактором нескольких крупных общественно-политических изданий, существенно увеличив тиражи каждого из них. Со временем политическая проблематика стала основным направлением в творчестве Р. Бутти, вызвала на протяжении десятилетий положительной отклик аудитории, но часто раздражала власть. Прожил богатую творческую жизнь. В 55-летнем возрасте неожиданно скончался от остановки сердца.

Изучение публикаций Р. Бутти показало, что он довольно рано, на наш взгляд, стал не столько сообщать факты, сколько осмысливать события, о которых писал. Это случилось уже в 1920 г., через четыре года после выхода его первой публикации, что может говорить об амбициозности автора, его желании делиться своими мыслями с аудиторией. Благо, журнальный формат тому способствовал. А мысли были уже не столько об искусстве, хотя он продолжал писать рецензии на наиболее актуальные литературные произведения общественно-политического характера, сколько о проблемах отношений между людьми, социальными классами. В первой половине 1920-х гг. в творчестве публициста преобладала тема патриотизма: в частности, он писал о том, что всем гражданам, особенно молодежи, необходимо «объединиться вокруг интересов своего государства, свои личные желания и интересы ставить на второе и даже на третье место»¹. По мнению публициста, патриотизм проявляется и через использование родного языка, «на котором нужно говорить каждому из нас, а не смотреть в сторону Европы. <...> Арабизация – вот что наше, исконное»².

¹ *Butty R. The plight of the dear ones // Al-Bilad. 1953, August 10. No 3397. P. 268. (In Arab.)* Перевод публикаций Р. Бутти сделан В.А.С. Аль-Баидхани.

² *Butti R. Striving to achieve complete independence // Al-Bilad. 1924, November 8. No 13. P. 185. (In Arab.)*

Рафаэль Бутти сосредоточил внимание на необходимости свободы прессы в Ираке. Он считал это важнейшим вопросом, писал о том, что свобода прессы способствует выражению взглядов общественности, обмену мнениями между представителями разных социальных групп, диалогу общества и власти. «Свобода прессы – единственная свобода среди всех других свобод», – утверждал он в статье «Свобода прессы в Ираке»³. Публицист не оставлял эту тему на протяжении всей жизни, обращался к ней в разных социальных контекстах. В Ираке это было особенно актуально, поскольку сменявшиеся правительства постоянно корректировали журналистскую деятельность, регулировали тематику и стиль статей в специальных инструкциях: как можно и как нельзя писать о короле и его окружении.

Еще одной темой, занимающей значительное место в творчестве Р. Бутти, является популяризация деятельности некогда известных, но давно забытых личностей. Например, он писал об иракском литературоведе, журналисте и писателе Жукри Аль-Фадли, его коллегах Сааде Заглуле и Шакибе Арслане, ученом Анастасе Мари Кармали, арабском поэте Мааруфе Аль-Расафи, преподавателе Абдуле Вахабе Аль-Джавади Аль-Мосли и о многих других, которых считал достойными сынами своего народа. «К сожалению, в последнее время этот тип людей науки и труда сократился, так что всякий раз, когда мы теряем одного из них, мы не находим никого, кто мог бы занять его место или заполнить пустоту, образовавшуюся в результате его потери, – констатировал Р. Бутти. – Эти гении, которыми двигала и помогала их талантам высокая энергия, собрались, чтобы ориентироваться в языке и овладеть секретами высказывания, мужественностью в прозе, обширными знаниями истории, связанной с их народом, религией, опытом в политике и экономике. Все эти способности достигают высшей точки в энтузиазме сочинительства из-за любви, которую читатели разделяют с писателем или исследователем в тех видах знаний, которые их переполняют»⁴. В течение своей писательской жизни Бутти создал несколько сотен очерков, биографических статей и рецензий, в которых старался всесторонне и глубоко осмыслить деятельность этих людей. Он писал о них только положительно и с патриотической точки зрения, представляя их деятельность как значительный вклад в развитие своей страны.

Следующий тематический блок статей публициста – его взгляды на экономическую политику своей страны. Он постоянно призывал правительство Ирака находить средства для финансирования социальных проектов, направленных на повышение качества всех уровней образования. К немногочисленным представителям бизнеса он в своих текстах не обращался, потому что понимал тяжесть их существования в условиях, когда власть на местном и государственном уровнях установила высокие налоги с любого финансового оборота, потому что заниматься предпринимательством в его стране в то время было делом затратным, слабоэффективным и юридически не защищенным. Публицист видел и постоянно указывал на увеличивающуюся социальную

³ *Butti R. Freedom of the press in Iraq // Iraq. 1921, April 12. No 4. P. 123. (In Arab.)*

⁴ *Butti R. The revival of the industry and the mission of the current Ministry // Al-Bilad. 1937, March 4. No 809. P. 123. (In Arab.)*

пропасть между властью и народом: в то время, как небольшая часть общества богатеет, большая часть граждан едва сводит концы с концами и даже голодает. «Значительная часть внутреннего богатства страны вывозится за границу, когда свои люди голодают. Кто и когда допустил такое?», – часто со страниц своих газет и журналов спрашивал Р. Бутти. «Почему власть желает, чтобы жители были патриотами страны, но сама не подает такого примера, забирая средства в виде налогов, не вкладывает их в социальные проекты, не инвестирует в будущее людей, а должна бы...» (Butty, 1923, p. 24)⁵. «Правительство должно, чтобы благие намерения во имя народа были реализованы в реальности, тем более что лозунг, принятый премьер-министром, звучит так: „действуй, прежде чем говорить“», – напомнил он в другой статье⁶. «Мы призываем правительство экономить и сокращать зарплаты своих сотрудников, потому что у правительства есть обязанности и действия, которые оно не может выполнять, и его бюджет расходуется на зарплаты... Необходимо, чтобы власть могла потратить оставшиеся деньги на полезные проекты, которые приносят пользу стране с очень нужной ей реконструкцией и модернизацией», – эту тему публицист развивал в разных статьях и в разные годы⁷. Однако власть оставляла тексты Р. Бутти без внимания, никаких изменений не происходило. Впрочем, о репрессиях по отношению к автору публикаций ни сам публицист, ни другие СМИ не сообщали.

Нарушения прав женщин – еще одна социальная проблема, к которой не смог остаться равнодушным Р. Бутти на протяжении всего творческого пути. Он считал, что женщина – одна из трех основ, на которых государство строит свое возрождение и славу. Из статьи в статью публицист подчеркивал, что, когда женщина занимала видное место в обществе, то помогала мужчинам в их борьбе и поддерживала нацию трудом, добродетелью и культурой. Р. Бутти призывал дать женщинам равные права с мужчинами, обеспечить право учиться с юных лет. Мужчина должен уважать женщину – вот главная мысль его статей по данной теме. Он хотел, чтобы в Ираке перестали попирали права женщин и начали готовить женщин-ученых. «Давайте стремиться к увеличению числа школ для девочек, давайте модернизируем эти школы до такой степени, чтобы обеспечить подготовку вежливых женщин, работающих ученых, а тех, чье образование запоздало, давайте научим тому, чему можно научить с помощью простых лекций и обычных уроков грамоты», – писал он⁸.

При этом тексты не содержали образов, с помощью которых автор бы старался облегчить аудитории восприятие информации. Нами выявлен довольно строгий язык (сочетание официально-делового и разговорного стилей), периодически дополненный некоторыми сравнениями, риторическими вопросами и риторическими восклицаниями. Обратим внимание на названия статей: «Уроки из эпизода», «Арабский язык и локализация», «Пресса Мосула: пресса доминиканских отцов», «На заре эмиссии», «Новый иракский му-

⁵ Butti R. The era of elections // Iraq. 1923, July 17. No 964. P. 24. (In Arab.)

⁶ Butti R. Employees and budget // Al-Bilad. 1955, May 5. No 4340. P. 38. (In Arab.)

⁷ Butti R. Ambitious people // Al-Bilad. 1936, December 15. No 745. P. 56. (In Arab.)

⁸ Butti R. The revival of Iraqi women // Iraq. 1924, August 27. No 1309. P. 20. (In Arab.)

зей». Для современного читателя, в большинстве своем приученного к конкретным информационным заголовкам, такая подача вряд ли будет понятной и привлекательной, и скорее всего не вызовет желания ознакомиться с публикацией. Но в прошлом веке такой формат, видимо, считался нормой, поскольку у редакций СМИ не было жесткой конкуренции за внимание аудитории.

Заключение

Таким образом, творческий стиль иракского публициста Рафаэля Бутти, как показало жанрово-тематическое исследование 400 его публицистических текстов, характеризуется фактической точностью, дискуссионностью публикуемых тезисов и утверждений, стремлением к простоте изложения материала и определенной лингвистической целостности, смелостью суждений, откровенностью и однозначной, четко сформулированной, авторской позицией. Каждая из освещаемых данным автором проблем была представлена им в контексте политического дискурса, он всегда находился в оппозиции к власти, при этом каждый раз подчеркивал в своих статьях, что власть и общество должны действовать совместно для улучшения качества жизни и соблюдения прав человека.

Список литературы

- Алмашакбех С.С.С.* Медиа-дискурс «Аль-Джазирь» после кризиса осады Катара (на примере йеменского и сирийского конфликтов) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6. С. 639–640.
- Алмашакбех С.С.С.* Освещение арабскими СМИ сирийского вооруженного конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 381–383.
- Аль-Имад Ф.М.* Зарождение и первые шаги йеменской прессы (XIX – середина XX вв.) // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 3. С. 514–527. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(3\).514-527](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(3).514-527)
- Амер М.* Информационная война в условиях политического кризиса на Ближнем Востоке (на примере спутникового канала «Аль-Джазира») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 1. С. 113–118.
- Архитектор Э.А.* Из опыта кафедры периодической печати по ведению элективного курса «Классики отечественной журналистики» // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 2011. № 7. С. 171–180.
- Ба А.М.М.* Современные медиа и их влияние на революционный процесс «Арабской весны» // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 8. С. 22–29.
- Ба Х.А.Х.А.Р.* Гражданское общество в Йемене в эпоху сетевых коммуникаций и новых медиа: к проблеме гражданского активизма // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 377–384. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-377-384>
- Барука Б., Ахмадулин Е.В.* Особенности развития телевидения Иордании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 237. № 2. С. 148–152.
- Булгару Д.И.* Использование США технологий коммуникационного менеджмента на Ближнем Востоке в условиях «Арабской весны» // Россия: тенденции и перспективы развития: сборник статей международной научно-практической конференции. М.: Институт общественной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 126–129.

- Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Динамика государственной политики в отношении СМИ в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 210–221. <http://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-210-221>
- Водянов И.Н. Особенности медиадискурса Египта // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 1. С. 129–137. <http://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-129-137>
- Волкова И.И., Аиур Х.Ю.Д. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 39–50. [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1))
- Гарифуллин В.З. Место интернет-ресурсов в системе мусульманских СМИ // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ (Екатеринбург, 17–18 апреля 2014 г.) / сост. и науч. ред. Д.Л. Стровский, О.В. Ильина. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. С. 38–41.
- Гарифуллин В.З., Абдулрахман А.М.О. СМИ как фактор демократизации арабского мира // Информационное пространство региона: история, современность, актуальные проблемы: сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Е.А. Ильина. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, 2012. С. 68–71.
- Грабельников А.А., Тамух М.А. СМИ в египетской революции 2011 года // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 252–255.
- Исаев Л.М., Еремеева К.С., Шишкина А.Р. Фреймирование сирийского конфликта в российских федеральных СМИ // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. Т. 101. № 2. С. 97–120. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-97-120>
- Кочергина М.Э. Новые формы и методы противостояния России и США: освещение в СМИ «Арабской весны» в Сирии, геополитический аспект // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 2016. № 2. С. 189–195.
- Кутейба А. Особенности отражения сирийского военного противостояния в медиа Сирии, России и стран Запада // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 5. С. 120–132. <http://doi.org/10.21463/2311-3066-2018-6-6-120-132>
- Маленьких Е.А. Роль СМИ в мифологизации личности во время «Арабской весны» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7. С. 65–72.
- Набиуллина В.Р. Каламбур в арабских и английских газетных заголовках // Арабистика Евразии. 2019. № 8. С. 16–30.
- Набиуллина В.Р. Опускание в грамматических конструкциях арабских газетных заголовков // Арабистика Евразии. 2021. № 15. С. 86–96.
- Наумов А.О. Использование технологий «мягкой силы» при смене политических режимов в ходе «арабской весны» (на примере «жасминовой революции» в Тунисе) // Международные отношения. 2019. № 1. С. 114–128. <http://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.1.23575>
- Нафаа Д. Применение химического оружия в Сирии: анализ СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 137–144.
- Ним Е.Г. «Медиасобытия»: теория, конца которой нет? // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 28–37. <http://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6815>
- Порецкова А.А., Савин Н.Ю. Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 76–96. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030>
- Саймонз Г. Пропаганда и информационная война против Сирии: последняя война за мир // Государственное управление. 2012. № 33. С. 1–13.

- Тайлаков Т.А. Освещение египетских революций в социальных сетях на арабском контенте // *Scientific Progress*. 2022. Вып. 3. С. 204–211.
- Тамух М.А. СМИ Египта до и после революции 2011 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 2. С. 87–93.
- Тахсин М.А.Ш. Анализ современных средств массовой информации Иордании // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2011. № 3. С. 82–86.
- Ходынская-Голенищева М.В. Полицентричность против однополярности: работа СМИ в условиях «Арабской весны» // *Обозреватель – Observer*. 2015. № 6. С. 60–71.
- Чернов А.В., Савельева Е.А. Медиатексты «Аль-Джазиры»: факторы консолидации или конфронтации? // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 5. С. 76–80.
- Чэнь Д. Социальные сети и их влияние на события в арабских государствах (2010–2013 гг.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия: Язык и литература. 2013. Вып. 4. С. 189–194.

References

- Al-Imad, F.M. (2021). The origin and first steps of the Yemeni press (XIX – mid-XX centuries). *Questions of Theory and Practice of Journalism*, 10(3), 514–527. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(3\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(3))
- Almashakbeh, S.S.S. (2018). Media discourse of Al Jazeera after the crisis of the siege of Qatar (on the example of the Yemeni and Syrian conflicts). *World of Science, Culture, Education*, (6), 639–640. (In Russ.)
- Almashakbeh, S.S.S. (2019). Arab media coverage of the Syrian armed conflict. *The World of Science, Culture, Education*, (2), 381–383. (In Russ.)
- Amer, M. (2013). Information war in the conditions of the political crisis in the Middle East (on the example of the satellite channel “Al Jazeera”). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 113–118. (In Russ.)
- Архитектор, Je.A. (2011). From the experience of the Department of Periodical Press in conducting an elective course “Classics of Russian Journalism”. *Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov*, (7), 171–180. (In Russ.)
- Ба, А.М. (2014). Modern media and their influence on the revolutionary process of the “Arab Spring”. *Russian Journal of Education and Psychology*, (8), 22–29. (In Russ.)
- Ба, H.A.H.A.R. (2022). Civil society in Yemen in the era of network communications and new media: On the problem of civil activism. *Neophilology*, 8(2), 377–384. (In Russ.) <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-377-384>
- Baruka, B. & Ahmadulin, E.V. (2019). Features of the development of television in Jordan. *The Bulletin of the Adyge State University, the series “Philology and the Arts”*, 237(2), 148–152. (In Russ.)
- Bulgaru, D.I. (2017). The use of communication management technologies by the USA in the Middle East in the conditions of the “Arab Spring”. *Russia: Trends and Prospects of Development: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 126–129). Moscow: Institute of Public Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Chen, D. (2013). Social networks and their impact on events in the Arab States (2010–2013). *Bulletin of St. Petersburg University. Series: Language and Literature*, (4), 189–194. (In Russ.)
- Chernov, A.V., & Savelyeva, E.A. (2015). Media texts of Al Jazeera: Factors of consolidation or confrontation? *Bulletin of Cherepovets State University*, (5), 76–80. (In Russ.)
- Garifullin, V.Z. (2014). The place of Internet resources in the system of Muslim mass media. In D.L. Strovsky & O.V. Ilyina (Eds.), *Intercultural Communications in the Modern*

- World: the Role of the Media (Yekaterinburg, 17–18 April 2014)* (pp. 38–41). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)
- Garifullin, V.Z., & Abdulrahman, A.M.O. (2012). Mass media as a factor of democratization of the Arab world. In E.A. Ilyin (Ed.), *Information Space of the Region: History, Modernity, Actual Problems: Collection of Scientific Articles and Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 68–71). Cheboksary: I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. (In Russ.)
- Grabelnikov, A.A., & Tamukh, M.A. (2012). Mass media in the Egyptian revolution of 2011. *Izvestiya Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, (27), 252–255. (In Russ.)
- Isaev, L.M., Ereemeeva, K.S., & Shishkina, A.R. (2021). Framing the Syrian conflict in the Russian federal media. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 101(2), 97–120. (In Russ.) <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-97-120>
- Khodynskaya-Golenishcheva, M.V. (2015). Polycentricity versus unipolarity: the work of the media in the conditions of the “Arab Spring”. *Obozrevatel – Observer*, (6), 60–71. (In Russ.)
- Kochergina, M.E. (2016). New forms and methods of confrontation between Russia and the United States: Media coverage of the “Arab Spring” in Syria, the geopolitical aspect. *Bulletin of the Ivan Fedorov Moscow State University of Printing*, (2), 189–195. (In Russ.)
- Kuteiba, A. (2018). Features of the reflection of the Syrian military confrontation in the media of Syria, Russia and Western countries. *Communicology*, 6(6), 120–132. (In Russ.) <http://doi.org/10.214b3/2311-30bb-2018-b-b-120-132>
- Malenkikh, E.A. (2013). The role of the media in the mythologization of personality during the “Arab Spring”. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, (7), 65–72. (In Russ.)
- Musa, L.N. (2022). Raphael Butti: His Journalistic and Political Role (1901–1956). *Journal of Imam Al-Kadhum University College*, 6(1), 405–428. (In Russ.)
- Nabiullina, V.R. (2019). Pun in Arabic and English newspaper headlines. *Arabistics of Eurasia*, (8), 16–30. (In Russ.)
- Nabiullina, V.R. (2021). Omission in grammatical constructions of Arabic newspaper headlines. *Arabistics of Eurasia*, (15), 86–96. (In Russ.)
- Nafaa, D. (2015). The use of chemical weapons in Syria: Media analysis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (4), 137–144. (In Russ.)
- Naumov, A.O. (2019). The use of “soft power” technologies during the change of political regimes during the “Arab Spring” (on the example of the “jasmine revolution” in Tunisia). *International Relations*, (1), 114–128. (In Russ.) <http://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.1.23575>
- Neem, E.G. (2019). “Media events”: A theory that has no end? *Sociological Journal*, 25(4), 28–37. (In Russ.) <http://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6815>
- Poretskova, A.A., & Savin, N.Yu. (2021). Memes as a tool for consolidating the protest movement (on the example of short videos of the TikTok social network). *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 76–96. (In Russ.) <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030>
- Sawadi, A.A. (2010). *Rafael Butti – journalist* (Dr. of Philology sci. diss.). Baghdad. (In Arab.)
- Simons, G. (2012). Propaganda and the information war against Syria: The last war for peace. *State Administration. Electronic bulletin*, (33), 1–13. (In Russ.)
- Sinan, A. (2019). *The book of collateral damage*. Yale University Press.
- Tailakov, T.A. (2022). Coverage of the Egyptian revolutions in social networks on Arabic content. *Scientific Progress*, (3), 204–211. (In Russ.)
- Tamukh, M.A. (2012). Mass media of Egypt before and after the revolution of 2011. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (2), 87–93. (In Russ.)
- Tashin, M.A.Sh. (2011). Analysis of modern mass media in Jordan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (3), 82–86. (In Russ.)

- Vasiliev, A.M., & Zherlitsyna, N.A. (2019). Dynamics of state policy towards the media in the Middle East and North Africa. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, (2), 210–221. (In Russ.) <http://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-210-221>
- Vodianov, I.N. (2022). Features of the media discourse of Egypt. *Communicology*, 10(1), 129–137. (In Russ.) <http://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-129-137>
- Volkova, I.I., & Ashur, Kh.Yu.D. (2021). The media image of Jordan in the Internet media of the Runet: Features of “non-personalization.” *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(1), 39–50. (In Russ.) [http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\)](http://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1))

Сведения об авторах:

Баканов Роман Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. ORCID: 0000-0002-1097-8390. E-mail: Roman.Bakanov@kpfu.ru

Аль-Байдхани Валид Абдулкарим Сауд, аспирант, кафедра национальных и глобальных медиа, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. ORCID: 0000-0003-0441-2021. E-mail: VSAL-Baidkhani@stud.kpfu.ru

Bio notes:

Roman P. Bakanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of National and Global Media, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. ORCID: 0000-0003-1794-9936. E-mail: Roman.Bakanov@kpfu.ru

Waleed A.S. Al-Baidhani, PhD student, Department of National and Global Media, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University. ORCID: 0000-0003-0441-2021. E-mail: VSAL-Baidkhani@stud.kpfu.ru

АКСИОЛОГИЯ МЕДИА
AXIOLOGY OF MEDIA

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-757-766

УДК 82.01

Научная статья / Research article

**Мифологизация художественного текста
в социально-информационном пространстве**

Н.Л. Слободянюк

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, д. 44*

 evgilia@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются механизмы процесса мифологизации художественного текста в медийном пространстве. Анализируется роль и значение художественного текста и художественного образа как важных и специфических инструментов моделирования социально-информационного пространства. Изучается взаимосвязь между социальными, политическими, культурными процессами и характером эстетизации информационно-коммуникационного пространства, определяется роль художественного образа и художественного текста в этом процессе. Выявлен характер создания, циркуляции и функционирования актуальных мифов в современном медийном пространстве, обозначено их влияние на коммуникацию в современном социуме. Рассмотрен феномен подвижности нормы в современном обществе как следствие ускорения и активизации процесса мифотворчества, основанного на изменении эстетических характеристик медийного и информационно-коммуникационного пространства в современном мире. Создан теоретический фундамент для последующего изучения функциональных задач мифологии в контексте специфики медийной сферы и социально-информационного пространства.

Ключевые слова: художественный текст, художественный образ, миф, мифологизация, смысловые деформации, информационная среда, неосинкретизм, медиатизация культуры

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 июня 2022 г.; откорректирована – 2 сентября 2022 г.; принята к публикации 20 сентября 2022 г.

Для цитирования: Слободянюк Н.Л. Мифологизация художественного текста в социально-информационном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 757–766. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-757-766>

Mythologisation of the fiction text in the socio-informational space

Natalia L. Slobodyanyuk

*Boris Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University,
44 Kievskaya St, Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic*

✉ evgilia@mail.ru

Abstract. The mechanisms of the process of mythologization of artistic text in the modern media space are considered. The role and importance of the artistic text and artistic image as an important and specific tool for modeling the socio-informational space are analyzed. The relationship between social, political, cultural processes and the nature of the aesthetization of the information and communication space is studied, the role of the artistic image and the artistic text in this process is determined. The author of the study has identified the nature of the creation, circulation and functioning of the actual myths in the modern media space, marked their impact on communication in the modern society. The phenomenon of norm mobility in modern society as a consequence of acceleration and activation of myth-making process based on the change of aesthetic characteristics of media and information and communication space in the modern world has been considered. The author also discusses the functional tasks of mythology in the context of the specifics of the media sphere and the socio-information space.

Keywords: artistic text, artistic image, myth, mythologization, semantic deformations, information environment, neo-syncretism, mediatization of culture

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 9, 2022; revised September 2, 2022; accepted September 20, 2022.

For citation: Slobodyanyuk, N.L. (2022). Mythologisation of the fiction text in the socio-informational space. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 757–766. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-757-766>

Введение

Восприятие художественного текста – это сложный и неоднозначный процесс. Он неоднороден в социокультурной парадигме и детерминирован временными и казуальными характеристиками. Это психологический процесс, затрагивающий как личностные, субъективные аспекты, так и уровень социального взаимодействия и воздействия на конкретную личность. В то же время принято говорить о тексте, как о способе фиксации смысла. Другими словами, можно было бы утверждать, что коммуникация с текстом – это взаимодействие в первую очередь со смыслом. Но текст вступает в диалогические отношения с реципиентом, и, следовательно, трансформируя смысловые структуры адресата, сам подвергается смысловым деформациям. Текст, попав в поле действия герменевтического круга (чтение – интерпретация – понимание – осмысление), усложняется, подвергается воздействию категориальных конструкторов воспринимающего, то есть, смысл выходит на новый уровень бытования, преодолев рамки дискретного коммуникативного акта: восприятие текста либо реципиентом, либо его аудиторией. Очевидно,

что этот процесс, не замкнутый в себе, не изолированный от сопутствующих коммуникативных цепей: он влияет на них и одновременно испытывает с их стороны определенное воздействие. А значит, можно утверждать, что любому тексту в той или иной степени присуща *иммерсивность*.

Иммерсивный характер бытования текста актуализирует проблему отношения к реальности как к моделируемому конструкту. Как утверждал В. Дильтей, процесс познания себя субъектом осуществляется через других, а другие понимаются через себя (Дильтей, 2000). Проходя через процесс понимания, текст-смысл интерпретируется, и, трансформируясь, переходит на качественно иной уровень. Можно описать процесс понимания как творческий результат процесса интерпретации, это поступательный процесс, каждый этап которого характеризуется новым уровнем обретения смысла (Борев, 2005). Некоторые аспекты данной проблемы рассматриваются в работе «Мифотворчество современной российской журналистики» (Деминова, Фотиева, Семилет, Чутчева, 2018). Современные смыслы и идеи в мифологизированном пространстве социального бытия усваиваются на уровне неосознанного ощущения.

В теории неклассической эстетики метамодернизма используется понятие «атмосфера» Гернота Беме (Böhme, 1993), которое фактически описывает мифологическое пространство современного социума, конструируемое через использование инструментов эстетики. Мифосмыслы формируются на основе погруженности в объектную среду и влияют на закономерности существования индивида и общества. Современная мифологическая система строится на иммерсивности, активной погруженности в контекст. Исследователи отмечают особую природу атмосферы, телесно определяющую взаимодействие человека с материальным миром: она неопределенна, не локализуема, не артикулируема и является своеобразной характеристикой средовых пространств. Акцент делается на важности бессознательных ощущений, формируемых атмосферами, когда восприятие приобретает характер «оптического бессознательного», не визуальной, не эмпирической, бессознательной рецепции. Отмечается перенос внимания с эмпирических, рационалистических предпосылок наблюдения субъектом видимого и слышимого мира на телесную погруженность в этот процесс, что может быть описано как утверждение мультисенсорного режима восприятия в современной культуре (Венкова, 2021). Все это непосредственно связано с неоромантическим мироощущением, построенным на рефлексии по поводу мифологической реальности, где индивид имеет дело с мифом, возможно сконструированным искусственно, но искренне проживаемым и переживаемым.

В этих условиях художественный текст существует и воспринимается качественно иным образом: работа воображения, опираясь на атмосферу и иммерсию, становится не только территорией создания смыслов, но механизмом формирования социального пространства. Как отмечают авторы некоторых исследований, новое заключается в том, как стимулируется работа воображения. Закрепляются два понятия, прорабатываемые на уровне теории и в художественной практике, отвечающие за новые способы работы с эмоциональностью и воображением зрителя: «атмосфера» и «иммерсия» (Венкова, 2018).

Можно утверждать, что осмысление феномена иммерсивности становится общим направлением в современной философии и культуре. Новая мифологическая система рассматривается в теориях философского, социологического и художественного плана. В большинстве подобных теорий акцент делается на средовом мультисенсорном опыте, его перформативном и аффективном характере (Венкова, 2021).

К таковым можно отнести *теорию гиперобъектов* Т. Мортон и его идею «иммерсивного стиля», утверждающего отсутствие заранее определенных границ, где телесная и материальная разомкнутость определяют вписанность воспринимающего сознания и действующего агента в мир (Мортон, 2018). Сюда же примыкает *теория трансформации человека* Дж. Беннета, построенная на идее ассамбляжа внутреннего, духовного мира человека и внешних материальных объектов, (например, еды). Автор опирается на «научные исследования воздействия полезных (диетических) жиров на строение человека и его когнитивные способности... мы окунемся в дискуссии... о моральном и политическом влиянии того или иного рациона питания» (Беннет, 2018, с. 59). Существует *теория симпозиаса*, в которой подчеркивается структура бытия, в котором существование разнородных процессов, неотделимо от их кооперативного взаимодействия (Харауэй, 2020). И, наконец, *манифест метамодернизма* Л. Тернера. «Так же, как наука стремится к поэтической эlegantности, художники могли бы взять на себя поиски истины. Вся информация является основанием для знания, будь оно эмпирическим или афористичным, безотносительно его истинности. Нам следует принять научно-поэтический синтез и осведомленную наивность магического реализма. Ошибка порождает смысл» (Turner, 2011).

Описанные выше трансформации в сфере восприятия реальности изменяют восприятие художественного текста. Оно эволюционирует от установки на вымысел, преобразуемый в смыслы рефлексией и абстрагированием, к установке на новую реальность, когда вымысел воспринимается как данность. Мы имеем дело с мифологизацией художественного текста как составного элемента медиатизированной культуры.

В медийной сфере художественный текст взаимодействует с так называемой игровой реальностью, а сами игры опосредованно влияют на характер восприятия художественного текста. Например, участвуя в играх альтернативной реальности «пользователь должен «забыть» о том, что это игра, и получить уникальный нарративный опыт с максимальной верой в происходящее» (Ефимова, Дележа, 2019, с. 31). Аналогичным нарративным опытом становится и художественный текст: с одной стороны, текст сам по себе игра, с другой, читатель-пользователь *обучен* специфическому игровому восприятию. Он склонен переносить элементы игры и текста в реальную жизнь. Эти отрывочные элементы, вступая во взаимодействие друг с другом, становятся мифологическим контекстом его существования, а сам текст мифологизируется, то есть можно говорить об относительно новом механизме формирования мифа.

Мифологизируясь, разные аксиологические и онтологические категории ставят перед человеком множество вопросов. И одним из «важнейших

вопросов, напрямую связанным с аксиологическим измерением мифа, является степень конструктивности или деструктивности последствий, результатов мифологизационной деятельности» (Иванов, 2020, с. 310). В связи с этим необходимость детального рассмотрения указанной проблемы не вызывает сомнений.

Обсуждение

Социальные механизмы мифологизации текста

Становится очевидным, что формирование и трансформация смыслов в результате взаимодействия с текстом – один из базовых психологических механизмов смыслового моделирования информационно-коммуникационного пространства. Здесь текст смыкается с понятием мифа, как структурной единицы сознания, выполняющей адаптирующую, структурирующую и экзистенциальную функцию.

Функциональные задачи мифологии в целом, и мифа в частности, сводятся к формированию социальной и индивидуальной действительности, к решению проблем, возникающих в процессе взаимодействия между ними. Уровень стабильности в социуме зависит от того, насколько совпадают эти две модальности. Отношения между ними могут строиться по принципам тождества, конъюнкции, дизъюнкции и инверсии.

Первый принцип тождественности характеризует состояние стабильности и отчасти стагнации в обществе. Индивидуальная мифология выходит из мифологии общественной или государственной, высок уровень социального консенсуса, индивидуальной удовлетворенности. Низка зависимость от обновления информации, так как существует статичная картина мира, в которую вписана личное представление о мире. Информация носит охранительный характер, фиксируя основные мифологемы, оперативные мифы либо не возникают, либо формируются крайне редко для разрешения незначимых конфликтов. В информационно-коммуникативной сфере преобладают вертикальные коммуникации, нисходящие информационные потоки, исключена обратная связь. Содержание коммуникации фиксировано: тиражируется, не обновляясь. Характерны религиозные формы мышления, информационная сфера представлена религиозными и фольклорными текстами, выполняющими функцию трансляции и репрезентации мифов. Ведущая характеристика информационно-коммуникационных потоков – синкретизм.

Подобный тип формирования мифологии, как способа организации социального пространства, характерен для архаичных сообществ. Можно наблюдать не полное сходство с тоталитарными обществами. Тоталитарное общество характеризуется латентным конфликтом между индивидуальной и государственной мифологией, что практически исключает социальный консенсус и предполагает растущее внутренне напряжение, приводящее к взрывному характеру изменений.

Усложняющаяся социальная структура приводит к формированию мифологии по *второму типу* (конъюнктивному). Социальная и индивидуальная мифология формируются с отсутствием жесткой зависимости, но между ними нет противоречия. Эти две системы мифов существуют параллельно, соблюдая взаимное уважение, границы и стремясь избежать конфликта. Но это

не консенсус, что делает эту модель, характерную для переходных этапов развития общества, не самой эффективной и жизнеспособной. На этой стадии повышается чувствительность к оперативной информации, формируется журналистика. Синкретичность разрушается, так как уже нет единообразия ни по форме, ни по содержанию. Происходит усложнение научных, философских, литературных текстов – они обслуживают социальную и государственную мифологию; упрощаются другие, направленные на индивидуальное сознание. Коммуникативная модель обретает обратную связь, актуализируются горизонтальные коммуникации. В этих условиях неизбежно возникновение перекрещивающихся коммуникативных потоков, которые ведут к обострению социального конфликта. Эти пересечения порождают новые конфликтные взаимодействия и мифологемы, которые не находят конструктивного разрешения, поскольку конъюнктивный тип реагирования предпочитает игнорирование конфликтных моментов и социум действует по принципу избегания. Это в конечном счете приводит либо к деформации мифологической системы, либо к ее разрушению.

Третий тип формирования мифологической системы – дизъюнктивный, характеризуется поиском точек соприкосновения. Эта позиция деформирует картину мира, формируя состояние ускользающей реальности. Фрагментарность и искажение становятся главными проблемами в осуществлении социального и информационного взаимодействия. Это состояние описывается с позиций модернизма, постмодернизма, различных философских, социальных и эстетических концепций.

Четвертый тип – инверсивный. Он порождает преобладающий тип текстов, обслуживающих социальную реальность, которая, в свою очередь, далеко не всегда совпадает с объективной реальностью. При этом она не тождественна субъективным восприятиям реальности, не является ни виртуальной, ни искусственно смоделированной. В основе тотальное отрицание, переворачивание смысла, создание на его основе новых смысловых коннотаций. Новые смыслы рождаются не на базе эмпирических социальных взаимодействий, что было характерно для первых трех способов конструирования мифов и мифологии, а создаются на уже бытующих мифах и мифологемах с изменением знаков на противоположенные. Намечается деструктивность в социальной жизни, так как принципы аксиологической, этической и деонтологической противопоставленности привязывают обыденное мышление к отжившим ментальным и смысловым конструктам, лишенным потенциала для развития социума. Ситуацию можно описать метафорически: было «черное», стало «белым», но ситуация предполагает «фиолетовое». Массовое сознание не видит конструктивные смысловые конструкты, способные задать инерцию для развития социума и достижения высокого уровня эффективности коммуникаций. Говорить о консенсусе не приходится. Социальная энергия черпается из деструктивного конфликта, который дает импульс для определенного движения, но оно хаотично и не создает возможности для длительного планирования способа бытия общества. Все происходит здесь и сейчас. Отсутствие понимания перспектив и осознанности будущего порождает социальную и личностную напряженность, которая приводит к

появлению новых разрушительных, конфронтационных мифологем. Общество попадает в замкнутый круг, из которого можно выбраться только с помощью социального взрыва, который запустит процесс формирования новой мифологии, по более эффективному пути. Это состояние общества предъявляет особые требования и к информации, и к тексту, и к авторству.

Эстетические факторы мифологизации текста

Нередко определяющими для восприятия текста становятся имиджевые технологии. Эстетические, интеллектуальные, креативные характеристики текста оцениваются читателем, который начинает вести себе как потребитель: исключается элемент соавторства, характерный для восприятия литературного произведения, вне рамок литературного творчества в наиболее общем его понимании. С точки зрения его «товарных» характеристик актуализируется феномен имиджа: 1) история-легенда создателя – имидж автора; 2) имидж потребителя – кто читает; 3) имидж места – степень близости к эталонному центру, региону. Технология бренда распространяется на литературное произведение и художественный текст. И этот факт является еще одним доказательством того, что художественный текст в современном мире активно втянут в процесс мифотворчества – мифологизируясь сам, он творит новую мифологию.

Преобладающий характер коммуникаций в обществе, тип создания мифологии, роли и значение информационных конструкций предъявляют определенный набор требований к циркулирующим текстам, одновременно определяя комплекс их характеристик. Одной из этих характеристик является художественность.

Известно, что мифологемы формируются на основе художественного образа. Задачей этого образа становится формирование в сознании человека довольно статичной, либо подверженной минимальным трансформациям, картины мира или определенного единичного явления этого мира. При этом обращение к рациональному типу мышления, к логическому способу организации информации с этими задачами справляются плохо. Во-первых, возникает большое количество коммуникативных барьеров различной природы, от физиологических до когнитивных. Во-вторых, такой способ предполагает процесс формирования новых смысловых конструкций, характеристики которых контролировать становится практически невозможно. Императивные смысловые конструкции эффективно влияют на аудиторию только при стечении определенных факторов: высокий авторитет источника коммуникации, обладающего одновременно неограниченной властью, кроме того, императивные конструкции формируются на основе уже сложившейся социальной мифологии при высокой степени включенности в нее индивидуальной мифологии. Перефразируя известное утверждение: «верхи могут управлять, а низы хотят подчиняться». Эти условия близки к идеальным, учитывая системные характеристики общества. Как следствие – обращение к текстам, способным обходить эти подводные камни социального взаимодействия. Этими же факторами объясняются особенности ключевые характеристики современной медиасреды, которая в современных условиях выполняет все больше управленческих, регулирующих, организационных задач.

Эстетические правила вбирают в себя референциальные (Барт, 1994). Эстетика становится сообщением, вовлекающим в поле своего действия текст, контекст, форму и аудиторию, таким образом, стираются границы восприятия текста. Процесс усвоения частично подменяется процессом присвоения, а сам текст начинает вытеснять реальность, заменяя собой ее фрагменты. Как известно, текст, ставший реальностью, является мифом. То есть благодаря моделированию эстетической составляющей сообщения мы получаем возможность встраивать нужные смысловые конструкты в опыт либо конкретной группы, либо социума в целом.

Заключение

Художественный текст формирует ментальное социальное пространство. При этом эстетические характеристики имеют большее значение, чем смысловое и содержательное наполнение. Художественный текст выходит за рамки бытования внутри конкретного вида искусства, становится структурной единицей медиaproстранства. Процесс актуализации художественного текста перестает быть индивидуальным, личностным и дискретным. В поле его действия оказывается не только непосредственно воспринимающий реципиент, но и создается вторичная аудитория, не взаимодействующая с текстом непосредственно. Созданный, прочитанный и актуализированный художественный текст превращается в *инструмент формирования социальной реальности*. Его потенциал активно используется при управлении социальными процессами в пространстве массмедиа. Как показывает анализ формирования типов мифологических систем, процесс взаимодействия в системе «художественный текст – социум» взаимообусловлен и цикличен. Глубокое понимание сути этого взаимодействия может сделать более эффективным функционирование СМИ, помогая на инструментальном уровне решать задачи, стоящие перед специалистами в области теории и практики медиакоммуникаций.

Список литературы

- Барт Р. Эффект реальности // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 392–400
- Беннет Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей. Пермь: Гиле пресс, 2018. 220 с.
- Борев Ю.Б. Эстетика: отношение к действительности. Творчество. Произведения. Природа. Природа и виды искусства. Художественный процесс. Обращение с искусством. М.: Русь-Олимп, 2005. 829 с.
- Венкова А.В. Политики идентификации в искусстве метамодернизма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 203–213. <http://doi.org/10.17223/22220836/32/20>
- Венкова А.В. Теоретическое исследование феномена иммерсивности в объектно-ориентированной онтологии и постгуманизме // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 5–13. <http://doi.org/10.17223/22220836/44/1>

- Венкова А.В. Феномен иммерсивности в эстетике атмосфер и теории «оптического бессознательного» // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 3 (44). С. 103–113. http://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_3_103
- Деминова М.А., Семилет Т.А., Фотиева И.В., Чутчева А.В. Мифотворчество современной Российской журналистики: социальная сущность, практики, детерминанты, инструментарий // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 612–614.
- Дильтей В. Введение в науки о духе. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 15–17.
- Ефимова О.В., Дележа Е.М. Медиа технологии в современной художественной культуре // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4. С. 29–32.
- Иванов А.Г. Что считать мифологизацией времени? // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь: Филиал МГУ в Севастополе, 2020. С. 307–312.
- Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца света. Пермь: Гиле пресс, 2018. 284 с.
- Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле пресс, 2020. 340 с.
- Böhme G. Atmosphere as the fundamental concept of a new aesthetics // Thesis Eleven. 1993. Vol. 36. No 1. Pp. 113–126. <http://doi.org/10.1177/072551369303600107>
- Turner L. The metamodernist manifesto. 2011, 2 March. URL: <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto> (accessed: 20.08.2022).

References

- Bart, R. (1994). Effect of reality. In R. Bart, *Selected Works: Semiotics. Poetics* (pp. 392–400). Moscow: Progress Publ., Universal Publ. (In Russ.)
- Bennet, D. (2018). *Pulsating matter: The political ecology of things*. Perm: Gile Press. (In Russ.)
- Böhme, G. (1993). Atmosphere as the fundamental concept of a new aesthetics. *Thesis Eleven*, 36(1), 113–126. <http://doi.org/10.1177/072551369303600107>
- Borev, Yu.B. (2005). *Aesthetics: Relation to reality. Creativity. Works. nature. Nature and types of art. Art process. Treatment of art*. Moscow: Rus-Olimp Publ. (In Russ.)
- Deminova, M.A., Semilet, T.A., Fotieva, I.V., & Chutcheva, A.V. (2018). Myth-making of modern Russian journalism: Social essence, practices, determinants, tools. *The World of Science, Culture and Education*, 73(6), 612–614. (In Russ.)
- Dilthey, V. (2000). Introduction to the science of the spirit. *Collected Works* (vol. 1, pp. 15–17). Moscow: Dom Intellektualnoi Knigi Publ. (In Russ.)
- Efimova, O.V., & Delezha, E.M. (2019). Media technologies in modern art culture. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, (4), 29–32. (In Russ.)
- Haraway, D. (2020). *Staying with trouble: Making kindred in Hthulucene*. Perm: Gile Press. (In Russ.)
- Ivanov, A.G. (2020). What is considered the mythologization of time? *Myth in History, Politics, Culture: Collection of Materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference* (pp. 307–312). Sevastopol: MSU in Sevastopol. (In Russ.)
- Morton, T. (2018). *Hyperobjects: Philosophy and ecology after the end of the world*. Perm: Gile Press. (In Russ.)
- Turner, L. (2011). The metamodernist manifesto. Available from <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto> (accessed: 20.08.2022).

- Venkova, A.V. (2018). Politics of identification in the art of metamodernism. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, (32), 203–213. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/22220836/32/20>
- Venkova, A.V. (2021). The phenomenon of immersiveness in the aesthetics of atmospheres and the theory of the “optical unconscious”. *International Journal of Cultural Research*, (3), 103–113. (In Russ.) http://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_3_103
- Venkova, A.V. (2021). Theoretical study of the phenomenon of immersiveness in object-oriented ontology and posthumanism. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, (44), 5–13. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/22220836/44/1>

Сведения об авторе:

Слободянюк Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой международной журналистики, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина. ORCID: 0000-0001-9048-3541. E-mail: evgilia@mail.ru

Bio note:

Natalia L. Slobodyanyuk, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of International Journalism, Boris Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University. ORCID: 0000-0001-9048-3541. E-mail: evgilia@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774

УДК 316.77

Научная статья / Research article

Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения

А.А. Ефанов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

✉ yefanoff_91@mail.ru

Аннотация. В понятийном аппарате современной коммуникологии не дифференцированы понятия «лидер общественного мнения» и «инфлюенсер». Для решения этой проблемы автором используется полипарадигмальный подход с применением комплекса методов: историко-генетического анализа, структурного анализа, социокультурного моделирования. По итогам проведенного исследования предлагается авторское определение понятия «инфлюенсер» как особого типа лидера общественного мнения – самостоятельного медиума, распространяющего свое непосредственное влияние в интернете (преимущественно в социальных медиа) через прямой канал коммуникации с использованием новой тактики позиционирования (интеграция приватного и публичного). При этом инфлюенсер оказывает существенное влияние на целевую аудиторию, продвигает определенные идеи (идеологические, потребительские и др.), что в итоге отражается на системе норм, ценностей и установок реципиентов. Автором обозначаются ограничения исследования, определяется перспективное направление, связанное с необходимостью дальнейшего обоснования указанного медиакоммуникационного феномена. Показана целесообразность обращения с академических позиций к понятию «инфлюенсер», обоснована необходимость его дискретного включения в междисциплинарный научный дискурс.

Ключевые слова: лидер общественного мнения, инфлюенсер, коммуникология, медиaproстранство, медиаиндустрия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 июня 2022 г.; откорректирована 12 июля 2022 г.; принята к публикации 31 июля 2022 г.

Для цитирования: Ефанов А.А. Инфлюенсер как особый тип лидера общественного мнения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 767–774. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774>

© Ефанов А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Influencer as a special type of public opinion leader

Aleksandr A. Yefanov

*Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq, Moscow, 125047, Russian Federation
HSE University,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation*
✉ yefanoff_91@mail.ru

Abstract. The conceptual apparatus of contemporary communicology does not differentiate between the concepts of “opinion leader” and “influencer”. To solve this problem, the author uses a poly-paradigmatic approach using a set of methods: historical and genetic analysis, structural analysis and socio-cultural modelling. As a result of the study, the author offers an author's definition of the concept of “influencer” as a special type of public opinion leader – an independent medium, which spreads its direct influence on the Internet (mainly in social media) through a direct communication channel using new tactics of positioning (the integration of private and public). At the same time, influencer has a significant impact on the target audience, promoting certain ideas (ideological, consumerist, etc.), which ultimately affects the system of norms, values and attitudes of the recipients. The author outlines the limitations of the study and identifies perspective direction related to the need for further substantiation of the above-mentioned media and communication phenomenon. The expediency of addressing the notion of “influencer” from academic positions is shown, and the necessity of its discrete inclusion in the interdisciplinary scientific discourse is substantiated.

Keywords: public opinion leader, influencer, communicology, media space, media industry

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 30, 2022; revised July 12, 2022; accepted July 31, 2022.

For citation: Yefanov, A.A. (2022). Influencer as a special type of public opinion leader. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 767–774. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-767-774>

Введение

Динамичное развитие медиаиндустрии заставляет коммуникологию как науку о современных медиакоммуникациях во всем их многообразии (на уровне каналов, полей и институтов) (Шарков, 2010) осуществлять междисциплинарную интерпретацию возникающих понятий (в том числе проводить ревизию существующего понятийного аппарата (Ефанов, 2019). Во второй половине 2010-х годов к таковым можно отнести понятие инфлюенсера, на основе которого возникла технология инфлюенс-маркетинга и появилась профессия инфлюенс-менеджера (Гавра, 2016). При этом в теории массовых коммуникаций еще в середине XX века зародилось понятие лидера мнений, впоследствии уточненное как «лидера общественного мнения». Именно в этой формулировке оно получило распространение в междисциплинарном научном дискурсе. Возникают вопросы относительно правомочности понятия «инфлюенсер», есть необходимость в разграничении нового понятия «инфлюенсер» и конституированного понятия «лидер общественного мнения».

В детерминантах доминирования в медиапространстве телевидения, как канала коммуникации и медиаинститута, конструирование лидеров общественного мнения в 1960–2000-е годы происходило линейно и однонаправленно, что объяснялось медиасолидаризацией, позволяющей формировать единый фрейм (на основе идентичной риторики, близкой тональности, сходных дискурсивных стратегий) относительно конкретного объекта или субъекта. Однако значительное усиление влияния на социальную повседневность ресурсов поля интернета (преимущественно социальных медиа), как следствие, отразившееся на структуре современного медиапространства (соотношение ключевых медиаинститутов, их воздействие на общественное мнение, а вместе с тем на систему социальных норм, ценностей и установок), на рубеже 2010–2020-х годов обусловило переосмысление классической модели двухступенчатой коммуникации.

Методы исследования

Целью настоящего исследования является обоснование интерпретации инфлюенсера как особого типа лидера общественного мнения. Применяется полипарадигмальный подход, позволяющий сочетать исследовательскую оптику различных социогуманитарных научных школ и направлений, учитывающий многоаспектность изучаемого медиакommunikационного феномена ввиду его междисциплинарности. Используется комплекс методов: историко-генетический анализ; структурный анализ; социокультурное моделирование.

Обсуждение

Лидер общественного мнения и инфлюенсер: дифференциация медиакommunikационных феноменов

В 1940-е годы автор, впоследствии ставшей особо востребованной в академической среде концепции двухступенчатой коммуникации, П. Лазарсфельд обозначает следующую модель: репрезентация информации + передача влияния. Делается акцент, что в рамках модели двухступенчатой коммуникации так называемую узловую роль «выполняют лидеры общественного мнения, которые выступают исключительно в качестве посредника» (Lazarsfeld, 1948, p. 109). Следует обратить внимание, что лидер общественного мнения по своей природе, безусловно, является медиатизированным (от англ. *mediated* – «опосредованный») актором. Однако процесс медиатизации, сопровождаемый первоначальным обретением и последующим усилением или наращиванием публичного капитала, на тот момент был связан, прежде всего, с телевидением, которое ввиду своего доминирующего влияния на общественное мнение (исходя из присущей ему аудиовизуальной природы) одновременно выступает не только как канал коммуникации, но и медиаинститут. В представленной социокультурной парадигме лидеры общественного мнения и медиаконтролеры (редакторы, учредители медиа) оказываются своего рода партнерами, которые в результате системного взаимодействия обуславливают получение всех видов символического капитала (Бурдьё, 2005) – социального, культурного, экономического и публичного.

Принципиально иное положение возникло в середине 2010-х годов, когда «часть лидеров общественного мнения оказалась отчуждена от телевидения.

Как следствие, можно говорить, что в полях телевидения и интернета конструируются две группы лидеров общественного мнения, которые, соответственно, ориентируются на разные целевые аудитории» (Yefanov, Tomin, 2020, p. 308). Лидерами общественного мнения в поле интернета, в основном являются блогеры, которых в медиаиндустрии, а затем и в академической среде стало принято именовать инфлюенсерами (Богоявленский, 2019; Давыдов, 2020; Москальцова, 2019; Чугунова, 2020). Основными платформами, в настоящее время претерпевающими поступательный процесс институционализации, в свою очередь, предназначенными для выстраивания прямой коммуникации инфлюенсеров со своей целевой аудиторией, выступают социальные медиа (представленные преимущественно социальными сетями и блогингом), которые, с одной стороны, на симуляционном уровне предлагают иллюзорную свободу волеизъявления (Kapitan, Silvera, 2016; Pang et al., 2016), с другой, – воссоздают новую, латентно функционирующую, иерархическую систему управления общественным мнением по принципу *soft power* (Волкова и др., 2021; Freberg et al., 2011; Muzykant et al., 2021). В результате наличия прямого канала коммуникации с аудиторией инфлюенсеры становятся непосредственными медиумами, продуцируя оригинальный медиаконтент и закладывая в него конкретные, прагматически обусловленные смыслы.

С некоторой метафоричностью С.И. Шелонаев именуется современных блогеров «медиаинтеллектуалами» (отсылка к саморепрезентируемым устойчивым проявлениям рефлексивного восприятия действительности, нежели к характеристике и оценке уровня когнитивных способностей данных акторов), рассматривая их в качестве новой профессиональной группы, которая «конкурирует с журналистами и не только самостоятельно формирует концептуальную и дискурсивную основу своих сообщений, но и осуществляет перекодирование данной информации в форму, пригодную для восприятия массовой аудиторией» (Шелонаев, 2015, с. 60). Получение блогерами символического статуса инфлюенсера, в рамках настоящего исследования предлагаемого рассматривать как особого типа лидера общественного мнения, связано с «упрочиванием горизонтальных социокоммуникационных связей в поле интернета, в результате чего повышается символическое значение производимых (в частности, в социальных сетях и блогинге) медиапродуктов» (Ефанов, 2021, с. 35), которые, исходя из закладываемых в них смыслов на основе целеполагания и целедостижения, вступают в прямую конкуренцию с медиаконтентом «традиционных» СМИ (прежде всего, телевидения), тем самым нередко обуславливая конфликт интересов данных медиаинститутов.

Указанную закономерность можно обосновать вследствие обращения к подходу социального интеракционизма Г. Блумера, согласно которому «смысловое значение любого понятия или объекта определяется не столько его свойствами, сколько результатами социального взаимодействия» (Блумер, 1984, с. 173). Таким образом, «если поле интернета представляет собой совокупность субповесток дня (в зависимости от учредительства медиа, а вместе с тем и редакционной политики), когда в результате наличия альтернативы различные по своему составу целевые аудитории потенциально могут удовлетворить свои информационные потребности, то поле телевиде-

ния продвигает во многом единую повестку дня, исключая поляризацию мнений и суждений (либо симулируя гласность)» (Ефанов, 2021, с. 35). В этой связи следует указать на наблюдаемое в современных медиакоммуникациях установление конкурирующих, зачастую взаимоисключающих повесток дня на ТВ и в интернете, нередко получающих отражение в противоположных по риторике репрезентациях образов. Наибольшее значение в данном аспекте имеет феномен символического конституирования, позволяющий сделать вывод, какая из конструируемых и впоследствии продвигаемых повесток (прежде всего, на уровне репрезентируемых фреймов) окажется наиболее эффективной, станет преваляющей и повлияет на формирование общественного мнения.

В отличие от традиционных СМИ, где несмотря на наличие лидеров общественного мнения, наблюдаются симуляция горизонтальных социокоммуникационных связей и явное превалярование вертикальных социокоммуникационных связей, а вместе с тем и соответствующей модели управления общественным мнением, в социальных медиа подобные взаимодействия являются более гармоничными – на основе эффективного инкорпорирования дискурсивной стратегии «первый среди равных, равный среди первых». При этом коммуникация выстраивается на доступном для аудитории символическом языке. Ограниченные возможности традиционных СМИ (в частности, телевидения), где лидеры общественного мнения отражаются несистемно (в зависимости от контента, контекста, времени выхода и проч.), противопоставляются органичности горизонтальных социокоммуникационных связей в социальных медиа. Эффективность интернет-коммуникаций объясняется с точки зрения перманентного позиционирования инфлюенсеров в различных ситуациях, как публичного, так и приватного уровней повседневности (приватный уровень, безусловно, симулируется, по сути, тоже представляя собой проявление публицитации), относительно дифференцированных кейсов, а подобные материалы оказываются доступны пользователю по любому запросу на соответствующих институциональных платформах. Данная модель позволяет продвигать различного рода установки, тем самым конструируя стиль жизни (внешнее проявление) и способы мышления (внутреннее проявление) своей аудитории, как следствие, отражаясь на структуре массового сознания. Несомненно, в существующих медиакоммуникационных, а вместе с тем и социокультурных детерминантах роль инфлюенсеров велика и должна соответствующим образом рассматриваться, поскольку деятельность данных акторов приобретает драйверное значение.

Заключение

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что инфлюенсер выступает в качестве особого типа лидера общественного мнения. Это самостоятельный медиум, который имеет прямой канал коммуникации и использует новую тактику позиционирования (интеграция приватного и публичного), он распространяет свое непосредственное влияние в поле интернета (преимущественно в социальных медиа) на целевую аудиторию, продвигает определенные идеи (идеологические, потребительские и проч.).

Его деятельность в итоге отражается на системе норм, ценностей и установок реципиентов. Данное понятие требует дальнейшей концептуализации. Кроме того, ограничением исследования можно считать необходимость разработки шкалирования (на уровне основных индикаторов и характеристик), обуславливающего ответ на вопрос: какого блогера можно считать инфлюенсером, а какого – нет? Подобный аспект, безусловно, также предполагает последующее осмысление, представляя собой своего рода вызов для научного сообщества. Однако предпринятая попытка ревизии понятийного аппарата современной коммуникологии и дифференциации обозначенных в настоящем исследовании концептов позволяет предотвратить методологическую ошибку, связанную с отождествлением понятий лидера общественного мнения и инфлюенсера, обосновывая необходимость обращения с академических позиций к понятию «инфлюенсер» – его дискретного включения в междисциплинарный научный дискурс.

Список литературы

- Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Т.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179.
- Богоявленский А.Е.* Инфлюенсер-медиа как постмассовый формат публичных коммуникаций // Медиаисследования 2019 / ред. Т.А. Семилет, И.В. Фотиева. Барнаул, 2019. С. 297–304.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З.* О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Гавра Д.П.* Информационная логистика в коммуникациях региона // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 113–118.
- Давыдов Д.А.* Непредсказанный посткапитализм: отчуждение и конкурентная борьба в сфере «производства личности» // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 88–99. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-6-88-99>
- Ефанов А.А.* Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиaprостранстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 32–46. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>
- Ефанов А.А.* О понятийном аппарате современной коммуникологии // Современные дискурсы социологической теории и практики: материалы XVI Всероссийской очно-заочной научной конференции. М.: Спутник +, 2019. С. 16–18.
- Москальцова М.А.* Эффект воздействия инфлюенсеров Instagram¹ на пользователей социальных сетей (на примере Fyre Festival) // Социальные коммуникации. Наука. Образование. Профессия. 2019. № 1. С. 70–74.
- Чугунова А.А.* Профессия: инфлюенсер современности // Информация – Коммуникация – Общество. 2020. № 1. С. 277–282.
- Шарков Ф.И.* Коммуникология: основы теории коммуникации. М.: Дашков и К°, 2010. 592 с.

¹ Социальная сеть Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

- Шелонаев С.И. Эволюция и перспективы российского медиапространства // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сборник трудов Первой Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 9–10 апреля 2014 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2015. С. 55–60.
- Freberg K., Graham K., McGaughey K. Who are the social media influencers? A study of public perceptions of personality // *Public Relations Review*. 2011. Vol. 37. No 1. Pp. 90–92. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2010.11.001>
- Kapitan S., Silvera D.H. From Digital media influencers to celebrity endorsers: attributions drive endorser effectiveness, marketing letters // *Marketing Letters*. 2016. Vol. 27. No 3. Pp. 553–567. <https://doi.org/10.1007/S11002-015-9363-0>
- Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The people's choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign*. New York: Columbia University Press, 1948. 178 p.
- Muzykant V.L., Muqsith V.A., Burdovskaya E.Y., Palagina I.V., Barabash V.V., Volkova I.I. Contemporary transportation applications as new forms of social construction technology // *Proceedings of the 2021 5th World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability, WorldS4 2021*. London: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2021. Pp. 6–11. <https://doi.org/10.1109/WorldS451998.2021.9514063>
- Pang A., Yingzhi Tan E., Song-Qi Lim R., Yue-Ming Kwan T., Bhardwaj Lakhanpal P. Building effective relations with social media influencers in Singapore // *Media Asia*. 2016. Vol. 43. No 1. Pp. 56–68. <https://doi.org/10.1080/01296612.2016.1177962>
- Yefanov A., Tomin V. Public opinion leaders designing in modern neo-information society // *Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism*. Dubai: KnE Social Sciences, 2020. Pp. 299–311. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6348>

References

- Bloomer, G. (1984). Society as a symbolic interaction. *Modern Foreign Social Psychology: Texts* (pp. 173–179). Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
- Bogoyavlensky, A.E. (2019). Influencer media as a post-mass format of public communications. *Media Research*, (6), 297–304. (In Russ.)
- Bourdieu, P. (2005). *Social space: Fields and practices*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya Publ. (In Russ.)
- Chugunova, A.A. (2020). Profession: Contemporary influencer. *Information – Communication – Society*, (1), 277–282. (In Russ.)
- Davydov, D.A. (2020). Unpredictable post-capitalism: Alienation and competition in the sphere of “personality production”. *Socium and Power*, 86(6), 88–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2020-6-88-99>
- Freberg, K., Graham, K., & McGaughey, K. (2011). Who are the social media influencers? A Study of Public Perceptions of Personality. *Public Relations Review*, 37(1), 90–92. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2010.11.001>
- Gavra, D.P. (2016). Information logistics in the communications of the region. *Territory of New Opportunities. VSUES Bulletin*, (1), 113–118. (In Russ.)
- Kapitan, S., & Silvera, D.H. (2016). From digital media influencers to celebrity endorsers: Attributions drive endorser effectiveness, marketing letters. *Marketing Letters*, 27(3), 553–567. <https://doi.org/10.1007/S11002-015-9363-0>
- Lazarsfeld, P., Berelson, B., & Gaudet, H. (1948). *The people's choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign*. New York: Columbia University Press.
- Moskaltsova, M.A. (2019). The effect of the influence of Instagram² influencers on users of social networks (for example, the Fyre Festival). *Social Communications. The Science. Education. Profession*, (1), 70–74. (In Russ.)

² The social network *Instagram* is recognized as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

- Muzykant, V.L., Muqsith, V.A., Burdovskaya, E.Y., Palagina, I.V., Barabash, V.V., & Volkova, I.I. (2021). Contemporary transportation applications as new forms of social construction technology. *Proceedings of the 2021 5th World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability, WorldS4 2021* (pp. 6–11). London: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. <https://doi.org/10.1109/WorldS451998.2021.9514063>
- Pang, A., Yingzhi Tan, E., Song-Qi Lim, R., Yue-Ming Kwan, T., & Bhardwaj Lakhanpal, P. (2016). Building effective relations with social media influencers in Singapore. *Media Asia*, 43(1), 56–68. <https://doi.org/10.1080/01296612.2016.1177962>
- Sharkov, F.I. (2010). *Communicology: Fundamentals of communication theory*. Moscow: Dashkov and Co Publ. (In Russ.)
- Shelonayev, S.I. (2015). Evolution and prospects of the Russian media space. *Modern Mass Media in the Context of Information Technologies* (pp. 55–60). St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Chan, T.T.Z. (2021). On the prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Yefanov, A., & Tomin, V. (2020). Public opinion leaders designing in modern neo-information society. *Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism* (pp. 299–311). Dubai: KnE Social Sciences. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6348>
- Yefanov, A.A. (2019). On the conceptual apparatus of modern communicology. *Modern Discourses of Sociological Theory and Practice: Proceedings of the XVI All-Russian Part-time Scientific Conference* (pp. 16–18). Moscow: Sputnik+ Publ. (In Russ.)
- Yefanov, A.A. (2021). Deconstruction of the influencer image in the modern media space. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, (5), 32–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>

Сведения об авторе:

Ефанов Александр Александрович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики общественных связей, Российский государственный гуманитарный университет; доцент Института медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0000-0002-9979-9224. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

Bio note:

Aleksandr A. Yefanov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Theory and Practice of Public Relations, Russian State University for the Humanities; Associate Professor of the Institute of Media, HSE University. ORCID: 0000-0002-9979-9224. E-mail: yefanoff_91@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-775-787
УДК 70.11

Научная статья / Research article

Американский молодежный сленг в российских медиа

Е.А. Баранова¹, К.А. Лаврова¹, В.В. Чебаненко²

¹Российский государственный социальный университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

 kat-journ@yandex.ru

Аннотация. Формирование глобального медиапространства способствует активному проникновению иной, не российской, культуры в отечественные медиа, при этом тот или иной транслируемый образ жизни оказывает большое влияние именно на поведение молодежи, формируя, в том числе через сленг, ее устную и письменную речь. Сленг представляет собой довольно активно развивающийся лексический пласт, новые сленговые единицы появляются в языке ежедневно, они отражают не только культурные ценности, приоритеты и стремления тех, кто их использует, но и демонстрируют особые способы формирования мышления. Изучение американских сленгизмов и их влияния на современную российскую молодежь особенно актуально в условиях информационной войны. В исследовании рассматриваются сленгизмы, нашедшие отражение в русскоязычных средствах массовой информации и социальных сетях, а также особенности их влияния на культурные ценности подростков. Методом сплошной выборки были отобраны материалы со сленгизмами, размещенные с января 2019 по февраль 2022 года в социальных сетях TikTok, «ВКонтакте», на молодежных интернет-порталах QRU, Spletnik, Elle Girl. Авторы раскрывают их смысл в контексте анализируемых публикаций и приходят к выводу, что активное использование таких сленговых единиц, как, например, краш, читер, флекс, РОФЛ, свидетельствует о приоритете праздности в досуге молодых людей. В то же время у подростков прослеживается отсутствие интереса к культурному отдыху: сленгизмы, которые бы обозначали такие виды занятий, как поход в музей, на экскурсию, в театр, в концертный зал, библиотеку – отсутствуют.

Ключевые слова: сленгизмы, американизмы, сленговые единицы, российские медиа, подростки, культурные ценности

Вклад авторов. Е.А. Баранова – концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; К.А. Лаврова – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных; В.В. Чебаненко – сбор и обработка материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 июня 2022 г.; откорректирована 20 августа 2022 г.; принята к публикации 12 сентября 2022 г.

Для цитирования: Баранова Е.А., Лаврова К.А., Чебаненко В.В. Американский молодежный сленг в российских медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 775–787. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-775-787>

American youth slang in Russian media

Ekaterina A. Baranova¹, Karina A. Lavrova¹,
Victor V. Chebanenko²

¹*Russian State Social University,*

4 Vilgelma Pika St, bldg 1, Moscow, 129226, Russian Federation

²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),*

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

 kat-journ@yandex.ru

Abstract. The formation of the global media space contributes to the active penetration of a different, non-Russian, culture in the domestic media, with one or another broadcast lifestyle having a great impact on the behaviour of young people, shaping, among other things, their oral and written speech through slang. Slang is a rather actively developing lexical layer, new slang units appear in the language every day, they reflect not only cultural values, priorities and aspirations of those who use them, but also demonstrate specific ways of shaping thinking. The study of American slang words and their influence on contemporary Russian youth is especially relevant in the context of information warfare. The authors examine slang words that are reflected in the Russian-language media and social networks, as well as the peculiarities of their influence on the cultural values of adolescents. The materials with slang words, posted from January 2019 to February 2022 in social networks TikTok, VKontakte, on the youth Internet portals QRU, Spletnik, Elle Girl were selected by the method of continuous sampling. The authors reveal their meaning in the context of the analysed publications and come to the conclusion that the active use of such slang units as, for example, crash, cheater, flex, ROFL indicates the priority of idleness in the leisure time of young people. At the same time, teenagers show a lack of interest in cultural leisure: there are no slang expressions for such activities as going to a museum, sightseeing, theatre, concert hall or library.

Keywords: slang words, Americanisms, slang units, Russian media, teenagers, cultural values

Authors' contribution. Ekaterina A. Baranova – conception and design of the study, analysis of the obtained data, writing the text; Karina A. Lavrova – collection and procession of research data and materials, analysis of the obtained data; Victor V. Chebanenko – collection and procession of research data and materials.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 14, 2022; revised August 20, 2022; accepted September 12, 2022.

For citation: Baranova, E.A., Lavrova, K.A., & Chebanenko, V.V. (2022). American youth slang in Russian media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 775–787. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-775-787>

Введение

Американский лингвист С.Б. Флекснер отмечал, что в настоящее время сленговые слова и выражения активно применяются практически всеми слоями общества, при этом сленгизмы не используются в официально-деловом

стиле ввиду избыточной экспрессии (Flexner, 1976, p. 102). Наиболее полное толкование понятию «сленг» дал Э. Партридж: «умышленное использование единиц неформальной лексики, которые употребляются, чтобы придать словам стилистическую окраску, сделать речь более динамичной» (Partridge, 1984, p. 38).

Рост популярности молодежного сленга в России связан с началом перестройки в 1980–1990-х годах, когда появился особый интерес к изучению английского языка. Однако ряд сленговых слов вошел в русский язык с начала 60-х годов XX века благодаря субкультуре стилиг. Некоторые из них (например, *музы* – ботинки на высокой подошве) были забыты, другие (*мусовка*, *чувак*, *чувиха*) включены в разговорный русский язык¹, некоторые перешли в разряд нейтральных (*тренчком*).

Молодежный сленг – это способ получить некоторую языковую автономию от старших, при этом сленг может спровоцировать конфликт в семье, в том числе по общественно-политическим вопросам (Чебаненко, 2020). «В словарях эти слова найти трудно, часто они и исчезают быстрее, чем успевают туда попасть, а понимать своих детей хочется прямо сейчас» (Июмдин, 2021, с. 29). Исследователи приходят к выводу, что в молодежном сленге меняются не только лексические пласты, но и его назначение: жаргон, который использовали школьники в XIX – начале XX в. применялся для конспирации, затем в сленге стала превалировать эмотивная и игровая функции (Цибизова, Галанкина, 2021).

Исследуя характер и значение сленгизмов, которые употребляются современными молодыми людьми в процессе межличностного общения, можно отследить явления окружающей реальности, которые для них наиболее актуальны и болезненны. Это, в свою очередь, дополнит портрет цифрового поколения, поможет обратить внимание на опасные сообщества в соцсетях. Так было, к примеру, с игрой «Синий кит» (Volkova, Kadyrova, Rastorgueva, Algavi, 2017), название которой долгое время не ассоциировалось у взрослых с подростковыми группами смерти.

Согласно федеральному закону, принятому в конце декабря 2020 года, к молодежи относятся граждане России в возрасте от 14 до 35 лет включительно («О молодежной политике в Российской Федерации»)². Возрастная периодизация объясняет высокую антропоцентричность молодежного сленга (Власов, Трофимова, Подрезов, Абдуллина, 2020; Lasková, 2021). Поскольку ведущей деятельностью молодых людей является коммуникация со сверстниками, естественно, что наиболее активное заимствование неологизмов и словотворчество происходит в сфере выражения настроения, отношения к людям и ситуациям, реалиям общения.

Язык, на котором говорят двадцати–тридцатилетние, прослеживается прежде всего в СМИ, которые ориентированы на молодежную аудиторию и

¹ См.: Нельзя пускать язык на самотек: филолог Владимир Славкин о новых выражениях в повседневной речи. URL: <https://argumenti.ru/interview/2022/03/761890> (дата обращения: 01.05.2022).

² См.: О молодежной политике в Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507> (дата обращения: 01.05.2022).

пытаются быть с ней на одной волне. Медиаплатформы, стремясь привлечь внимание молодежи, подхватывают новую лексику. Экспансия некодифицированных пластов языка и широкая распространенность американизмов в современном языке молодежных медиа становятся их характерными особенностями. Изучая контент данных медиа, можно понять особенности развития современной молодежной культуры, но не только. Например, результаты комплексного исследования «Динамика вхождения игровых терминов в лексику российских интернет-СМИ» (РУДН, кафедра массовых коммуникаций, 2021–2022 гг.) показали, что молодежный сленг активно осваивается такими изданиями как «Российская газета», «РБК», «Коммерсант» (Волкова, 2021).

В основном заимствованные слова осваиваются по особому алгоритму: вначале их используют в первоначальной фонетической и грамматической форме, без транслитерации, постепенно они встраиваются в грамматическую и орфографическую структуру языка, но воспринимаются носителями как чужеродные (Крысин, 1996). В дальнейшем чужеродность пропадает, а уместность употребления зависит от того, в какой коммуникативной ситуации находится говорящий, какова речевая практика социальной группы, каков жанр высказывания. Постепенно ограничения (жанрово-стилистические, ситуативные и социальные) уходят, семантика слова стабилизируется. На последнем этапе происходит регистрация лексической единицы в нормативных словарях, где она официально закрепляется в системе языка (Цибизова, Галанкина, 2021).

Как правило, заимствованные существительные в русском языке приобретают второе склонение мужского рода (*пруф, мув, муд, вайб*) (Lacková, 2021). Иногда при переходе из одного языка в другой меняется часть речи: из прилагательных (в английском) в существительные (в русском): олды, токсик. Прилагательные и наречия приобретают суффиксы (*вайбовый, кринжовый*). Иноязычные глаголы в русском языке образуют различные виды спряжений. Некоторые языковые единицы остаются без склонения, какие-то обходятся без грамматикализации (*найс*, так в молодежной среде принято выражать одобрение).

Из материалов социальных сетей и молодежных российских СМИ авторами статьи были отобраны и описаны 15 сленгизмов, которые встречались наиболее часто с 2019 по 2022 г. Далее эти лексические единицы были ранжированы в зависимости от их значения, затем был найден ответ на вопрос: на каком этапе усвоения находятся эти сленговые слова.

Обсуждение

Американские сленгизмы в российских медиа

Чилить (от англ. to chill – расслабленно отдыхать, бездельничать). Изначально термин использовался, чтобы передать состояние после вечеринки. Постепенно с помощью этого слова стали описывать отдых в кафе, кинотеатре, в парке. Если человек *чилит*, то такое времяпрепровождение не предполагает ни физического, ни умственного напряжения. Глагол *чилить* применяют геймеры: это означает выждать удобного момента, чтобы атаковать противника. Пример употребления сленгизма *чилить* в значении празднично отдыхать – в статье журнала Elle Girl «Топ-15 самых интересных

челленджей TikTok в 2020 году»: «Спокойный и расслабленный трек, под который люди обычно чилили на пляже»³.

Флексить (от англ. to flex – танцевать под клубную музыку, ритмично изгибаясь). Прародителем сленгизма стало английское слово flexible (гибкий). В английском языке существует также глагол to flex, который переводится на русский как шевелить и сгибать. *Флексить* в качестве сленгового слова означает проводить время шумно в большой компании, например, на дискотеке или вечеринке. Если один собеседник просит другого показать, как он *флексит*, следует продемонстрировать свои танцевальные умения и навыки. Приглашение пойти вместе *пофлексить* означает идти на концерт популярного исполнителя, чтобы потанцевать под любимую музыку. Российская певица Ольга Серябкина опубликовала пост в соцсети «ВКонтакте» (VK): «Весь декабрь флексила туда-сюда, но даже не думала, что на 3 дня так улечу...»⁴

Существительное *флекс* может означать танцы и музыку, атмосферу веселья. Сленгизм также употребляется в значении хвастаться, выпендриваться. Этот перенос значения выглядит логичным: в клубах подростки не только танцуют и весело проводят время, но и пытаются произвести впечатление на сверстников. *Флексом* могут обозначать обыкновенное хвастовство, такое как рассказывание историй (в том числе вымышленных) одноклассникам, чтобы показаться лучше, чем есть на самом деле, или даже амбициозные планы и цели на будущее. Иногда *флексить* означает смеяться с друзьями над человеком или ситуацией, рассказывать смешные истории.

Читерить (от англ. to cheat – обманывать). Этот сленгизм пришел из мира компьютерных игр, где *читер* – нечестный игрок, использующий специальные коды для получения бонусов. Происходит от английского to cheat, что обозначает игру не по правилам в широком смысле. Постепенно в русском языке это слово вышло за пределы компьютерных игр: *читером* могут назвать того, кто использует что-то запрещенное в реальной жизни. *Читерить* также употребляется в значении изменять кому-то.

Шеймить (от англ. to shame – позорить, срамить, стыдить). Происходит от английского глагола to shame, означающего стыдить или позорить. В русском языке у данного термина похожее значение. Когда кого-то *шеймят* (человека или группу лиц) это значит, что его (их) осуждают либо за несоответствующую общепринятым нормам внешность или непривычное поведение. В основе *шейминга*, как и любой дискриминации, лежит уверенность в том, что окружающие обязаны соответствовать стандартам. Этот сленгизм можно употреблять как синоним к глаголу *буллить* (травить) или *хейтить* (проявлять ненависть, оскорблять), но *шейминг* по сравнению с ними не столь агрессивный. «В любом случае, не забывай, что такие твиты –

³ Топ-15 самых интересных челленджей TikTok в 2020 году. URL: <http://https://www.ellegirl.ru/articles/top-15-samykh-interesnykh-chellendzhei-tiktok-v-2020-godu/?ysclid=15o570bezm765799929> (дата обращения: 01.05.2022).

⁴ Пост Ольги Серябкиной в VK. URL: https://vk.com/wall-164065399_300?ysclid=15o8nt8av6495405783 (дата обращения: 01.05.2022).

тоже самый настоящий шейминг, который не улучшает ситуацию», – предупреждает подростков журнал Elle Girl⁵.

В молодежном сленге существует слово и с противоположным значением – *стэнить*, что означает быть страстным фанатом кого-либо, восхищаться кем-то (звездами шоу-бизнеса или популярными блогерами).

Краш (от англ. to crush – раздавить, растоптать, сокрушить) – это тот, к кому испытываешь сильное чувство влюбленности. В русском языке также появился и женский вариант – *крашиха*, так называют любимую девушку или признанную красавицу. Соответственно, *вкрашиться* означает влюбиться. Elle Girl предлагает читателям пройти тест: «Чей ты краш?»⁶. В английском языке существует устойчивое сленговое словосочетание *to have a crush on somebody*, которое означает влюбиться в кого-либо. Также существует выражение *my first crush*, что буквально переводится на русский как моя первая любовь. Это слово было вирусным в соцсетях, в том числе в TikTok, «ВКонтакте». Оно способно приобретать разный окрас. *Краш* – это и влюбленность, увлечение или симпатия к человеку, безответная любовь, которая тщательно скрывается (в большинстве случаев подразумеваются односторонние чувства, а не взаимная любовь).

Что характерно, *крашем* может быть не только человек: так молодые люди называют любую вещь, которая им нравится. Например, интересный сериал, отлично работающую программу, красивый закат, хорошую музыку, героев манги или аниме, модную одежду.

Другие смыслы приобретает слово *краш* в контексте компьютерных игр. Может быть синонимом слова *глюк* в ситуации, когда игра зависла в самый неподходящий момент, когда сломался компьютер.

Кринж (от англ. to cringe – съежиться, сжаться) – это состояние, связанное со стыдом и неловкостью. Изначально этот термин обозначал те чувства, которые испытывал пользователь, читая или просматривая контент невысокого качества. Теперь *кринж* становится синонимом словосочетания *испанский стыд*: подросток, родители которого не могут освоить новую соцсеть будет испытывать *кринж*. Слово *кринж* часто встречается в заголовках Elle Girl: «Это кринж! Самые жуткие принты в одежде, про которые тебе стоит забыть раз и навсегда»⁷. У этого слова высокая сочетаемость с различными определениями: невероятный *кринж*, ужасный *кринж*. Кроме того, *кринж*, перекочевав в русский язык, успел образовать ряд производных слов: *кринжовый* (нечто стыдное, мерзкое или отвратительное), *кринжеватый* (то же, что и кринжовый, но слабее), *кринжевать* (вызывать своими действиями отвращение либо непосредственно чувствовать его), *кринжово* (плохо, мерзко)⁸.

⁵ Джастина Бибера осудили за бесчувственные комментарии о коронавирусе. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/dzhastina-bibera-osudili-za-beschuvstvennyye-kommentarii-okoronaviruse/?ysclid=15tixc02yd256529668> (дата обращения: 01.02.2022).

⁶ Тест «Чей ты краш?» URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/test-chei-ty-krash/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁷ Это кринж! Самые жуткие принты в одежде, про которые тебе стоит забыть раз и навсегда. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/eto-krinzh-samyeh-zhutkiy-printy-v-odezhde-pro-kotorye-tebe-stoit-zabyt-raz-i-navsegda/> (дата обращения: 11.08.2022).

⁸ См.: Баранова Е.А. Поговорить с детьми и не выглядеть кринжово: разбираемся в подростковом сленге. URL: <https://www.kp.ru/daily/28295/4433826/> (дата обращения: 11.08.2022).

Из уголовного жаргона в молодежный сленг пришло более экспрессивное слово, чем *кринж*, но с близким значением – *заиквар*. Таким словом называют все неприятное, немодное, дешевое или позорное. В понятие *заиквар* входят как поступки, которые окружающие могут счесть недостойным, так и события или предметы, не соответствующие ожиданиям окружающих и способные испортить репутацию. *Заикваром* становятся те вещи, которые ранее были очень модными, а потом стали банальными. Данный сленгизм уже образовал наречие *заикварно*, прилагательное *заикварный* и глагол *заиквариться*⁹.

Имба (от англ. imbalanced – несбалансированный, дисбаланс). Обычно *имбовой* вещью или *имбой* называют кого-то или что-то в компьютерной игре, что эффективно разрушает игровой баланс. Например, это может быть некий предмет, позволяющий его обладателю легко побеждать соперников. *Имбовый* предмет/персонаж отличается от *неимбового* тем, что очень силен и лишен недостатков, в результате чего становится в некоторой мере несбалансированным. «Слишком имбовый за свои деньги», – пишет о пистолете Desert Eagle интерактивный портал о киберспорте CQ.RU¹⁰. В редких случаях *имбой* могут назвать, напротив, очень слабого персонажа, так как он тоже нарушает игровой баланс, только в другую сторону. *Имбой* являются опытные геймеры, играющие почти идеально, которые довели своих персонажей до высочайших уровней. Данный сленгизм употребляется не только геймерами. Он может означать что-то очень особенное, что выделяется на фоне остальных.

Донатить (донат) (от англ. to donate – жертвовать, пожертвовать). Подразумевается любая добровольная материальная помощь (милостыня бездомным тоже воспринимается как *донат*). Сленгизм пришел из компьютерных игр: *задонатить* – значит перевести деньги на игровой счет. Чаще всего деньги жертвуют стримерам, создателям полезных программ, видеоблогерам, авторам книг, музыки, художникам, режиссерам. Переводы осуществляются через сторонние сервисы, такие как OBS и Donationalerts, или деньги непосредственно отправляются на платежные реквизиты. OnlyFans – это ресурс, на котором люди донатят медийным личностям деньги и за это получают их интимные изображения», – пишет журнал Elle Girl¹¹. *Донатерами* называют людей, добровольно жертвующих денежные средства конкретному человеку или проекту. *Донаты* позволяют снять ограничения, имеющиеся в бесплатной версии программы или приложения, получить дополнительные привилегии в игре или сделать своего персонажа более эстетически привлекательным, за-

⁹ 10 слов, которые помогут лучше понимать подростков. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/10-slov-kotorye-pomogut-luchshe-ponimat-podrostkov> (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁰ YEKINDAR: «Desert Eagle слишком имбовый за свои деньги». URL: <https://cq.ru/news/cs-go/yekindar-desert-eagle-slishkom-imbovyi-za-svoi-dengi?ysclid=15tly0o3wo130910508> (дата обращения: 01.05.2022).

¹¹ Энсел Эльгорт опубликовал полностью обнаженное фото с очень благой целью. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/ensel-elgort-opublikoval-polnostyu-obnazhennoe-foto-s-ochen-bлагоi-celyu/?ysclid=15tn7zp8a3774489865> (дата обращения: 01.05.2022).

дать вопрос селебрити и получить на него ответ или просто материально помочь интересному проекту или нуждающемуся человеку.

Чекинуться (от англ. to check in – зарегистрироваться). Это значит обозначать свое присутствие где-либо (как правило, в развлекательных учреждениях) с помощью отметки или тега в соцсетях. Например, компания выкладывает в соцсети совместную фотографию в модном кафе. «Надеюсь на безвизовый въезд, например, чтобы „яблочники“ и хипстеры могли свободно ездить в храм (ну, в смысле в магазин Apple на Пятой авеню), зачекинуться, кто-то купить, а кто-то просто постоять, загадать, намолить новую модель», – пример употребления сленгизма на платформе Spletnik.ru¹². В редких случаях используется в других значениях: зарегистрироваться на авиарейс или подключиться к Wi-Fi.

Олды (от англ. old – старый, старинный). *Олд* – антоним к «современный», «модный». Это сленговое слов употребляли в своей речи стилиаги конца 1940-х – начала 1950-х годов, в настоящее время оно обрело новые значения. *Олдами* современные молодые люди пренебрежительно называют не только людей пожилого возраста, но и тех, кто старше их всего на несколько лет. *Олды* – фанаты музыкальных групп или компьютерных игр, которые перестали быть модными, а также те, кто подписан на форум или паблик в соцсетях с самого его основания. *Олдами* часто называют тех, чьи взгляды на жизнь устарели, кто не разбирается в модных подростковых веяниях или же говорит о чем-то занудно и серьезно. Ностальгирующие люди – это тоже *олды*. Например, те, кто застал кнопочные телефоны или помнит арканойд, видеоигру Super Mario для игровых автоматов 1980-х годов. Совсем неважно, что эта игра про водопроводчика существует и сейчас, последний раз в формате 3D она вышла в 2021 году. *Олдами* будут те геймеры, которые помнят изначальные версии аркады и могут предаваться ностальгии вместе с людьми своего возраста. Пример использования сленгизма: «Ностальгия для олдов: Тимати снял в новом клипе свою бывшую возлюбленную Алексу»¹³. Вопрос-мем «олды тут?» часто встречается в медиапространстве под старыми фото, видео, аудио из прошлого, которые хорошо знакомы *олдам*.

Токсик (от англ. toxic – токсичный). В 2018-м Оксфордский словарь назвал *toxic* словом года. Слово не утратило популярности, широко используется как в реальной жизни, так и в медиапространстве. Слово пришло в повседневную речь из психологии, где нередко людей или некоторые виды отношений называют токсичными, так как они отравляют жизнь и портят настроение. Быть токсичным человеком – значит вести себя некрасиво по отношению к другим людям, не проявлять к ним уважения, говорить им вещи, которые подрывают их самооценку, оскорблять собеседников, распространять слухи. *Токсики* любят осуждать других, искать отрицательные ка-

¹² Кети Топурия, Филипп Киркоров и другие российские звезды прокомментировали победу Дональда Трампа. URL: <https://www.spletnik.ru/buzz/chronicle/71263-topuriya-kirkorov-rossiyskie-zvezdy-pro-pobedu-trampa.html?ysclid=15to2jnree920105465> (дата обращения: 01.05.2022).

¹³ Ностальгия для олдов: Тимати снял в новом клипе свою бывшую возлюбленную Алексу. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/nostalgiya-dlya-oldov-timati-snyal-v-novom-klipe-svoyu-byvshuyu-vozyublennuyu-aleksu/?ysclid=15tog9j4ud652175131> (дата обращения: 01.05.2022).

чества, указывать на несовершенства, бесконечно ныть и жаловаться на проблемы. Elle Girl предлагает пройти тест: «Ответь на 8 вопросов и узнай самую токсичную черту твоего характера»¹⁴.

В социальных сетях *токсиками* называют тех, кто дает негативные комментарии или ненужные советы под постами других пользователей. Среди геймеров токсичным посчитают игрока, который подставляет свою команду или союзников, в результате чего они рискуют проиграть, а также пишет бессмысленные или оскорбительные сообщения в игровом чате.

Войсить (войс) (от англ. to voice – выразить, высказать). Сленгизм стал активно использоваться, когда во многих социальных сетях и мессенджерах появилась функция отправления голосовых сообщений. В последнее время практически полностью вытеснил популярное ранее словосочетание «записывать голосовуху». Глагол *войсить* обозначает процесс записи, а существительное *войс* – само голосовое сообщение. *Войсы* удобны, когда у человека заняты руки. Не все любят их прослушивать. Поэтому современные правила хорошего тона рекомендуют заранее узнать у собеседника, можно ли отправить ему *войс*. Пример использования: «Ведь пробежаться по содержанию месседжа глазами не получится, да и вообще слушать «войсы» часто просто неудобно из-за фоновых шумов»¹⁵.

Форсить (от англ. forcing – заставлять, вынуждать). *Форсить* – значит делать что-то популярным, продвигать что-либо, кого-либо. Обычно значение этого слова негативное, близкое к понятию «навязывать» (когда о человеке или предмете говорят настолько часто, что это начинает раздражать). В некотором смысле это слово противоположно *вирусу*: вирусная реклама, картинка или видео становятся популярными случайно, а вот если все вышперечисленное раскручивается специально, то мы имеем дело с *форсом*. В заголовке к ролику на сайте общественно-политического ток-шоу «60 минут» употреблен этот сленгизм: «„Муки Зеленского“: Интернет форсит новые ролики с президентом Украины»¹⁶.

Вайб (от англ. vibe – вибрация). Если кто-то говорит, что у него свой *вайб*, это значит, что у человека скорее всего позитивное настроение. В то же время далеко не всегда *вайб* – это обязательно что-то приятное: он вполне может быть грустным или угнетающим. Наиболее часто используется в ситуациях, когда необходимо передать свои эмоции, связанные с музыкой. Также *вайб* – это некая энергия, хорошая атмосфера, которая окружает человека. «На фотографии от Селены исходит максимально комфортный *вайб*»¹⁷. Данное слово уже трансформировалось в прилагательное и наречие, его можно употреблять в таких формах, как *вайбовый* или *вайбово*.

¹⁴ Тест «Ответь на 8 вопросов и узнай самую токсичную черту твоего характера». URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/test-otvet-na-8-vooprosov-i-uznai-svoyu-samuyu-toksichnyuyu-chertu-kharaktera/?ysclid=15tor05h6e684446424> (дата обращения: 01.05.2022).

¹⁵ Ты же леди: можно ли отправлять голосовые сообщения по правилам этикета. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/ty-zhe-ledi-mozhno-li-otpravlyat-golosovye-soobsheniya-po-pravilam-etiketa/?ysclid=15tp9mcb8z805414563> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁶ «Муки Зеленского»: интернет форсит новые ролики с президентом Украины. URL: <https://smotrim.ru/video/2269855?ysclid=15tpm624el82442711> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁷ Селена Гомес поделилась милым «карантинным» фото без макияжа. URL: <https://www.ellegirl.ru/articles/selena-gomes-podelilas-milym-karantinnym-foto-bez-makiyazha/?ysclid=15tqaybid243415666> (дата обращения: 01.02.2022).

Необходимо отметить, что в качестве сленгизмов достаточно часто выступают не только слова, но и аббревиатуры. Это говорит о том, что сокращения стали частью речевой культуры подростков. Аббревиатуры позволяют не только быстро написать слово или целую фразу, но также обладают особой эмоциональной окраской. Но это уже тема другой статьи.

Американские сленгизмы и их антонимы в TikTok

Отличительной особенностью представителей цифрового поколения является их тотальная включенность в виртуальную реальность, где они создают развлекательный контент. До февраля 2022 года наиболее популярным сервисом у российских подростков был TikTok – приложение для создания коротких видео. Этот медиаресурс появился в 2016 и быстро превратился в одно из самых быстрорастущих и скачиваемых приложений в мире.

До начала марта 2022, когда компания объявила о прекращении распространения контента в России, TikTok оказывал огромное влияние на молодежь. Исследуя ценности и жизненные приоритеты подростков, мы сопоставили количество просмотров видео в TikTok по хештегам: с одной стороны – хештеги с рассмотренными выше сленгизмами, с другой – хештеги, имеющие противоположные значения.

О широкой распространенности сленгизма *флексить* среди современных подростков говорит тот факт, что видео по хештегу «флекс» в TikTok набрало более 800 миллионов просмотров (Баранова, Лаврова, 2021, с. 154). При этом количество просмотров видео по хештегу «музей» – 265 миллионов. Еще меньшее распространение получил хештег «выставка» – 145 миллионов. Можно предположить, что современные молодые люди реже ходят в музеи и на выставки, чем в клубы или на дискотеки.

Если сравнить просмотры видео по хештегам «чилить» и «работать», то первый значительно опережает второй: 105 миллионов просмотров против 38 миллионов. Из этого можно сделать вывод, что российские подростки тянутся к легкой жизни, при этом приложение собственных усилий для достижения целей кажется им гораздо менее привлекательным занятием (Баранова, Лаврова, 2021, с. 154). Казалось бы, в молодежном сленге есть слово *скрафтить* (от английского craft – ремесло), но оно редко используется в значении сделать что-либо своими руками. Обычно имеется в виду виртуальное производство в компьютерной игре (отсыл к одной из первых стратегических игр Warcraft). В большинстве случаев *крафтить* – собирать оружие, доспехи для игровых виртуальных персонажей.

Число просмотров видео в TikTok по хештегам «читер» и «честность» – более 600 миллионов против 147 миллионов. Можно предположить, что различные формы лжи приветствуются современной молодежью, целенаправленное искажение информации не воспринимается как нечто негативное. Отметим, что сленгизма, который использовался бы в качестве синонима к слову «честность», не существует. Сленговая единица *трушный* (от англ. true – истинный, настоящий, правдивый) означает реальный или же настоящий. В таком значении одного из рэперов могут посчитать *трушным* исполнителем, а другого – расчетливым бизнесменом. Таким образом, *трушность* вряд ли можно трактовать как синоним правды и честности.

После сравнения количества просмотров видео в TikTok по хештегам «токсичный» и «позитивный» получился следующий результат: 18 миллионов просмотров против 12,7 миллиона. Можно предположить, для подростков быть неуживчивым, язвительным, трудным в общении сегодня удобнее, чем быть открытым и доброжелательным. Отчасти это объяснимо психологическими проблемами возраста.

Еще одно сравнение было проведено со словом *кринж*. Его антонимом является отечественная сленговая единица *мила*, обозначающая что-то приятное. Она востребована молодежью (видео с таким хештегом набрали в TikTok 2,5 миллиарда просмотра), однако американский сленгизм все же популярнее, о чем свидетельствуют 3,2 миллиарда просмотров.

Заключение

Язык, на котором говорят подростки, быстро подхватывают медиа, позиционирующие себя как молодежные. Это позволяет им удерживать аудиторию, привлекать читателей, слушателей и зрителей, формировать у них определенные желания и стремления. Изучив лексические значения сленгизмов, которые наиболее часто встречаются в молодежных СМИ, авторы вывели жизненные приоритеты их целевой аудитории. Современные российские подростки, которые проводят гораздо больше времени в интернете, чем их родители, сфокусированы на онлайн-жизни, особенно компьютерных играх, центральное место в их мировосприятии занимают транслируемые в медиапространстве ценности. Не меньший интерес вызывают у молодых людей праздное времяпрепровождение и увеселительные мероприятия. Не теряет актуальности и сфера межличностных отношений, стоит особо отметить, что три из пяти сленгизмов этой категории (*читерить*, *шеймить*, *токсик*) имеют негативную окраску. А значит, подростки не видят ничего плохого в том, чтобы обманывать и оскорблять, быть неприятными в общении. Большинство изученных сленговых слов находятся на втором и третьем этапе усвоения, они активно входят в русский язык. До прекращения распространения своего контента в России соцсеть TikTok являлась наиболее популярной у русскоговорящих подростков. Изучив хештеги видеосюжетов в TikTok, мы выяснили, что подростки тяготеют к беззаботной жизни, работа не кажется им привлекательным занятием. Также мы обнаружили, что в большинстве случаев модные тенденции задают так называемые элитарные слои общества, остальные им подражают, это относится и к молодежным субкультурам, и к сленговым словам.

Список литературы

- Баранова Е.А., Лаврова К.А. Американские сленгизмы как индикатор трансформации морально-нравственных ценностей российских подростков // Медиаландшафт России и мира: прошлое, настоящее и будущее: сборник научных статей. М.: РУДН, 2021. С. 150–158.
- Власов М.С., Трофимова У.М., Подрезов М.В., Абдуллина, У.В. Связь частотности и эмотивности молодежных сленгизмов русского языка (на материале психолингвистической базы данных) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 5–15. <http://doi.org/10.17223/15617793/457/1>

- Волкова И.И. Игровой сленг цифрового поколения: «пасхалка» в «Коммерсанте» // Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов: материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Е.Д. Поливанова. Бишкек, 2021. С. 277–281.
- Иомдин Б. Да что вы говорите! // Семья и школа. 2021, апрель. С. 28–29.
- Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142–161.
- Лацкова М. Морфологические особенности лексических единиц английского происхождения в современном русском сленге: словарный и корпусный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 632–651. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-632-651>
- Хагуров Т.А., Чепелева Л.М. Социально-психологические причины распространения субкультуры «АУЕ» (неявные факторы актуальной проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 322–339. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339>
- Цибизова О.В., Галанкина И.И. Англицизмы в молодежном сленге 2020–2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684–698. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698>
- Чебаненко В.В. Провокация в политическом дискурсе: пропаганда или игра? // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 12 ноября 2020 года). М.: РУДН, 2020. С. 283–287.
- Flexner S.B. I hear America talking: An illustrated treasure of American words and phrases. New York: Van Nostrand, 1976.
- Partridge E.A. Dictionary of slang and unconventional English. New York: Macmillan Publishing Co., 1984. <http://doi.org/10.4324/9780203379981>
- Volkova I., Kadyrova S., Rastorgueva N., Algavi L. From the Silent House Meme to the Blue Whale-game: the storyworld's transformation // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. Albena, Bulgaria. <http://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/41/S16.032>

References

- Baranova, E.A., & Lavrova, K.A. (2021). American slangisms as an indicator of the transformation of moral values of Russian teenagers. *Media Landscape of Russia and the World: Past, Present and Future: Collection of Scientific Articles* (pp. 150–158). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Chebanenko, V.V. (2020). Provocation in political discourse: Propaganda or game? *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects: Materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, November 12, 2020)* (pp. 283–287). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
- Flexner, S.B. (1976). *I hear America talking: An illustrated treasure of American words and phrases*. New York: Van Nostrand.
- Iomdin B. (2021, April). What are you talking about! *Family and School* (pp. 28–29). (In Russ.)
- Khagurov, T.A., & Chepeleva, L.M. (2021). Social-psychological reasons for the spread of the “AUE” subculture (hidden factors of the problem). *RUDN Journal of Sociology*, 21(2), 322–339. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-322-339>
- Krysin, L.P. (1996). Foreign-language word in the context of modern social life. *Russian Language of the Late XX Century (1985–1995)* (pp. 142–161). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ. (In Russ.)

- Lacková, M. (2021). Morphological peculiarities of lexical units of English origin in contemporary Russian slang: Dictionary and corpus analyses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 632–651. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-632-651>
- Partridge, E.A. (1984). *Dictionary of slang and unconventional English*. New York: Macmillan Publishing Co.
- Tsibizova, O.V., & Galankina, I.I. (2021). Loan words from English in youth slang 2020–2021: Evidence of description and analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 684–698. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698>
- Vlasov, M.S., Trofimova, U.M., Podrezov, M.V., & Abdullina, U.V. (2020). The relationship between word frequency and affective characteristics of youth slang words in Russian (evidence from a psycholinguistic database). *Tomsk State University Journal*, (457), 5–15. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/15617793/457/1>
- Volkova, I. (2021). Gaming slang of the digital generation: “Easter eggs” in Kommersant. *Free Discussion about the Language and the Dynamics of the Development of Language Processes: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 130th Anniversary of E.D. Polivanova* (pp. 277–281). Bishkek. (In Russ.)
- Volkova, I., Kadyrova, S., Rastorgueva, N., & Algavi, L. (2017). From the Silent House Meme to the Blue Whale-game: The storyworld's transformation. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017*. Albena, Bulgaria. <http://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/41/S16.032>

Сведения об авторах:

Баранова Екатерина Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры квалиметрии, коммуникационного менеджмента и управления отношениями, Российский государственный социальный университет. ORCID: 0000-0003-1794-9936. E-mail: kat-journ@yandex.ru

Лаврова Карина Александровна, соискатель кафедры квалиметрии, коммуникационного менеджмента и управления отношениями, Российский государственный социальный университет. ORCID: 0000-0003-2361-9116.

Чебаненко Виктор Викторович, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-2227-7695. E-mail: v.v.chebanenko@gmail.com

Bio notes:

Ekaterina A. Baranova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Qualimetry, Communication Management and Relationship Management, Russian State Social University. ORCID: 0000-0003-1794-9936. E-mail: kat-journ@yandex.ru

Karina A. Lavrova, Competitor of the Department of Qualimetry, Communication Management and Relationship Management, Russian State Social University. ORCID: 0000-0003-2361-9116.

Victor V. Chebanenko, PhD student, Mass Communication Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0003-2227-7695. E-mail: v.v.chebanenko@gmail.com

МЕДИАПОЛИТИКА MEDIA POLICY

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-788-807

УДК 32.019.5

Научная статья / Research article

Формирование предвыборного политического дискурса в аудиовизуальных СМИ Грузии

Н. Скворцова^{1,2} , И.И. Волкова² , А. Сихарулидзе^{3,4} ,
Д. Абазов² , А. Довлатова^{2,5}

¹Грузино-российский общественный центр имени Е.М. Примакова,
Грузия, Тбилиси, ул. Баку, д. 2

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

³Грузинский институт общественных проблем,
Грузия, Тбилиси, ул. Броссе, д. 2

⁴Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили,
Грузия, Тбилиси, пр. Чавчавадзе, д. 1

⁵Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36

 nino.skvortsova@gmail.com

Аннотация. На основе качественного и количественного анализа аудиовизуального материала двух грузинских СМИ представлена эмпирическая база исследования о формировании политических дискурсов и их влиянии на общественно-политическую жизнь страны. Изучен медийный контент за предвыборный период 2020 года (сентябрь – октябрь): 2337 публикаций аудиовизуального формата. Анализ телевизионных материалов представляет интерес для понимания информационной и политической среды в обществе, где медиаресурсы непосредственно связаны с различными группами интересов. В СМИ наблюдается высокая концентрация политического фактора, определяющего дискурс того или иного медиа. Принимая во внимание нарастающую политическую поляризацию в Грузии, средства массовой информации занимают соответствующую позицию по отношению к политическим силам и выстраивают дискурс, отвечающий интересам определенных групп акторов. Общественность получает идеологически обработанную информацию и, несмотря на демократизацию методов политической борьбы, находится в ситуации, когда политические силы в угоду партийным интересам используют дозированное информирование и дезинформацию как методы борьбы с оппонентами. Представленный анализ – один из первых результатов межвузовского проекта «Средства массовой информации в политических процессах Грузии», он важен для понимания

© Скворцова Н., Волкова И.И., Сихарулидзе А., Абазов Д., Довлатова А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

трендов грузинских СМИ, относящихся как к внутренним, так и к внешним факторам. Результаты исследования раскрывают закономерности, присущие различным телеканалам в контексте медийного пространства и политической среды в Грузии.

Ключевые слова: парламент, выборы, СМИ, телевидение, демократизация, Грузия

Благодарности и финансирование. Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке статьи Нине Габуния, директору НКО «Альянс грузинских студентов и выпускников вузов стран постсоветского пространства – Кера», организатору молодежной конференции «Новая платформа для сотрудничества молодых журналистов Грузии и России» (2021).

Вклад авторов. Н. Скворцова – концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; И.И. Волкова – анализ полученных данных, написание текста; А. Сихарулидзе, Д. Абазов, А. Довлатова – сбор и обработка материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 29 июня 2022 г.; откорректирована 8 сентября 2022 г.; принята к публикации 27 сентября 2022 г.

Для цитирования: Скворцова Н., Волкова И.И., Сихарулидзе А., Абазов Д., Довлатова А. Формирование предвыборного политического дискурса в аудиовизуальных СМИ Грузии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 788–807. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-788-807>

Formation of pre-election political discourse in the audiovisual media of Georgia

Nino Skvortsova^{1,2}, Irina I. Volkova², Archil Sikharulidze^{3,4},
Dimitri Abazov², Ana Dovlatova^{2,5}

¹*E.M. Primakov Georgian-Russian Public Center,
2 Baku St, Tbilisi, Georgia*

²*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

³*Georgian Institute of Public Affairs,
2 Brosset St, Tbilisi, Georgia*

⁴*Ivane Javakhishvili Tbilisi State University,
1 Ilia Chavchavadze Ave, Tbilisi, Georgia*

⁵*Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation*

 nino.skvortsova@gmail.com

Abstract. Based on qualitative and quantitative analysis of the audio-visual material of two Georgian media outlets, the empirical base of research on the formation of political discourses and their influence on the socio-political life of the country is presented. Media content during the pre-election period September – October 2020: about 2337 publications of audio-visual character. The analysis of television content is of interest for understanding the information and political environment in a society where media is directly linked to various interest groups. There is a high concentration of the political factor in the media that determines its discourse. Taking into account the increasing political polarization in Georgia, the mass media also take an appropriate stance towards political actors and form discourse that serves the political agenda of a certain interest group. The public receives ideologically processed infor-

mation and, despite the factor of democratization of the methods of political struggle, finds itself in a situation where political forces use information and disinformation as a method of combating opponents. The presented analysis is one of the first results of the inter-university project “Mass Media in Political Processes of Georgia”, it is crucial for understanding the trends of Georgian mass media related to both internal and external factors. The results of the research show the patterns inherent in different TV channels in the context of media and political environment in Georgia.

Keywords: parliament, elections, mass-media, democratization, Georgia

Acknowledgements and Funding. The authors would like to express their gratitude to Nina Gabunia, director of the NGO Alliance of Georgian Students and Graduates of Post-Soviet States – Kera, organiser of the youth conference “A New Platform for Cooperation between Young Journalists in Georgia and Russia” (2021) for her support in conducting research for the article.

Authors’ contribution. Nino Skvortsova – conception and design of the study, analysis of the obtained data, writing the text; Irina I. Volkova – analysis of the obtained data, writing the text; Archil Sikharulidze, Dimitri Abazov, Ana Dovlatova – collection and procession of research data and materials.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 29, 2022; revised September 8, 2022; accepted September 27, 2022.

For citation: Skvortsova, N., Volkova, I.I., Sikharulidze, A., Abazov, D., & Dovlatova, A. (2022). Formation of pre-election political discourse in the audiovisual media of Georgia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 788–807. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-788-807>

Введение: теоретическая база исследования

Средства массовой информации как важный инструмент политических процессов приобретают особое значение, когда сливаются с политической сферой. Важно, что в современной политологии СМИ характеризуются, например, такими эпитетами, указывающими на их важную роль: «великий арбитр», «четвертая власть» (Телоев, 2016, с. 128). Вера во всемогущество телевидения настолько велика, что политические деятели считают, что тот, кто контролирует именно телевизионные СМИ, контролирует всю страну. Действительно, современная политика немыслима без средств массовой информации: они создают пространство для мониторинга политических процессов, противостояния политических позиций, связывают политиков с обществом. Естественно, что СМИ занимают важное место в развитии грузинского государства, особенно после «Революции роз» (Наумов, 2018). Особенно актуальными представляются работы, разрабатывающие общественно-политическую проблематику СМИ в Грузии.

В XX веке бурный рост средств массовой коммуникации (СМК) привел к трансформации культурного мировоззрения. «Дегуманизация» культуры способствовала формированию нового виртуального мира общения, что само по себе потребовало нового осмысления феномена массовой коммуникации (Ortega у Gasset, 1968). В теории массовой коммуникации обозначились два направления. Согласно человекоцентричному подходу, люди ис-

пользуют СМК для удовлетворения своих потребностей и стремлений. Сторонники этого направления считали, что люди избирательно воспринимают предоставляемую информацию. Они выбирают 11 фрагментов информации, которые соответствуют их мнению, и игнорируют информацию, которая отличается от их мнения (Burrage, 1969). Медиаориентированный подход к массовой коммуникации основан на представлении о том, что люди подвержены влиянию СМК, которые действуют как наркотик. Эту точку зрения развивает Д. Маккуэйл, он первым обратил внимание на то, что средства массовой информации, особенно телевидение, могут формировать мнение независимо от содержания информации. Информация, которая передается с помощью различных средств информации, сама по себе является инструментом воздействия. По словам Маккуэйла, телевидение – это «трубка», через которую можно передавать все, что угодно. При передаче информации телевидение не является нейтральным, оно обогащает информацию своими качествами. Все, что транслируется по телевидению, становится телегеничным. Телевидение охватывает время и пространство одновременно, в результате чего активно влияет на пространственно-временное восприятие информации. «Телевизионное поколение, с одной стороны, творец сегодняшнего дня, а с другой – его жертва» (McQuail, 1991, p. 121).

Многие ученые пытались создать универсальную концепцию политической коммуникации, но пока никому не удалось этого добиться. Исследователи М. Гуревич и Дж. Блумер в работе «Системы политической коммуникации и демократические ценности» определяют политическую коммуникацию как «передачу различного рода информации и влияния от индивида к индивидууму, при этом первые отличаются друг от друга глубокой осведомленностью или полным неведением, обладают наибольшим влиянием или полностью бесправны, постоянно вовлечены (в политику) или – беззаботны, как блаженные» (Gurevitch, Blumler, 1994, p. 27). Это определение в основном используется политологами и полностью соответствует «модели влияния».

По Тоффлеру, политическая коммуникация – это особый научно-информационный комплекс, который составляет основу современного развитого общества, формирует его правящую элиту и устанавливает существенные отличия от общества с ограниченными средствами коммуникации в прошлом (Тоффлер, 2004). Л. Пай под политической коммуникацией понимал не односторонность сигналов, посылаемых элитами в массы, а весь спектр неформальных коммуникаций в обществе, оказывающих разнообразное и различное воздействие на политические процессы. При этом он отмечал, что политическая жизнь в любом обществе совершенно немыслима без использования устоявшихся способов политической коммуникации (Pye, 1967).

Методы исследования

Методологическая база данного исследования основывается на качественно-количественном анализе материалов аудиовизуальных средств массовой информации. Аудиовизуальные СМИ стали предметом исследования, поскольку данный контент является наиболее воспринимаемым среди зрителей. В выборку из числа самых рейтинговых грузинских телеканалов попа-

ли два – «Мтавари Архи»¹ и «Рустави 2»². Первый («Мтавари Архи») позиционирует себя в качестве независимого и оппозиционного телеканала, второй («Рустави 2») ранее находился во владении нынешнего главного редактора «Мтавари Архи», но по решению международного суда был возвращен владельцам. Согласно исследованию «Кавказский барометр» Центра исследовательских ресурсов Кавказа, в 2020 году 14 % процентов населения Грузии доверяет «Мтавари Архи». За «Мтавари Архи» следует «Рустави 2», которому доверяет 10 % опрошенных³. В 2022 данные показатели изменились, но не кардинально. По данным исследовательского института *CRRC Georgia*, «Мтавари Архи» пользуется доверием 18 % опрошенных, тогда как «Рустави 2» доверяют 16 % респондентов⁴. Следовательно, эти два телеканала представляют наибольший интерес ввиду формирующихся в них дискурсов, учитывая их наследие, доверие и позиционирование по отношению к правящей партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» (далее – «Грузинская мечта») и оппозиционной «Единое национальное движение» (ЕНД).

Данная работа включает материал, основанный на исследовании 2337 публикаций в обоих аудиовизуальных СМК, из которых на «Мтавари Архи» пришлось 424 новости за сентябрь и 579 за октябрь, а «Рустави 2» – 526 за сентябрь и 808 за октябрь.

Критерии поиска:

- интервью с представителями правительственного и оппозиционного спектров;
- «Грузинская мечта» без негативного контекста;
- «Грузинская мечта» в негативном контексте;
- новости про оппозиционные партии;
- международные наблюдатели и третьи лица (послы, консулы, депутаты, конгрессмены, эксперты и т. д.);
- исследования по предвыборной обстановке и социологические опросы;
- вопрос вмешательства извне (российский фактор в предвыборной гонке);
- другие новости.

Обсуждение

Грузия обладает свободным и разнообразным медийным пространством с многочисленными теле-, радио-, газетными и онлайн-СМИ, доступными для большинства граждан. Тем не менее, ландшафт сильно поляризован, саморегулируется и тесно связан с прошлыми и настоящими политическими деятелями или бизнес-группами, что позволяет использовать редакционный контент в унисон с политической риторикой дня. Телевизионные СМИ, основной источник новостей и информации, обычно воспринимаются

¹ Телеканал «Мтавари Архи». URL: <https://mtavari.tv/>

² Телеканал «Рустави 2». URL: <https://rustavi2.ge/en>

³ TVNEWSC: Which TV station do you trust? Caucasus Research Resource Center. 2020. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2020ge/TVNEWSC/> (accessed: 06.08.2022).

⁴ Что смотрят и читают жители Грузии – рейтинг телеканалов и соцсетей // Новости – Грузия. 2022. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/chto-smotrjat-i-chitajut-zhiteli-gruzii-rejting-kanalov-i-socsetej/> (дата обращения: 18.08.2022).

либо как проправительственные, либо как оппозиционные. Политический дискурс редко основывается на проблеме, но часто проводится на уровне взаимных обвинений. Отказ политических акторов от участия в дебатах не позволяет гражданам получить полную картину всех доступных политических вариантов, что влияет на их способность делать осознанный выбор.

В настоящее время телевидение остается основным источником информации для граждан Грузии. Телекомпания Грузии, пользующаяся наибольшим доверием с точки зрения новостей и политической информации, – это «Имеди» (40/50 %, если учитывать и вторые предпочтения), за ней следуют «Мтавари Архи» (16/24 %), «Рустави 2» (11/34 %) и «ТВ Пирвели» (5/15 %)⁵. В 2022 году данная цифра почти не претерпела изменений. Наибольшим доверием все так же пользуется «Имеди» (34/44, если учитывать вторые предпочтения), за ней следует «Мтавари Архи» (16/26), «Рустави 2» (9/28)⁶.

Хотя телевидение играет заметную роль в информационном пространстве, доверие к СМИ в целом низкое. Соцопрос «Кавказский барометр» Центра исследовательских ресурсов Кавказа в 2020 году показал следующее: 40 % жителей Грузии не доверяют СМИ, в то время как 8 % полностью не доверяют и только 3 % полностью доверяют СМИ⁷. Кроме того, в 2021 году было проведено исследование относительно того, как телевидение информирует общественность. Только 8 % считают, что телевидение очень хорошо информирует население, а 8 % считают, что очень плохо. Для подавляющего большинства (48 %) качество информации, предоставляемой телевидением, оценивалось как среднее⁸.

Избирательная кампания 2020 года

Медийная среда в Грузии интегрирована в политическую жизнь общества и является ее неотъемлемой частью. Способность медиума в общественно-политической коммуникации влиять на формирование общественного мнения и продвигать различные дискурсы в массы позволяет говорить о возможности средств массовой информации играть ключевую роль в ходе избирательной кампании.

Октябрьские выборы 2020 года в Грузии стали своеобразной лакмусовой бумажкой для выявления сильного влияния СМИ как на общественное мнение, так и на восприятие информации со стороны внешних наблюдателей. Политическая реальность в Грузии была искажена как в кривом зеркале, когда ряд СМИ начал публиковать информацию о победе оппозиционной

⁵ Public Opinion Survey: residents of Georgia. August 4–21, 2020. International Republican Institute, 2020. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/legacy/iri.org/iri_poll_presentation-georgia_august_2020.pdf (accessed: 01.06.2022).

⁶ Public Opinion Survey: residents of Georgia. March 2022. International Republican Institute, 2022. URL: file:///C:/Users/ThinkPad/Downloads/IRI-Poll-Presentation-Georgia-March2022_Final.pdf (accessed: 07.08.2022).

⁷ Trumedi: Trust – Media (%). Caucasus Research Resource Center, 2020. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2020ge/TRUMEDI/> (accessed: 07.08.2022).

⁸ QUALINF: How Well TVs in Georgia Inform the Population (%). Caucasus Research Resource Center, 2021. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2021ge/QUALINF/> (accessed: 07.08.2022).

партии, а другие – сообщали об убедительной победе партии власти. Влияние созданной информационной картины было столь мощным, что спустя долгое время после выборов граждане продолжали верить в победу оппозиции. Следовательно, напрашивался вывод, что действующая власть фальсифицировала выборы.

Избирательная система Грузии представляет собой смешанную систему по закрытым спискам и мажоритарную систему. Конституционные реформы 2020 года привели к трем заметным результатам: 1) переход от прежней системы 77 пропорциональных и 73 мажоритарных мандатов к системе 120 пропорциональных и 30 мажоритарных мандатов; 2) снижение необходимого национального пропорционального порога с 5 до 1 %; 3) минимальное требование 40 процентов мест по пропорциональному списку для формирования однопартийного большинства.

Официальный период предвыборной агитации начался 1 сентября, а срок подачи партийных списков истек 1 октября. Партии должны были представить партийные списки, включающие от 120 до 200 кандидатов, сохраняя при этом обязательную гендерную квоту: один из каждых четырех кандидатов по партийным спискам – женщина. Число кандидатов, баллотирующихся на мажоритарные места, составляет 492 человека, из них 107 женщин (примерно 21,75 %). По данным ЦИК, для участия в пропорциональном голосовании зарегистрировались 50 избирательных субъектов – 48 политических партий и два блока. Два списка были отклонены из-за несоблюдения гендерной квоты или ненадлежащей документации кандидата⁹.

В результате проведенной перед парламентскими выборами конституционной и избирательной реформы существующая избирательная модель приблизилась к пропорциональной системе, что явилось шагом вперед к обеспечению политического плюрализма в законодательном органе. Однако, несмотря на реформу избирательного законодательства, порядок комплектования избирательных комиссий остался без изменений. Проблема заключалась в наличии политических влияний в процессе отбора профессиональных членов избирательных комиссий и в вопросе их назначения партиями на непаритетной основе, что привело к доминированию правящей партии в избирательных комиссиях и сомнениям в беспристрастности и независимости избирательной администрации.

«Мтавари Архи» Vs «Рустави 2»

Количество публикаций за отчетный период в обеих телекомпаниях, составило 2337, из которых на «Мтавари Архи» пришлось 424 новости за сентябрь и 579 за октябрь, а «Рустави 2» – 526 за сентябрь и 808 за октябрь (рис. 1).

За сентябрь и октябрь на «Мтавари Архи» пришлось 1003 новости связанных с выборами. Среди них большая часть публикаций была посвящена оппозиции, а также новостям с критической оценкой «Грузинской мечты» (рис. 2).

⁹ Technical election assessment mission: Georgia 2020 parliamentary election pre-election report. 2020. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/legacy/iri.org/10.28.20_georgia_pre-election_report.pdf (accessed: 05.07.2022).

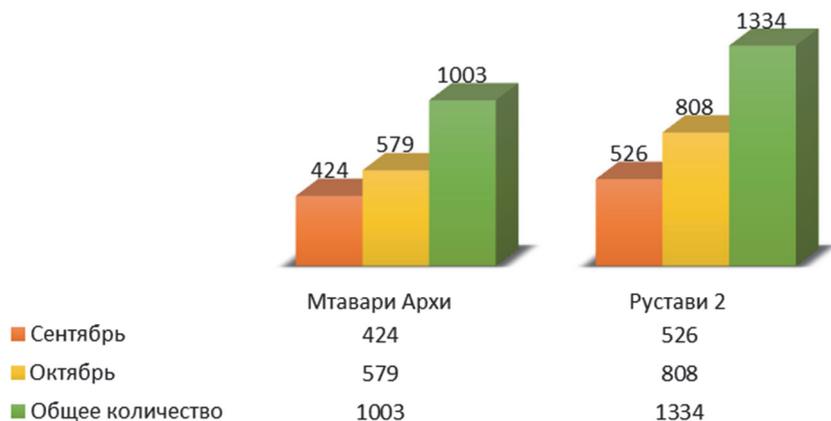

Рис. 1. Общее количество новостей за отчетный период

Источник: выполнено авторами.

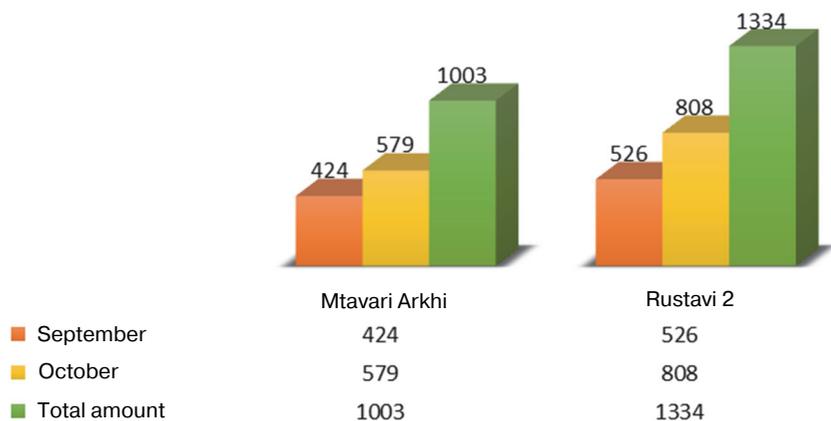

Figure 1. The total number of news for the reporting period

Source: performed by the authors.

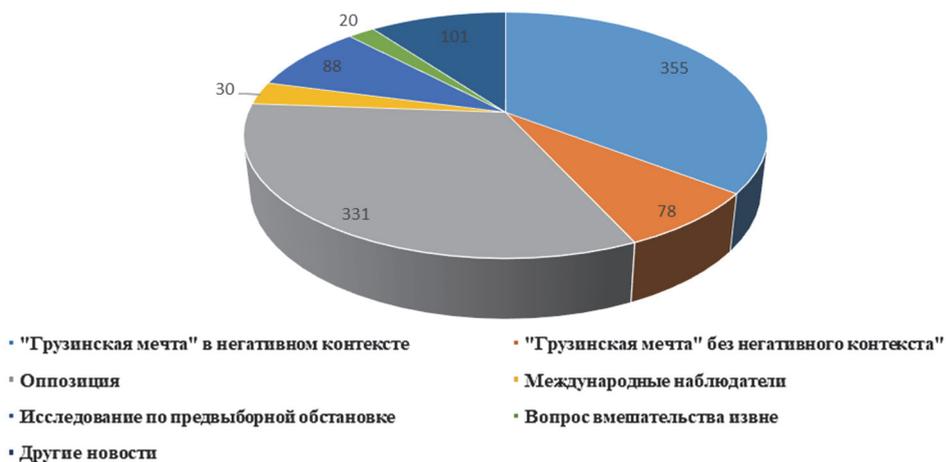

Рис. 2. Новостные сюжеты «Мтавари Архи»

Источник: выполнено авторами

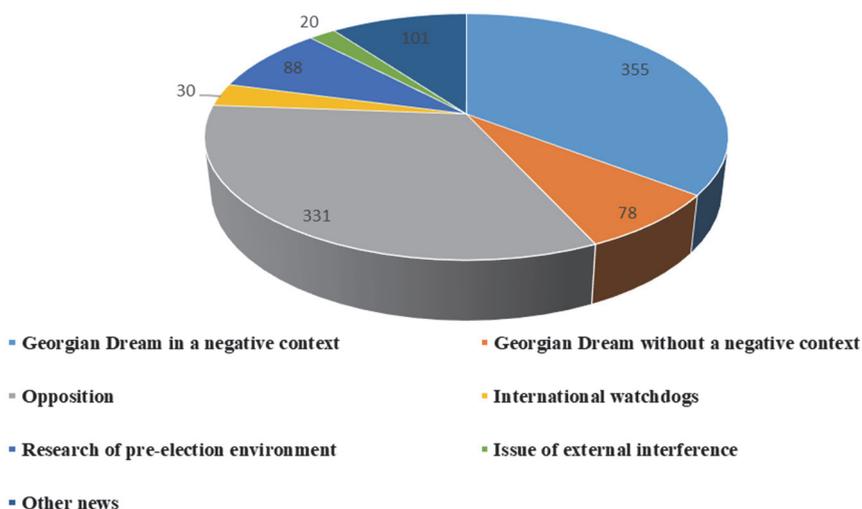

Figure 2. News stories of «Mtavari Arkhi»

Source: performed by the authors

Что касается непосредственно самого эфирного времени, то у «Мтавари Архи» наблюдается явная диспропорция. Так за сентябрь ЕНД было уделено 37,6 % (положительно – 21 %, отрицательно – 3 %), всего эфирного времени, «Грузинская мечта», хоть и занимала большую часть эфирного времени, но в основном новости, связанные с ней, носили негативный и дискредитирующий характер – 32,1 % (положительно – 1 %, отрицательно – 62 %) ¹⁰ (рис. 3).

В октябре месяце данная динамика сохранилась. «ЕНД» было уделено 42,2 % (положительно – 18 %, отрицательно – 1 %), «Грузинская мечта» – 28,9 % (положительно – 1 %, отрицательно – 66 %) ¹¹ (рис. 4).

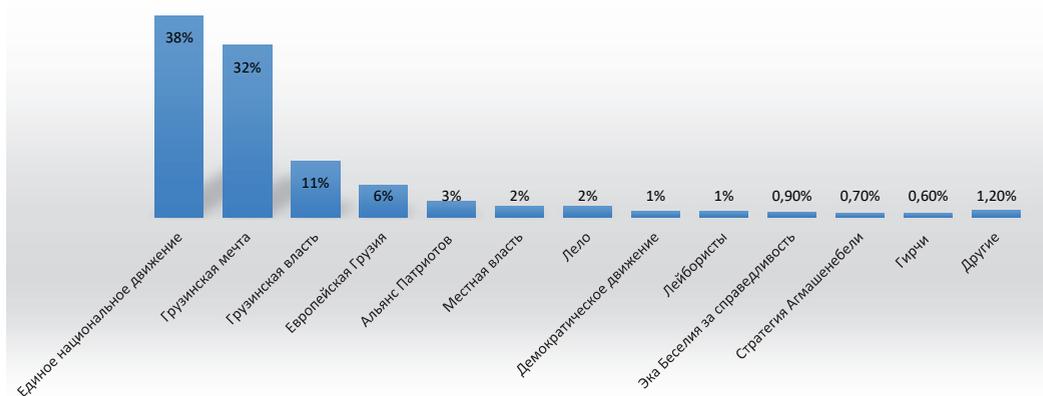

Рис. 3. Эфирное время «Мтавари Архи» за сентябрь

Источник: Комиссия по связям Грузии.

¹⁰ Отчет Комиссии по связям о предвыборном мониторинге СМИ. 2020, сентябрь. URL: <https://comcom.ge/uploads/other/6/6633.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

¹¹ Там же.

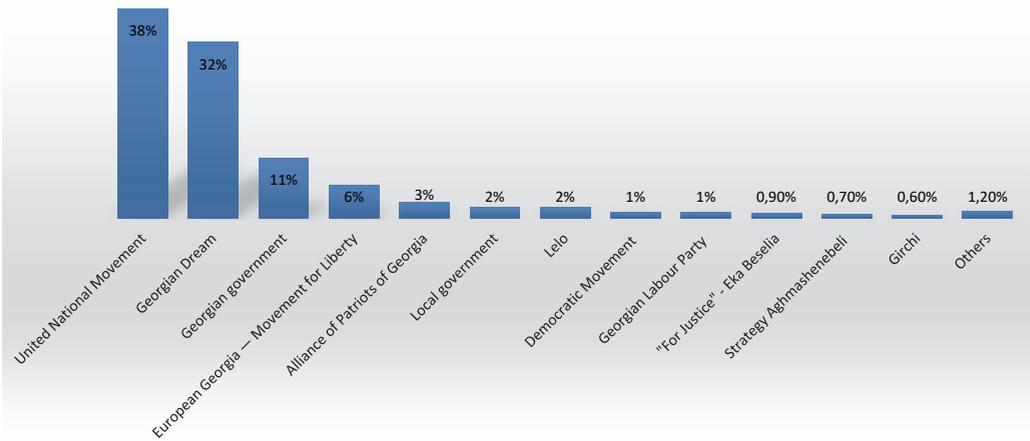

Figure 3. Broadcast time of “Mtavari Arkhi” for September

Source: Communications Commission of Georgia.

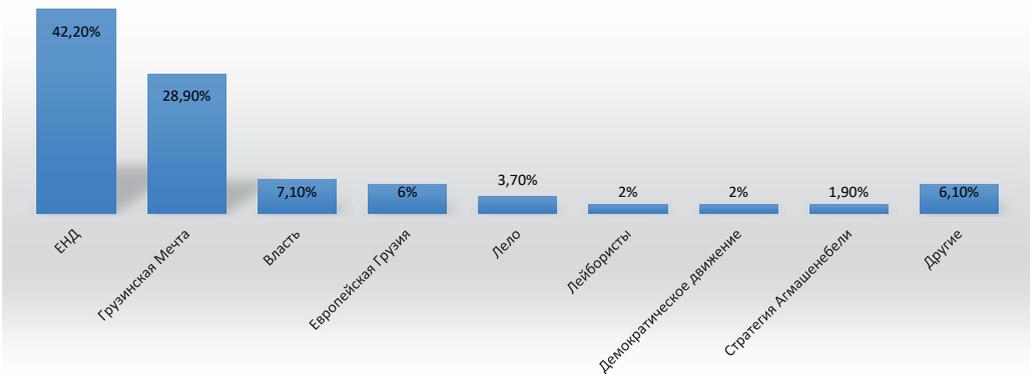

Рис. 4. Эфирное время «Мтавари Архи» за октябрь

Источник: Комиссия по связям Грузии.

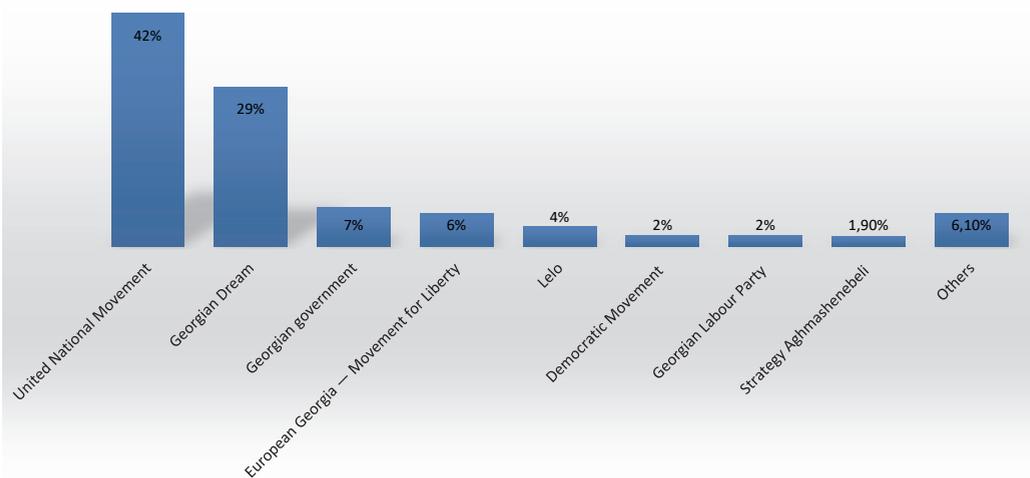

Figure 4. Broadcast time of “Mtavari Arkhi” for October

Source: Communications Commission of Georgia.

Представители правящей команды редко появляются в программах «Мтавари Архи», поэтому позиции представителей власти в программах канала представлены довольно слабо, а иногда и вовсе отсутствуют. Телеканал не пытается уравнивать информацию, заявления других политиков, следовательно, доносит до зрителей однобокую и необъективную информацию. О правящей партии систематически говорят, что она преследует интересы России. Частота упоминания председателя «ГМ» Бидзины Иванишвили в негативном контексте очень высока. Например, в «Субботнем Мтавари» от 5 сентября 4 из 9 сюжетов были посвящены непосредственно Бидзине Иванишвили и носили однозначно негативный характер¹².

Всего за отчетный период у «Мтавари Архи» 320 интервью с представителями оппозиционных партий и блоков. В том числе явным лидером по количеству интервью является «ЕНД», которая появлялась в студии «Мтавари Архи» два, а то и три раза в день. С правящей партией за отчетный промежуток времени было записано всего одно интервью. По словам телеканала, правящая партия «Грузинская мечта» отказывается сотрудничать с критически настроенными СМИ.

За отчетный период на «Рустави 2» пришлось 1334 новости по выборам (рис. 1). Большая часть новостных сюжетов пришлось на освещение оппозиционных партий и блоков, явного приоритета в сторону определенной оппозиционной партии не наблюдалось. Также довольно активно освещалась предвыборная кампания «Грузинской мечты». Негативные новости относительно «Грузинской мечты» в основном связаны с их критикой от оппозиции и обвинений в их сторону (рис. 6).

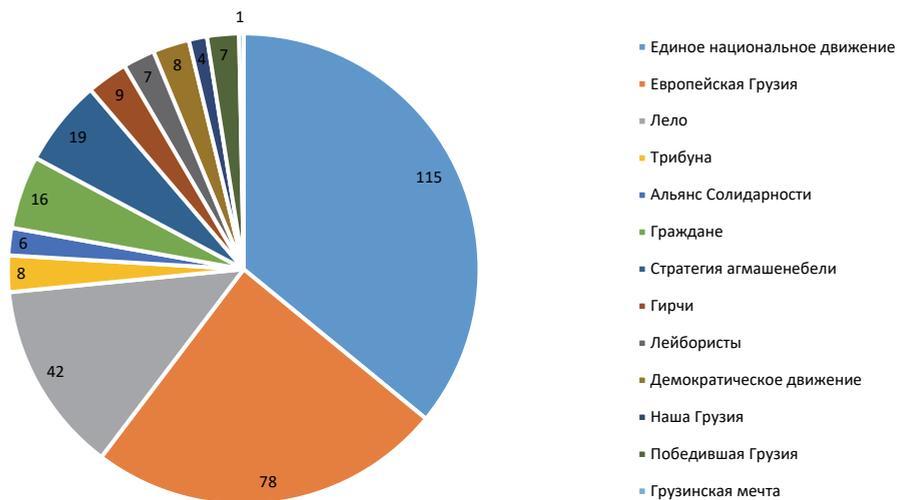

Рис. 5. Количество интервью с оппозиционными партиями

Источник: выполнено авторами.

¹² Отчет Комиссии по связям о предвыборном мониторинге СМИ. Сентябрь. 2020. С. 38. URL: <https://comcom.ge/uploads/other/6/6633.pdf> (дата обращения: 05.07.2022)

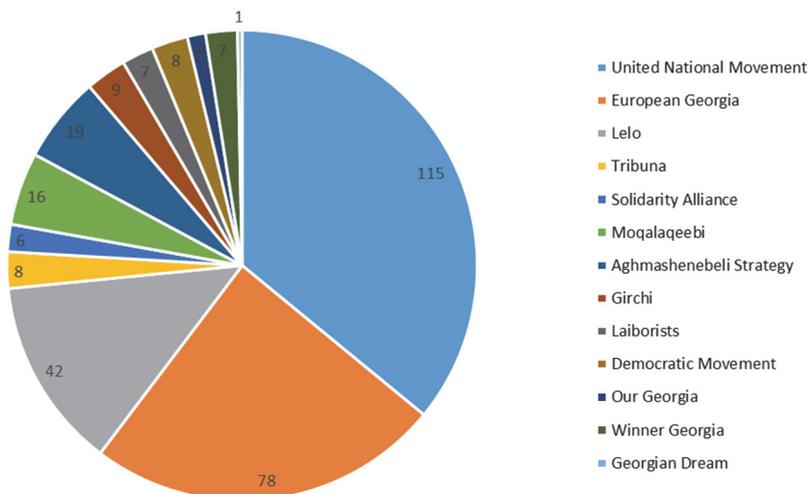
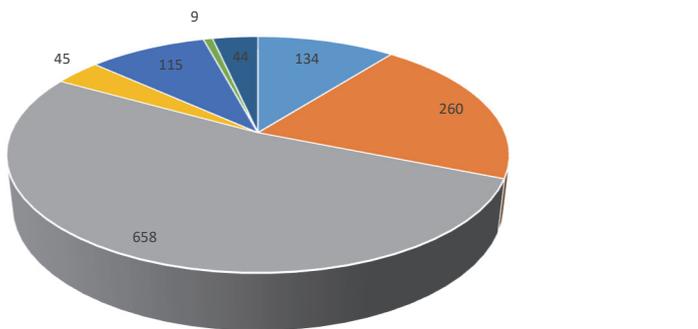

Figure 5. Number of interviews with opposition parties

Source: performed by the authors.

- "Грузинская мечта" в негативном контексте
- "Грузинская мечта" без негативного контекста
- Оппозиция
- Международные наблюдатели
- Исследование по предвыборной обстановке
- Вопрос вмешательства извне
- Другие новости

Рис. 6. Новостные сюжеты «Рустави 2»

Источник: выполнено авторами.

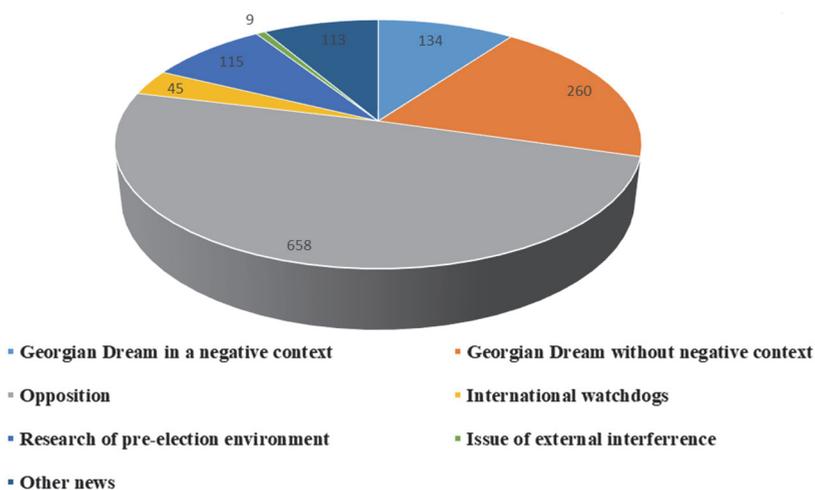

Figure 6. News stories of "Rustavi 2"

Source: performed by the authors.

Телеканал «Рустави 2» освещал предвыборную кампанию с соблюдением этических норм. В выпуске новостей деятельность избирательных субъектов освещалась преимущественно нейтрально. Партии имели возможность представить предвыборные программы в общественно-политических передачах. Ведущие «Ночного курьера» каждое воскресенье знакомили общественность с предвыборными программами, необходимой документацией и статистикой. Телеканал дистанцировался от дискриминационных высказываний. Ведущие критиковали как оппозицию, так и правящую команду.

Что касается непосредственно самого эфирного времени, то у «Рустави 2» наблюдается баланс. За сентябрь «Грузинской мечте» было уделено 25,6 % (положительно – 32 %, отрицательно – 12 %), ЕНД – 21,6 % (положительно – 14 %, отрицательно – 32 %), остальные партии – менее 10 %¹³ (рис. 7).

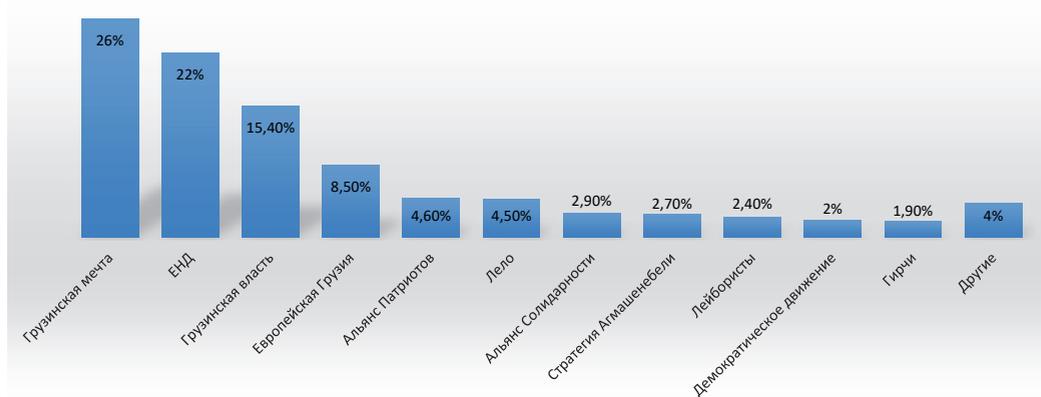

Рис. 7. Эфирное время «Рустави 2» за сентябрь

Источник: Комиссия по связям Грузии.

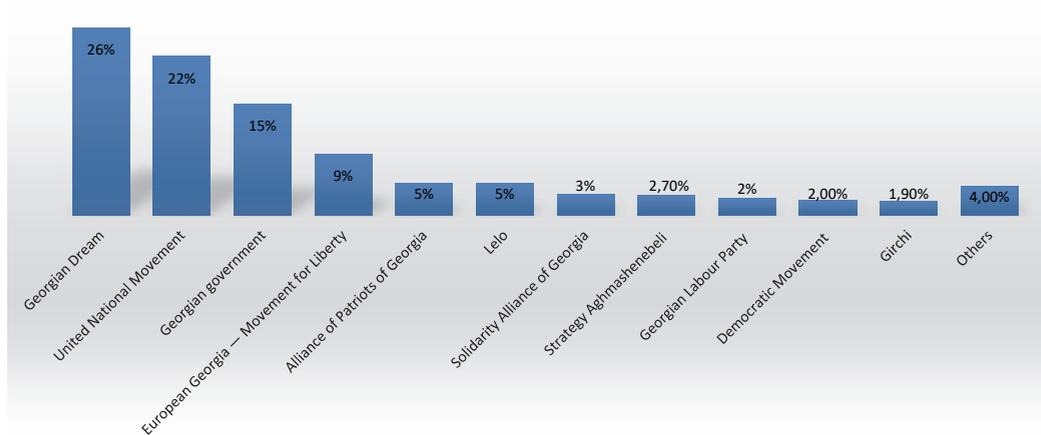

Figure 7. Broadcast time of “Rustavi 2” for September

Source: Communications Commission of Georgia.

¹³ Отчет Комиссии по связям о предвыборном мониторинге СМИ. 2020, сентябрь. С. 23. URL: <https://comcom.ge/uploads/other/6/6633.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

В октябре на «Рустави 2» сохранился баланс в эфирном времени. «Грузинская мечта» – 31,1 % (положительно – 31 %, отрицательно – 12 %), ЕНД – 15,8 % (положительно – 17 %, отрицательно – 17 %), по всем остальным субъектам – менее 10 %¹⁴ (рис. 8).

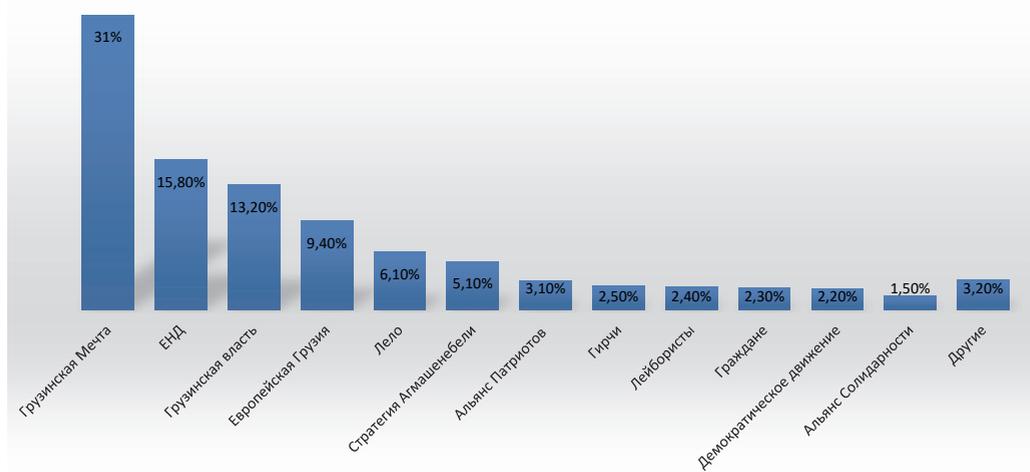

Рис. 8. Эфирное время «Рустави 2» за октябрь

Источник: Комиссия по связям Грузии.

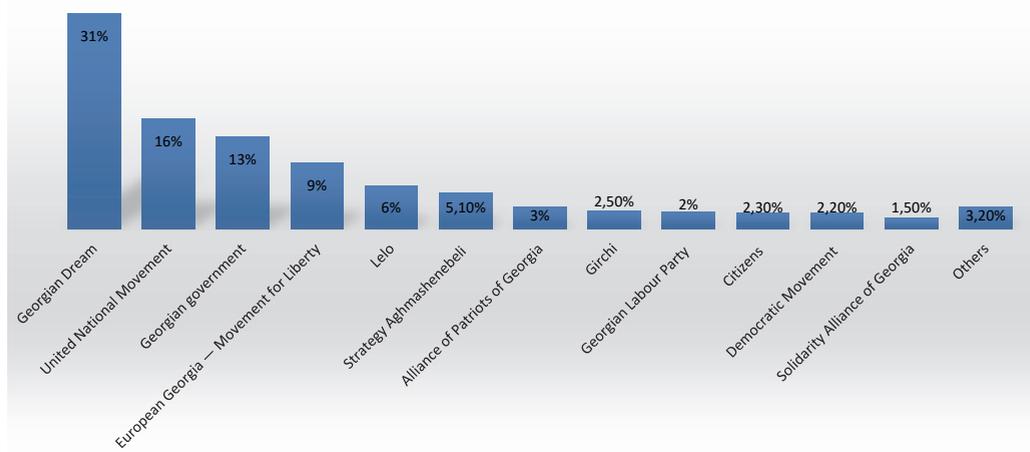

Figure 8. Broadcast time of “Rustavi 2” for October

Source: Communications Commission of Georgia.

Всего за отчетный период на «Рустави 2» записано 222 интервью как с правящей партией, так и с представителями оппозиционных партий и блоков (рис. 5). Телеканал сделал акцент на представление интересов всех участ-

¹⁴ Отчет Комиссии по связям о предвыборном мониторинге СМИ. 2020, сентябрь. С. 26. URL: <https://comcom.ge/uploads/other/6/6633.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

вующих в предвыборной гонке сторон. В том числе в студию приглашались и независимые кандидаты, которые на протяжении двух месяцев ни разу не появлялись в эфире «Мтавари Архи».

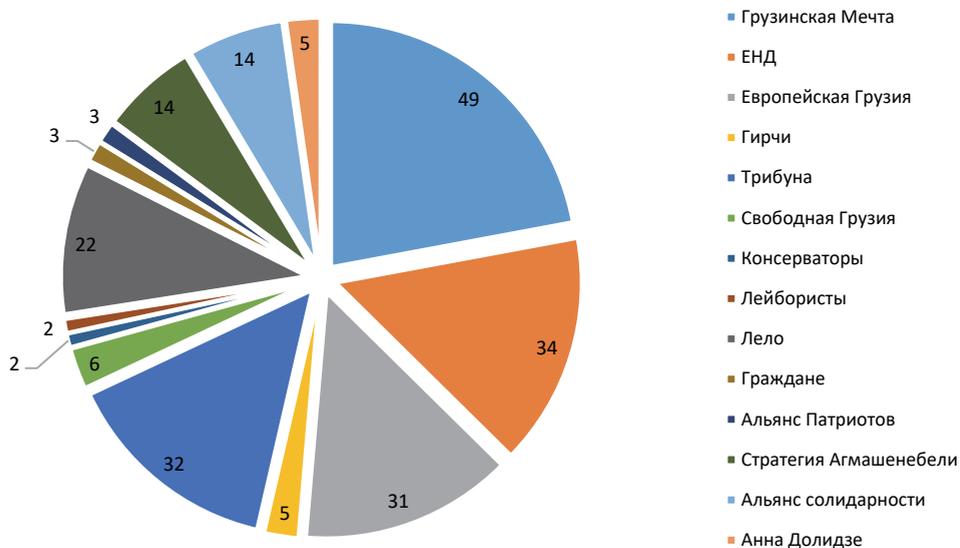

Рис. 9. Количество интервью с правящей и оппозиционными партиями

Источник: выполнено авторами.

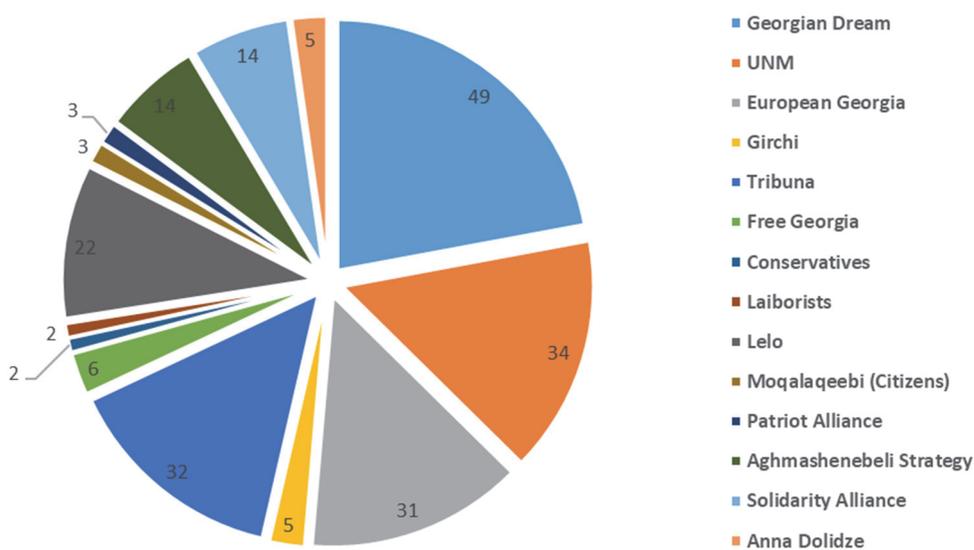

Figure 9. Number of interviews with the ruling and opposition parties

Source: performed by the authors.

Закономерности вещательной политики телеканала «Мтавари Архи»

На основании изученной информации были сформулированы закономерности, присущие каждому телеканалу в отдельности. Среди характеристик информационной политики редакции телеканала «Мтавари Архи» следует отметить негативную риторику в адрес правящей партии «Грузинская мечта» и связанных с нею лиц.

После 15 сентября уже почти нет новостей без негативного контекста и включающих критики правящей партии. Основной кластер информации о правящей партии транслируется в негативном контексте. В том числе с ее причастностью к физическому насилию, шантажу, подкупу и другим незаконным действиям, направленным на запугивание оппонентов и фальсификацию выборов. Если до 15 сентября в день освещался примерно один случай физического и других форм насилия, то это число увеличивается до двух, а иногда и до трех в последующий период. Данные события освещались иначе, шла активная критика «Грузинской мечты» со стороны оппозиции, редакция выпускала большее количество компрометирующих сюжетов и репортажей, посвященных, в том числе связям правящей партии и ее основателя, бывшего премьер-министра Грузии Бидзины Иванишвили, с Россией¹⁵.

Вторая закономерность связана с информацией о правящей партии и связанных с нею лиц посредством журналистских расследований и аналитических сюжетов, транслировавшихся в прайм-тайм.

Примерно раз в неделю выходил сюжет, в котором журналисты в жесткой, оскорбительной форме высмеивали и дискредитировали правящую партию и Бидзину Иванишвили. Данных сюжетам присуща нецензурная лексика и оскорбительные эпитеты в адрес официальных лиц. В сюжетах акцент делался на ухудшении жизни в Грузии, разрушении экономики, «раскрывались» разные схемы партии, в том числе причастность к финансированию из России и связь бывшего председателя «Грузинской мечты» Бидзины Иванишвили с российской властью.

Третья закономерность – это баланс критических (негативных) новостей о «Грузинской мечте» и позитивных о третьем президенте Грузии Михаиле Саакашвили и «Едином национальном движении».

Основной кластер новостей на «Мтавари Архи» посвящен критике правящей партии и попытке пиара «Единого национального движения» и Михаила Саакашвили. Таким образом, телеканал фактически транслирует дискурс, утверждающий несостоятельность власти и большую компетентность оппозиционной партии в разрешении существующих вопросов. Тем самым, ТВ-канал фактически призывает избирателей проголосовать за «Единое национальное» движение. С учетом того, что «Мтавари Архи» пользуется большим доверием и является вторым по популярности, данный подход эффективно реализуется и сказывается на результатах¹⁶. «Мтавари Архи»

¹⁵ Например, сюжет от 28 сентября «Я – Боря, Бидзина» // Mtavari Arkhi. 2020. URL: <https://mtavari.tv/news/17164-me-boris-bidzina> (дата обращения: 13.09.2022).

¹⁶ TVNEWSC: Which TV station do you trust? URL: https://caucasusbarometer.org/en/cb2020ge/TVNEWSC/?fbclid=IwAR2dj47j12zuCdUd1CCXsMFEQ5x4vkAWZbKZoaPnOnhhREC5M_CuWDC8y4 (accessed: 13.09.2022).

освещает почти всю деятельность Михаила Саакашвили и почти всегда в положительном ключе. Транслируются обширные комментарии Михаила Саакашвили, прямые трансляции, его выступления и встречи в других странах. Фигура Саакашвили стала особенно актуальной после того, как его выдвинули кандидатом в премьеры.

«Мтавари Архи» транслирует эксклюзивные, подробные репортажи о проблемах системы образования, экономическом коллапсе, кризисе здравоохранения, коррупции, рушащейся инфраструктуре, приостановленных проектах – это темы, которые освещаются ежедневно. Канал часто предлагает зрителям эксклюзивные сюжеты о скрытых активах высокопоставленных госслужащих, уделяет особое внимание теме якобы коррупционных сделок и тендеров с участием членов правительства или лиц, аффилированных с правительством. Критика власти – основная цель ТВ-канала, журналисты часто допускают нарушения профессиональной этики, информация несбалансированна.

25 сентября в программе новостей был показан сюжет о кампании «Поручи Мише», которую начал экс-президент Михаил Саакашвили¹⁷. Рассказ о том, что требуют от Михаила Саакашвили в селах Самцхе-Джавахети. Эти требования и проблемы в основном были связаны с инфраструктурными проблемами – нехватка воды, бездорожье и т. д. В сюжете содержались обвинения в том, что местное самоуправление растратило средства, выделенные на решение этих проблем, хотя не были предъявлены конкретные документы (например, объявленных тендеров, проектов, которые не могли быть выполнены или были выполнены с дефектами и др.).

Еще одна закономерность – повторение одной и той же новости несколько раз в день. Это в основном касается информации о физическом насилии, предвыборных махинациях и критики «Грузинской мечты» со стороны представителей оппозиционного спектра.

Закономерности вещательной политики телеканала «Рустави 2»

У «Рустави 2» была хорошо выстроена новостная тактика и сама стратегия освещения выборов. В эфирное время телеканала попали все партии, от малых до крупных, которые вели свои предвыборные кампании. Информация в основном содержала их предвыборные встречи с избирателями и ознакомление с программой партий. Активно освещались встречи правящей партии. Малое количество новостей посвящено физическому насилию и другим формам нарушения предвыборных норм.

Телеканал активно освещал позицию всех партий. В прямой эфир подключались члены и правящей партии, и оппозиционных партий. Интервью записывались, в том числе, с представителями правящей партии. Представители оппозиции также активно участвовали в этих подключениях и интервью.

Вторая закономерность в подходе «Рустави 2» к предвыборной гонке – отсутствие критических сюжетов или репортажей, посвященных правящей

¹⁷ «Поручи Мише» // Mtavari arkhi. 2020. URL: <https://mtavari.tv/news/16972-daavale-mishas-akhaltsikhelebs-ucqlobisa-bindzuri> (дата обращения: 13.09.2022).

партии. Мало новостей, в которых члены оппозиции критикуют или обвиняют «Грузинскую мечту» в нарушении предвыборных норм, в шантаже и угрозах.

В качестве важной закономерности в подходе «Рустави 2» к освещению предвыборной ситуации выступает наличие внешнего фактора – «образ врага» в лице Российской Федерации. Данной теме было посвящено много эфирного времени. Речь шла не только о связях той или иной партии с Россией, но и о прямых попытке России вмешаться в выборы путем разного рода провокаций, кибератак, заявлений¹⁸. Вместе с тем освещались призывы международного сообщества и Европарламента, который предупреждает страну о возможном вмешательстве в выборы со стороны России.

В выпуске новостей деятельность избирательных субъектов была представлена преимущественно нейтрально, баланс сохранялся. Партии имели возможность представить предвыборные программы в общественно-политических программах. Звучала критика как правящей, так и оппозиционных партий.

Заключение

Средства массовой информации за последние 30 лет играли важную роль в истории независимой Грузинской республики. Историческим фактом является то, что медиаплатформы обусловило успех «Революции роз» в 2003 году, затем обеспечили возможность оппозиции противостоять власти до захвата телеканала «Имеди». В итоге произошла демократическая смена власти в 2012 году, когда правящая партия «Единое национальное движение» уступила коалиции «Грузинская мечта». Парламентские выборы 2020 года также стали важной вехой в современной истории страны и развитии СМИ.

Наблюдение за политическими процессами в стране позволяет утверждать, что в ситуации поляризации, присущей политической системе с двумя доминирующими центрами силы, средства массовой информации выступают как эффективные средства политической борьбы. Результаты исследования контента телевизионных программ в ходе предвыборной гонки позволяют говорить о тенденциях демократизации.

Политическая среда, выраженная главным образом в участии акторов в процессе принятия решений, выборах и формулировке политической повестки дня в Грузии одновременно и широкая, и ограниченная. О первом свидетельствует возможность выдвигаться на избирательные должности, создавать общественно-политические организации и партии. С другой стороны – парламентская система большинства (мажоритариев), сложившаяся в Грузии, где не существовало прецедента коалиционного правительства, позволяет концентрировать всю законодательную и исполнительную власть в руках одной партии. При этом получившая депутатские мандаты оппозиция существует номинально без реальных рычагов влияния на решения прави-

¹⁸ Например, сюжет от 19 сентября, в котором западные партнеры предупреждают Грузию, что Россия будет активно вмешиваться в предвыборную обстановку и в сами выборы. 2020. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/176091> (дата обращения: 07.07.2022).

тельства, если это не затрагивает вопросы, требующие конституционного большинства.

Единственная среда, где политические оппоненты способны противостоять правящей партии – информационная. Это обусловлено тем, что нынешняя оппозиция сохранила и создала новые СМК, тем самым обеспечив себе общественную платформу для прямого диалога с гражданами Грузии.

Таким образом, кластер материалов телеканалов «Мтавари Архи» и «Рустави 2» – это индикатор борьбы, которую ведут ключевые политические силы в стране. Оба телеканала в той или иной форме стремятся влиять на общественное мнение. Кто-то более радикально, кто-то завуалированно. Вероятно противостояние, или как его называют в Грузии «поляризация», сохранится в будущем, если страна продолжит курс на демократизацию.

Список литературы

- Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 79–87. <http://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
- Телоев И.Д. Основное содержание и характер проблематики грузинских СМИ в период правления Михаила Саакашвили // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 127–132.
- Толфлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.
- Burrage M. Myths and mass media // *European Journal of Sociology*. 1969. Vol. 10. No 2. Pp. 238–253.
- Gurevithc M., Blumler J.R. Political communication systems and democratic values // *Media power in politics* / ed. by D.A. Graber. Washington: CQ Press, 1994.
- McQuail D. Media performance assessment in the public interest: principles and methods // *Annals of the International Communication Association*. 1991. Vol. 14. No 1. Pp. 111–145. <http://doi.org/10.1080/23808985.1991.11678782>
- Ortega y Gasset J. *The dehumanization of art and other essays on art, culture, and literature*. Princeton University Press, 1968.
- Pye L.W. *Communications and political development. SPD-1 (Studies in Political Development)*. Princeton University Press, 1967.

References

- Burrage, M. (1969). Myths and mass media. *European Journal of Sociology*, 10(2), 238–253.
- Gurevithc, M., & Blumler, J.R. (1994). Political communication systems and democratic values. In D.A. Graber (Ed.), *Media Power in Politics*. Washington: CQ Press.
- McQuail, D. (1991). Media performance assessment in the public interest: Principles and methods. *Annals of the International Communication Association*, 14(1), 111–145. <http://doi.org/10.1080/23808985.1991.11678782>
- Naumov, A.O. (2018). Traditional and new media as actors of “color revolutions”. *Discourse-P*, 32–33(3–4), 79–87. (In Russ.) <http://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
- Ortega y Gasset, J. (1968). *The dehumanization of art and other essays on art, culture, and literature*. Princeton University Press.
- Pye, L.W. (1967). *Communications and political development. SPD-1 (Studies in Political Development)*. Princeton University Press.
- Teloev, I.D. (2016). The main content and nature of the problems of the Georgian media during the reign of Mikheil Saakashvili. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, (4), 127–132. (In Russ.)
- Toffler, E. (2003). *Metamorphoses of power*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Скворцова Нино, координатор проектов, Грузино-российский общественный центр имени Е.М. Примакова; политический обозреватель, информационно-аналитическая платформа «Пресс-клуб Джейран Медиа»; аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, руководитель межвузовского проекта «Средства массовой информации в политических процессах Грузии», кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Сихарулидзе Арчил, докторант, Грузинский институт общественных проблем; приглашенный лектор, Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили; эксперт ПИР-Центра и Российского совета по международным делам; основатель SIKHA Foundation. ORCID: 0000-0002-3989-2451. E-mail: info@archilsikharulidze.ge

Абазов Димитри, аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов; политический обозреватель, информационно-аналитическая платформа «Пресс-клуб Джейран Медиа». ORCID: 0000-0002-8325-8650. E-mail: dimitriabazov@gmail.com

Довлатова Ана, специалист, Центр по реализации образовательных программ, Высшая школа социально-гуманитарных наук, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-3091-9988. E-mail: ana.dovlatova1993@mail.ru

Bio notes:

Nino Skvortsova, project coordinator, Primakov Georgian-Russian Public Centre (Tbilisi); political observer of the informational and analytical platform Press Club Jayran Media; PhD student, Department of Public Policy and State and Law History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Irina I. Volkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Inter-University Project "Media in Political Processes of Georgia", Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Archil Sikharulidze, Doctoral student, Georgian Institute of Public Affairs; guest lecturer, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; expert of the PIR Center and the Russian International Affairs Council; founder of the SIKHA Foundation. ORCID: 0000-0002-3989-2451. E-mail: info@archilsikharulidze.ge

Dimitri Abazov, PhD student, Department of Public Policy and State and Law History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); political observer of the informational and analytical platform Press Club Jayran Media. ORCID: 0000-0002-8325-8650. Email: dimitriabazov@gmail.com

Ana Dovlatova, specialist, Center for the Implementation of Educational Programs, Higher School of Social Sciences and Humanities, Plekhanov Russian University of Economics; PhD student, Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-3091-9988. E-mail: ana.dovlatova1993@mail.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

MEDIA EDUCATION

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-808-822

УДК 070.19

Научная статья / Research article

Аудиовизуальные медиа в вузах России: типология и анализ контента

С.Л. Уразова¹, Е.Б. Громова²✉,
К.Е. Кузьменкова³, Ю.П. Митковская⁴

¹Всероссийский государственный университет кинематографии имени С.А. Герасимова,
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3

²Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе,
Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7

³Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

⁴Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, Покровский б-р, д. 11

✉ katya-64@inbox.ru

Аннотация. Приводится авторская типология отечественных аудиовизуальных медиа, представленных как образовательные платформы для информирования, развития внутренних и внешних коммуникаций, формирования профессиональных компетенций среди будущих специалистов в сфере журналистики, связей с общественностью и рекламы. Авторы анализируют методику подготовки телерадиопрограмм в соответствии с образовательными стандартами. Повышенное внимание к функционированию студенческих СМИ, прежде всего аудиовизуальных медиа в связи с активно развивающейся тенденцией визуализации медиапространства, а также интерес к методикам профессиональных компетенций будущими журналистами, редакторами, PR-менеджерами и маркетологами в разных российских вузах, обусловлено прежде всего процессами интенсивного развития в XXI веке техногенной революции, использованием инновационных технологий и начавшимся апробированием на практике функционала как искусственного интеллекта (Artificial intelligence, AI), так виртуальной реальности (Virtual reality, VR). Внедрение высоких технологий требует быстрого обновления образовательных методик и стандартов при подготовке профессиональных кадров в сфере журналистики. С этим связана проводимая ныне в России реформа в сфере науки и образовании, нацеленная на активное вовлечение будущих молодых специалистов в развитие научно-исследовательских изысканий. На это нацелена и государственная программа «Приоритет 2030», способствующая развитию творческих инициатив среди молодежи. В этом контексте представлен анализ функционирования студенческих медиа в российских вузах

© Уразова С.Л., Громова Е.Б., Кузьменкова К.Е., Митковская Ю.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

приоткрывает завесу над тем, как формируются знания, компетенции и профессиональный опыт будущих специалистов, раскрывает возможности расширения национального информационного пространства.

Ключевые слова: медиаобразование, профессиональные компетенции, телевидение вуза, пресс-центр, студенческие медиа, учебные медиа

Вклад авторов. С.Л. Уразова, Е.Б. Громова – концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; Ю.П. Митковская – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; К.Е. Кузьменкова – сбор и обработка материалов, написание текста.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 28 июня 2022 г.; откорректирована 12 августа 2022 г.; принята к публикации 2 сентября 2022 г.

Для цитирования: Уразова С.Л., Громова Е.Б., Кузьменкова К.Е., Митковская Ю.П. Аудиовизуальные медиа в вузах России: типология и анализ контента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 808–822. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-808-822>

Audiovisual media in the universities of Russia: typology and analysis of the content

Svetlana L. Urazova¹, Ekaterina B. Gromova²✉,
Ksenia E. Kuzmenkova³, Yulia P. Mitkovskaya⁴

¹*Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov,
3 Vilgelma Pika St, Moscow, 129226, Russian Federation*

²*Sevastopol Branch of M.V. Lomonosov Moscow State University,
7 Geroyev Sevastopolya St, Sevastopol, 299001 Russian Federation*

³*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

⁴*HSE University,
11 Pokrovskii Bulvar, Moscow, 101000, Russian Federation*

✉ katya-64@inbox.ru

Abstract. The authors give the typology of the audiovisual media in the universities of Russia. Also, the very process of producing is analyzed. The special educational and cognitive process of media producing are considered as elements of information, internal and external communications of the universities, developing the professional competences in the media specialties' studying process. The authors describe the methodology of program's producing in connection to educational standards, linking the all stages of this process with the formation of specific student competencies. Increased attention to the functioning of student media, especially audiovisual media in connection with the actively developing trend of visualization of media space, as well as interest in the methods of professional competence of future journalists, editors, PR-managers and marketers in various Russian universities, primarily due to the processes of intensive development in the 21st century technological revolution, the use of innovative technologies and the beginning of testing the functionality as artificial intelligence (Artificial intelligence, AI) in practice. The introduction of high technology requires rapid updating of educational methods and standards in the training of professional personnel in the field of journalism. This is also related to the current reform of science and education in Russia, which

aims to actively involve future young specialists in the development of scientific research. The state program “Priority 2030”, which promotes the development of creative initiatives among young people, is also aimed at this. In this context, presented analysis of the functioning of student media at various Russian universities lifts the veil on how the knowledge, competencies, and professional experience of future media professionals are formed, and reveals the possibilities of expanding the national information space.

Keywords: media education, professional competencies, university television, press center, student media, educational media

Authors’ contribution. Svetlana L. Urazova, Ekaterina B. Gromova – conception and design of the study, analysis of the obtained data, writing the text; Yulia P. Mitkovskaya – analysis of the obtained data, writing the text; Ksenia E. Kuzmenkova – collection and procession of research data and materials.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 28, 2022; revised August 12, 2022; accepted September 2, 2022.

For citation: Urazova, S.L., Gromova, E.B., Kuzmenkova, K.E., & Mitkovskaya, Yu.P. (2022). Audiovisual media in the universities of Russia: Typology and analysis of the content. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 808–822. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-808-822>

Введение: теоретическая база исследования

Современные средства массовой информации существуют в пространстве конвергентной медиаиндустрии, где информационные и коммуникативные технологии составляют единый ресурс, обладающий мультиплатформенностью, мультиформатностью и мультимедийностью. Соответственно, в высших учебных заведениях, где готовят специалистов по коммуникативным специальностям, активно развиваются практические дисциплины на базе студенческих конвергентных редакций, выпускающих аудиовизуальные медиапродукты, ориентированные на вызовы цифровой эпохи и субъект-субъектную модель коммуникаций. При этом студенческие СМИ выполняют различные функции, среди которых коммуникативная, организующая, информационная, образовательная, педагогическая, воспитательная, социализирующая. В непрофильных вузах студенческие медиа становятся основой образовательных медиапрактик. «Профессиональное журналистское образование и медиаобразование – пересекаются именно в системе субъектно-субъектных сетевых коммуникаций, когда профессионалы и любители действуют в одном медиаполе» (Кильпеляйнен, 2019, с. 9).

Медиаисследователями традиционно обосновывается важнейшая роль практической составляющей в журналистском образовании (Варганова, Лукина, 2017; Грабельников, 2017; Шестёркина, Марфицына, 2017), подчеркивается необходимость создания особой коммуникационной среды, формирующей профессиональные навыки (Уразова и др., 2020) в контексте трансформации профессии (Коханова, 2017; Свитич, 2015; Уразова, 2011). Также зафиксировано различие подходов к журналистскому образованию в разных странах и роли в нем практико-ориентированного подхода (Global Journalism Education., 2017). Актуальность изучения прессы, создаваемой студентами

непрофильных вузов, неоднократно подчеркивали специалисты медиаобразования (Федоров и др., 2004). Накоплен опыт критического анализа контента существующих и создаваемых медиа с точки зрения медиаобразования (Masterman, 1985).

Вместе с тем исследователи справедливо указывают на недостаточную изученность в научной литературе многих аспектов студенческих медиа. Например, исследовательская практика «не располагает устоявшейся структурой, поэтому возможны разные классификации и определения» (Носова, 2007, с. 117–118). В обобщающем исследовании 2009 года отмечено: «Студенческая пресса неизменно соседствует с официальной вузовской, молодежной, юношеской, учебной, корпоративной и самодетельной. Иногда эти понятия смешиваются – и по причине принадлежности одного издания к нескольким группам, и по причине обыкновенной путаницы в понятиях» (Болкунов, 2009, с. 84). Авторы исследования считают необходимым предложить свои категории для аудиовизуальных медиа, а также обозначить основные тенденции создания контента.

Невозможно проанализировать аудиовизуальные ресурсы 94 государственных и коммерческих вузов России, где студенты дневного отделения могут получить образование по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика», 20 вузов со специальностью 42.03.05 «Медиакоммуникации» и 12 со специальностью 42.03.04 «Телевидение»¹. И тем более, учесть те университеты и институты, где обучение по этим трем специальностям не ведется. Тем не менее авторы статьи полагают необходимым выделить несколько наиболее очевидных трендов, которые сегодня помогают формированию знаний, компетенций, умений и навыков у студентов.

Прежде всего надо согласиться с А.Н. Болкуновым в том, что студенческие медиа имеют право считаться таковыми, только если студенты для этого информационного ресурса – главная целевая аудитория и если в материалах преобладает тематика студенческой жизни. Поэтому стоит согласиться с мнением И.В. Жилавской о необходимости «освободить самодетельные СМИ от функций корпоративных медиа» и передавать эти функции в учебных заведениях «соответствующим профессиональным службам общественных связей» (Жилавская, 2013, с.189). Справедливости ради следует отметить, что подобную точку зрения И.В. Жилавская высказывала в отношении функционирования школьных медиа, однако данное ранжирование справедливо и для студенческих СМИ. Ведь введенный в вузах курс, обучающий моделированию и проектированию медиа, это фактически *стартап*, где студенты осваивают профессиональные знания и учатся коммуницировать между собой, который может стать началом создания профессионального СМИ и его вывода в медиaprостранство. Конечно, справедливо в большей степени считать студенческими СМИ – аудиовизуальные медиа, имеющих статус студенческого объединения. И дело тут не только в том, что аудиовизуальный контент в наибольшей степени востребован в наши дни потенциальной аудиторией. Важно, что команды таких редакций ориентируются прежде всего на студенческую аудиторию, следовательно, учиты-

¹ Информация по бакалаврским программам, данные 2022 года. URL: <https://vuzopedia.ru/>

вают мировоззренческие и тематические запросы современной молодежи. Следующая категория – это учебные СМИ (существующие в качестве «пробных» на практических дисциплинах на направлениях подготовки «Журналистика», «Связи с общественностью и реклама», «Коммуникативные технологии», «Выпуск учебных СМИ», «Технологии производства аудиоконтента» и т. д.), их главная цель – обучение основам профессии журналиста в рамках учебной программы. Есть еще и неформальный, самиздатский аудиовизуальный контент – студенты выпускают его по своей инициативе, используя для размещения социальные сети, Telegram-каналы, видеохостинги YouTube и RuTube.

В процессе обучения многие редакции вырастают из «самиздатских», получают статус студенческого объединения и размещаются на официальном сайте вуза. Некоторые издания регистрируются как СМИ в Роскомнадзоре, поскольку уже достигли некоего профессионального уровня и имеют высокую посещаемость ресурса, большое число подписчиков, размещают рекламу, ведут коммерческую деятельность, например, продают сувениры, товары с логотипом вуза и т. д. Студенческий аудиовизуальный контент может иметь и специализированную (научную, методическую) тематическую направленность.

Все аудиовизуальные ресурсы в вузах можно также разделить по преобладающей тематике и модальности на *имиджевый* (пиар-контент), *информационно-развлекательный* и *просветительский*, а также *специализированный* контент (в том числе, профессионально ориентирующий). По типу размещения: на транслируемый в стенах университета, а также на сайте университета, на официальных страницах вуза, в социальных сетях – в студенческих группах, на отдельных онлайн-ресурсах. Создаваемые студентами онлайн-издания, газеты и журналы, также публикуют аудиовизуальный контент.

Все, чему студенты учатся во время процесса подготовки контента для учебных и студенческих аудиовизуальных СМИ в профильных вузах, позволяет выполнить требования Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования².

Настоящая статья – результат первого этапа межвузовского исследования, которое продолжается и требует дальнейшей детализации и научных экспериментов.

Материалы и методы исследования

Достоверность исследования обеспечивается обширным эмпирическим материалом, для изучения которого использовался компаративистский метод с элементами контент-анализа. За единицу контента был принят сюжет/программа студенческих медиа. При анализе содержания применялась вероятностная или случайная выборка. Генеральная совокупность – 150 единиц (10 единиц от каждого вуза) аудиовизуального контента, представленного (по срокам последними) на официальных сайтах и официальных страницах в соцсетях, а также на страницах, созданных студентами. Изучаемые

² ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата 420000 «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело». URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/16/92>

медиа были распределены согласно *целям выпуска* (корпоративно-вузовские, студенческие, имеющие статус студенческого объединения, учебные, самиздатовские и узкоспециализированные); *по тематике* (контент информационно-развлекательный и просветительский, а также имиджевый и узкоспециализированный); *по платформе размещения* (контент, транслируемый в стенах университета, на официальном сайте и на официальных страницах вуза в соцсетях, на созданных студентами страницах в соцсетях и на отдельной платформе онлайн-издания).

Результаты и обсуждение

К аудиовизуальным медиа с информационно-развлекательным и просветительским контентом можно отнести следующие проекты Объединенной редакции студенческих СМИ факультета журналистики МГУ: радио «Моховая, 9», телеканал «Моховая, 9» и интернет-издание «Журналист Online». Все они стабильно выходят в эфир, имеют свою редакционную политику. Аудиовизуальный контент размещается на платформах Вконтакте и других соцсетей. Главным редактором созданного в 2017 г. радио «Моховая, 9» является преподаватель, у каждого выпуска свой шеф-редактор из студентов. Мы не можем назвать этот ресурс net-станцией, потому что она не звучит в эфире постоянно. Но, с другой стороны, аудиальный контент преобладает, и он нацелен на студенческую аудиторию, это настоящее университетское радио. Основа редакции – студенты старших курсов, состав обновляется ежегодно. Радио интегрировано в учебный процесс, его программная политика соотнесена с планом обучения дисциплинам специализации на модуле «Радиожурналистика». «Моховая, 9» – мультимедийное и конвергентное медиа, его работа основана на принципах реальной радиостанции с еженедельными летучками, дедлайнами, работой «в поле» и в студии с профессиональной техникой, ежедневным размещением в эфире нового выпуска. Например, рубрика «Календарь журналиста» выходит каждый день в 7 утра. В жанровом диапазоне радио не только новостные и публицистические форматы, но и радиоспектакли, аудиокниги, радиофильмы.

Проекты радио «Моховая, 9» на сайте и в социальных сетях различаются. На сайте «Моховая, 9» (мультимедийный формат на платформе Tilda) представлены рубрики: «Официальный журфак» – о встречах, конференциях, концертах и прочих событиях, которые происходят в МГУ; «Медиатренды» – приглашенные эксперты из разных стран рассказывают о журналистике; «Легенды радио» – публикуются материалы об известных журналистах радио и т. д. Здесь размещены и спецвыпуски к 30-летию радиостанций «Радио России», «Европа плюс», 55-летию радио «Маяк».

В социальной сети «ВКонтакте» радио «Моховая, 9» размещает более разнообразный и регулярно обновляемый контент. Рубрики: «Факультет рифмы» приглашает студентов-поэтов; «Журкорн» рассказывает о фильмах и сериалах о журналистике и журналистах и т. д. Каждая рубрика является авторским проектом одного или нескольких студентов и выходит с разной периодичностью, хронометраж у выпусков тоже различный. «Моховая, 9» – это радио индивидуальных и групповых подкастов, которое не ведет прямых

эфиров. Одна из новых рубрик – аудиогид по университету, где в жанре радиорепортажа и радиорассказа, на платформе Tilda, проходят экскурсии по всем аудиториям факультета журналистики МГУ. «Моховая, 9» – элемент цифровой среды, но придерживается контент-канонов эфирного радио, таким образом, перед нами пример «ремедиации» радиоконтента (Фатеева, 2015).

«Моховая, 9» – еще и студенческий телеканал факультета журналистики МГУ. Новые выпуски выходят каждую неделю, в них чередуется тематический и новостной контент. В выпусках освещаются новости журфака, а также события и проекты университета.

Во многих профильных вузах студенческие аудиовизуальные медиа и учебные – не одно и то же. Так, «Радио утром» – учебное радио, было создано в филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе для выполнения учебной программы по курсу «Выпуск учебных СМИ», хотя в эфир два раза в неделю на большой перемене выходит проводное «Курс FM», которое имеет статус студенческого объединения. До перевода на дистанционное обучение, связанное с пандемией, «Радио утром» звучало в стенах факультета каждый день после первой пары. Однако авторам исследования видится оптимальным объединение учебного и студенческого радио, поскольку это способствует оптимизации затраченных студентами усилий и появлению более качественного контента, что демонстрирует опыт телевидения и радио «Моховая, 9».

Среди университетов, где в студенческих медиа отражение реальной жизни преобладает над пиар-компонентом, можно назвать РУДН. Двери ТВ РУДН открыты как для студентов профильных направлений (направления обучения «Журналистика», «PR», «СМИ», «Телевидение»), так и для представителей всех остальных факультетов. Канал РУДН на YouTube создан в 2009, а RUDN University Planet на английском языке для иностранных студентов – в 2017. Некоторые видеоролики набирают до 1 млн просмотров. Например, сюжет *Find yourself in RUDN University* – более 9 млн. Каждый год на этих каналах публикуется более 100 различных видео. Среди них есть и имиджевые сюжеты, но есть и неформальный контент – мастер-классы звезд шоу-бизнеса, сюжеты о волонтерском движении, онлайн-лекции, научно-популярные программы. Согласно опубликованному в 2021 г. Министерством науки и высшего образования РФ общему рейтингу медиаактивности российских вузов, РУДН занял четвертое место³.

Студенческие медиа НИУ ВШЭ разнообразны по своей структуре, они продюсируются как в рамках учебных дисциплин, так и факультативно, и отличаются неформальностью, используют подкаст как основную форму контента, размещаются в соцсетях и на различных аудиоплатформах. The Vyshka – независимое медиа о студенческой жизни, над которым работают студенты разных направлений подготовки. HSE Press выпускает подкасты, объединенные рубрикой CORVUS. Ведут эти подкасты студенты разных факультетов. Здесь обсуждаются научные события вуза, объясняются простым языком

³ См.: Минобрнауки России представило рейтинг медийной активности высших учебных заведений за ноябрь 2021 года. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/45096/> (дата обращения: 12.08.2022).

ком факты из мира технологий. Радио HSE FM также придерживается формата подкастов на молодежные темы.

«Международный образовательный студенческий телерадиоканал» Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ транслирует максимально широкую по тематике и жанрам программу, канал выглядит как аудиовизуальное медиа общей направленности с ориентацией на интеллектуальную молодежь как основную аудиторию.

Доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью ЮУрГУ (Челябинск) Л.П. Шестеркина является разработчиком концепции первой в России университетской вещательной телерадиокомпании, которая круглосуточно работает в Интернете, телерадиоэфире и кабельных сетях. Телерадиокомпания имеет государственную лицензию на телевизионное вещание и все виды кабельных услуг (IP-телефония, видео по запросу, скоростной выход в Интернет), а также является базой для конвергенции университетских СМИ. Newsroom Digital – 360-градусный мультимедийный ньюсрум дал возможность практиковаться в самых современных реалиях: мультимедийные технологии объединили в единую цифровую среду телеканал «ЮУрГУ-ТВ», студию «Радио ЮУрГУ», газету «Технополис», интернет-сайты (Шестеркина, 2016). Студенты предметно осваивают социальные функции журналистики. Телепередача «Молодежный проспект» интегрирует информационно-коммуникативные и рекреативные функции, подкаст «Радио ЮУрГУ» реализует информационно-коммуникативные и культурно-образовательные функции. Телевизионная программа «Новости ЮУрГУ» нацелена на информирование аудитории, предоставление ей новой актуальной социально-значимой информации. Информационно-коммуникативные функции как ключевые реализуются и в материалах, опубликованных на студенческом интернет-портале Newsroom Digital, а также в газете «SMART Университет» (Шестеркина, Харитоновна, Красавина, 2022, с. 521).

Разнообразный и профессиональный контент выложен на портале «Арктический мост» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск). Главная тема, объединяющая видеоматериалы – освоение Арктики и роль в этом будущих специалистов – студентов университета. Портал отличается от других наличием научно-популярного документального видеоряда об исследовательских экспедициях, это оригинальные съемки, сделанные сотрудниками медиацентра университета в северных морях на судах «плавучего университета». Фильм «К берегам русской Арктики» получил награды международных фестивалей и стал победителем в номинации «Новый репортаж» на 13-м Евразийском телефоруме. Все видеоматериалы выложены на YouTube, на канале SAFUniversity, где 19,5 тыс. подписчиков. Это можно назвать корпоративно-вузовским контентом. В то же время абсолютно студенческий, авторский по стилю оформления контент публикует ресурс «Вышка Today» этого университета, медиа имеет статус студенческого объединения. Одна из программ на портале – серия интервью «А что с тобой?». Искренние монологи студентов о психологии, реализации и самоощущении в кризисные моменты жизни. Сотни лайков размещены под видео,

большой актив в комментариях, репосты, обсуждения. У видео внутренняя драматургия и качественная съемка. Эти выпуски собирают до 10 тыс. просмотров, они интересны не только студентам, но и родителям, которые хотели бы лучше понимать своих уже взрослых детей.

Радио ПГУ (Пермский государственный университет), которое существует уже 72 года, публикует в сети самый разнообразный контент: подкасты «#МЫВМЕСТЕ» и «Кино в халате», лекции, мастер-классы. Тверской государственный университет (ТвГУ) создает многосюжетные новостные программы на странице телеканала «УХ» – в «ВКонтакте».

В тематическом плане многие университеты легко выходят за границы своих стен. В Южном Федеральном университете (Ростов-на-Дону) работает студенческий медиацентр SFEDUMEDIA, который представляет себя как «почти независимое медиа ЮФУ». Студенты берут интервью у федеральных журналистов, преподавателей и выпускников вуза, можно посмотреть и послушать посты на различные темы по хэштэгам: «репортаж», «срочная новость», «интервью», «цифрадня», «студент_спит_учеба_идет», «подкасты». У медиа харизматичные ведущие, цепляющие заголовки, яркие аватарки.

Интерес представляет и медиаопыт непрофильных вузов. Общая черта аудиовизуального контента – ярко выраженный пиар-компонент: от попыток создать позитивный имидж вуза до трансляции мыслей университетской администрации в ущерб продвижению материалов, отражающих студенческую жизнь и интересы. У большинства вузов представлены на сайтах трансляции с общеуниверситетских событий («День первокурсника», «Дни науки», «Мисс университет» и т. д.).

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) имеет свою студию телевидения, которая выставляет на официальную страницу вуза совсем небольшой объем в основном имиджевого контента, подготовленного медиацентром; гораздо больше видеоконтента, уже неформального, представлено «ВКонтакте» на странице студенческого журнала «РИНХбург». Будущие экономисты выпускают видеоприложение к журналу, снимают мастер-классы по самореализации.

Одна из современных тенденций – создание студенческого медиа с редакцией, в которую приглашаются студенты разных вузов. «Мегабайт» – объединенное студенческое СМИ, которое работает на базе Университета ИТМО. В вузе нет направления подготовки «Журналистика», однако в «МегабайтМедиа» входят радио, видеопроекты, интернет-издание, газета и журнал NewTone. Сетевое издание «Мегабайт» зарегистрировано в Роскомнадзоре. «Мегабайт» ведет репортажи с главных событий вуза, общается с учеными, рассказывает о технологических новинках. Команда «Мегабайта» ставит своей целью вернуть студентам статус интеллектуальной элиты страны. С 2015 года команда «Мегабайт» проводит ежегодный Всероссийский студенческий форум *Sciencemedia*, посвященный популяризации науки и образования в молодежных СМИ.

На видеоподкастах у творческой группы Национального исследовательского университета ИТМО более 7 тыс. подписчиков. Это яркий и регулярный контент. Например, шоу «Шот Кредингера» развенчивает мифы и

конспирологические теории, программа выходит в эфир раз в две недели, его ведущие – молодой ученый Георгий и менеджер Гоша. Конечно, все эти аудиовизуальные проекты в конечном счете служат продвижению вуза, но задача решается через информационно-развлекательный и познавательный контент, связанный с будущей профессией студентов.

«Энерго ТВ» Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ) размещает на своем сайте в основном официальную информацию, связанную со статусными инфоповодами, отражающими серьезность и важность энергетической отрасли. У вуза современная студия и студенты делают полноценные обзорные выпуски основных событий вуза за месяц. Однако есть менее официальный молодежный формат – инструкции для студентов и абитуриентов на все случаи жизни: «Про спорт в КГЭУ», «Все про Energy level в КГЭУ» и т. д. Здесь мы встречаем подтверждение общей тенденции: аудиовизуальные СМИ в вузах значительно улучшили свое техническое оснащение, творческие команды работают на хорошей технике, им помогают профессиональные операторы, режиссеры, монтажеры. Не у всех вузов есть собственные студии, но репортажный контент, как правило, представлен качественно, все реже встречается любительский подход. У студентов КГЭУ есть медиациентр, который выпускает «КГЭУ WEEK» – программу с итогами недели, в рамках которой герои выпусков легко переходят на татарский язык (без перевода на русский). Отметим, что использование национального языка является редкостью в студенческих медиа.

К убедительному опыту медиаактивов непрофильных вузов можно отнести YouTube-канал Томского политехнического университета (ТПУ). Канал официально вузовский, но на нем размещен контент студенческой направленности, который имеет высокие цифры просмотров, продвигает инженерные профессии, регулярно обновляется, распределен по рубрикам и плейлистам («Навигатор первокурсника», «Инженерная школа», «Подкасты» «Спецпроекты», «Шоу», «Абитуриенту», «Трансляции» и т. д.). У канала унифицированный стиль оформления, студия, профессиональная съемка, грамотный монтаж видеоматериалов. Наполнена видеоконтентом собственного производства официальная страничка ТПУ «ВКонтакте». ТПУ – один из немногих непрофильных вузов, где существует практика оперативной публикации видеороликов и можно получить представление о самых свежих событиях, о том, что было буквально вчера. На странице «ВКонтакте», например, появляется до 4-х новых постов в день.

Общая тенденция для профильных и непрофильных вузов – уменьшение активности при создании аудиовизуальных продуктов в последние два года. Например, гораздо скромнее, чем до пандемии Covid-19, представлен аудиовизуальный контент в Северо-Кавказском Федеральном университете. ТВ-программа «#Вузблог» до 2019 года выходила регулярно и представляла достижения вуза в науке, рассказывала о победителях Всероссийских олимпиад, профессиональных конкурсов и т. д.

Исследование показывает, что не так много вузов практикуют регулярные обращения ректора к студентам, то есть используют так называемый публичный капитал ключевых фигур. Образ руководителя, его откры-

тость, стиль управления, репутация в обществе, создаваемый им социально-психологический климат, несомненно, влияют на доверие к вузу как внутренней аудитории, так и внешней. Некоторые вузы гораздо чаще размещают на вузовских сайтах выступления ректоров в различных программах федеральных радиостанций и других внешних ресурсов, причем многие из этих материалов не касаются высшего образования и содержат размышления о вопросах внутренней и внешней политики России. Так, например, за 2021 год на официальном сайте Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов размещены 20 выступлений в эфире радио «Комсомольская правда», и одно интервью в эфире радио «Говорит Москва» ректора, члена-корреспондента Российской академии наук А.С. Запесоцкого. Они касаются международных отношений, реакции ректора на наиболее резонансные события недели, итоги 2021 года и т. д.

Пример завидного постоянства и регулярного обновления контента – Medical Channel («Медач»). Проект позиционируется как медицинское сообщество молодых врачей и студентов медицинских университетов и ставит своей целью обмен знаниями. Здесь представлены материалы, облегчающие учебную и практическую деятельность, размещена информация о вакансиях в медвузах страны. Medical Channel был создан в октябре 2013 года как самиздатовское студенческое медиа Ростовского государственного медицинского университета со своей группой «ВКонтакте». К редакции присоединились студенты и других медицинских вузов, которые стали делиться своими методичками, книгами, полезными материалами. В итоге редакция перестала ассоциировать себя с РостГМУ. «Ну, а в дальнейшем мы стали делать свой контент (переводы английских статей, озвучивание зарубежных лекций на русский, написание авторских статей, запись аудиоподкастов, съемка видео, организация офлайн-мероприятий с лекциями и др.) Мы не являемся СМИ и пока не планируем им становиться, но позиционируем себя как профессиональное сообщество студентов медвузов и врачей. И, да, вполне себе обучающее»⁴. Medical Channel стал победителем в номинации «Лучшее СМИ о науке» на Всероссийском медиафоруме 2017.

Заключение

Изучив студенческие и учебные аудиовизуальные медиа профильных и непрофильных вузов России, можно утверждать, что при разности подходов, у них много общего. Все аудиовизуальные медиа можно разделить на вузовско-корпоративные, студенческие (имеющие статус студенческого объединения), учебные, самостоятельные и специализированные. Сегодня студенческие и учебные аудиовизуальные СМИ преимущественно мультимедийные, они публикуют контент в различных форматах на платформах сети Интернет. При этом большинство создателей студенческих аудиовизуальных медиа предпочитают использовать не сайты, а социальные сети, что вполне обосновано. Студенческие СМИ, как и профессиональные, следуют в точки скопления потенциальной аудитории. В последние два года выпуск аудио-

⁴ Из интервью администратора сообщества Medical Channel Никиты Родионова авторам статьи.

визуального контента у многих непрофильных вузов стал менее активным, но ориентация на мультимедийность продолжает развиваться, студенты осваивают все больше площадок для публикаций. Официальный контент размещается на вузовском сайте, либо сайте медиа, неформальный – в социальных сетях, как правило, «ВКонтакте» и на YouTube-каналах. Контент вузовско-корпоративных и студенческих аудиовизуальных медиа обретает профессиональные черты, производится на современной технике, широко распространены подкастинг, есть примеры объединения студентов из разных вузов для создания общего медиа.

Министерство науки и высшего образования РФ представило в 2021 году уже упомянутый независимый рейтинг медийной активности 219 вузов, подведомственных Минобрнауки России. Итоговый рейтинг (M-rate) складывался из трех показателей: *эффективность работы вуза со СМИ* (Index Mass Media, имеются в виду внешние СМИ: локальные, региональные, федеральные, онлайн), *с социальными сетями* (Index Social, наличие у вуза аккаунтов в восьми социальных сетях, трафик приведения на сайт вуза из соцсетей) и *официальным сайтом* (Index Site). Показатель эффективности работы вуза с сайтом учитывал аудиторию сайта, время, которое пользователи проводят на нем, количество посещений сайта за месяц, а также показатели отказов.

Мониторинг проводился впервые, но руководство министерства планирует сделать его регулярным и полностью автоматизированным⁵. Это говорит не только об актуальности нашего исследования, но и о перспективах дальнейшего изучения состояния студенческого аудиовизуального контента в вузах России.

Список литературы

- Болкунов А.Н. Типология студенческой прессы России начала XXI века // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2009. № 4. С. 83–87.
- Грабельников А.А. О буднях журналистского образования // Век информации. 2017. № 3. С. 35–38.
- Гусенкова А.Е. Учебная газета факультета журналистики: к постановке проблем медиаобразовательного проекта // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. Т. 2. № 6. С. 9–11.
- Жилавская И.В. Медиаобразование молодежи: монография. М.: МГГУ имени М.А. Шолохова, 2013. 243 с.
- Кильпеляйнен Е.С. Трансформация профессиональных компетенций журналиста в период цифровизации медиапространства: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 194 с.
- Коханова Л.А. Тренды современной журналистики как фактор трансформации профессии // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. № 2. С. 147–155.
- Носова Ю.А. Отечественная пресса для студенческой молодежи: историко-типологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 180 с.
- Свитич Л.Г. Изменение журналистской профессии в условиях медиаконвергенции // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2015. Т. 94. № 5. С. 406–413.

⁵ Минобрнауки России представило рейтинг медийной активности высших учебных заведений. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/minobrnauki-rossii-predstavilo-rejting-medijnoj-aktivnosti-vyssih-ucebnyh-zavedenij> (дата обращения: 03.02.2022).

- Уразова С.Л. Конвергенция как фактор жизнеспособности массмедиа в цифровой среде. Теоретический аспект // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 287–293.
- Уразова С.Л., Волкова И.И., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81. <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81>
- Фатеева И.А. Новые технологические форматы медиаобразовательных проектов // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2015. Т. 360. № 5. С. 40–46.
- Федоров А.В., Новикова А.А., Челышева И.В., Каруна И.А. Медиаграмотность будущих педагогов в свете модернизации образовательного процесса в России. Таганрог: Кучма, 2004. 188 с.
- Шестеркина Л.П. Как создать в вузе 360-градусный мультимедийный ньюсрум: из опыта работы журфака ЮУрГУ // Университеты и медиа: от газеты к 360-градусному мультимедийному ньюсруму: материалы семинара Учебно-методического совета по журналистике, 28–29 октября 2015 г. / ред. Е.Л. Варганова, Л.П. Шестеркина. Челябинск: ЮУрГУ, 2016. <https://doi.org/10.17223/26188422/2/2>
- Шестеркина Л.П., Марфицына А.Р. Практическая журналистика в поиске путей совершенствования журналистского образования // Вопросы журналистики. 2017. № 2. С. 24–38.
- Шестеркина Л.П., Харитонова О.Ю., Красавина А.В. Проектное обучение в условиях дистанционного формата: из опыта подготовки студентов по направлению «Журналистика» в Институте медиа и социально-гуманитарных наук ЮУрГУ // Организация образовательного процесса вузов с использованием технологий смешанного и дистанционного обучения в условиях пандемии: региональный опыт / под ред. А.Л. Шестакова. Челябинск: ЮУрГУ, 2022. С. 514–532.
- Global Journalism Education in the 21st Century: Challenges & Innovations / ed. by R. Goodman, E. Steyn. Austin: Knight Center for Journalism in the Americas, University of Texas at Austin, 2017.
- Masterman L. Teaching the media. London: Routledge, 1989.
- Vartanova E.L., Lukina M.M. Russian journalism education: challenging media change and educational reform // Journalism & Mass Communication Educator. 2017. No 72 (3). Pp. 274–284. <https://doi.org/10.1177/1077695817719137>

References

- Bolkunov, A.N. (2009). Typology of student press in Russia at the beginning of the 21st century. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. Series: Sociology. Political Science*, (4), 84–86. (In Russ.)
- Fateeva, I.A. (2015). New technological formats of the media education projects. *Chelyabinsk State University Bulletin: Philology. Art History*, 360(5), 40–46. (In Russ.)
- Fedorov, A.V., Novikova, A.A., Chelysheva, I.V., & Karuna, I.A. (2004). *Media literacy of future teachers in the light of the modernization of the educational process in Russia*. Taganrog: Kuchma Publ. (In Russ.)
- Goodman, R., & Steyn, E. (Eds). (2017) *Global journalism education in the 21st century: Challenges & innovations*. Austin: Knight Center for Journalism in the Americas, University of Texas at Austin.
- Grabelnikov, A.A. (2017). On the everyday life of journalistic education. *The Age of Information*, (3), 35–38. (In Russ.)
- Gusenкова, А.Ye. (2010). Study newspaper of the faculty of journalism: Setting the problem of the mediaeducation project. *Sign: The Problem Field of Media Education*, 6(2), 9–11. (In Russ.)

- Kilpelainen, E.S. (2019). Transformation of professional competencies of a journalist during the digitalization of media space (PhD. Philol. sci. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Kokhanova, L.A. (2017). Trends in modern journalism as a factor in the transformation of the profession. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, (2), 147–155. (In Russ.)
- Masterman, L. (1989). *Teaching the media*. London: Routledge.
- Nosova, Yu.A. (2007). *Domestic press for student youth: Historical and typological aspect* (PhD. Philol. sci. diss.). Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Shesterkina, L.P. (2016). How to create a 360-degree multimedia newsroom at university: From the experience of SUSU Journalism Department. In E.L. Vartanova, L.P. Shesterkina (Eds.), *Universities and Media: From Newspaper to 360-Degree Multimedia Newsroom: Proceedings of the Workshop of the Educational and Methodological Council on Journalism (28–29 October 2015)*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/26188422/2/2>
- Shesterkina, L.P., & Marfityna, A.R. (2017). Practical journalism in search of ways to improve journalism education. *Russian Journal of Media Studies*, (2), 24–38. (In Russ.)
- Shesterkina, L.P., Kharitonova, O.Yu., & Krasavina, A.V. (2022). Project-based learning in distance education format: Case study for training students majoring in journalism at the SUSU Institute of Media and Social Sciences and Humanities. In A.L. Shestakov (Ed.), *Organization of the Educational Process of Universities using Blended and Distance Learning Technologies in a Pandemic: Regional Experience* (pp. 514–532). Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Svitich, L.G. (2015). Changes in journalistic profession under conditions of media convection. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art History*, 94(5), 406–413. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2011). Convergence as a factor of media viability in the digital environment. Theoretical aspect. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 5(1), 287–293. (In Russ.)
- Urazova, S.L., Volkova, I.I., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for forming a communicative space in the student environment: Immersion in creativity. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/2658-7114-2020-15-1-75-81>
- Vartanova, E.L., & Lukina, M.M. (2017). Russian journalism education: Challenging media change and educational reform. *Journalism & Mass Communication Educator*, 72(3), 274–284. (In Russ.) <https://doi.org/10.1177/1077695817719137>
- Zhilavskaya, I.V. (2013). *Media education of youth*. Moscow: Sholokhov Moscow State University for Humanities.

Сведения об авторах:

Уразова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, главный редактор научного журнала «Вестник ВГИК», Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова. ORCID: 0000-0003-2264-2859. E-mail: svetlana.urazova@gmail.com

Громова Екатерина Борисовна, старший преподаватель, кафедра журналистики, историко-филологический факультета, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе. ORCID: 0000-0003-4705-4180. E-mail: katya-64@inbox.ru

Кузьменкова Ксения Евгеньевна, тьютор по учебной работе, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0002-8064-3828. E-mail: kuzmenkova-ke@rudn.ru

Митковская Юлия Павловна, магистрант, направление подготовки «Менеджмент в СМИ», факультет коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0000-0002-8439-0573. E-mail: julia.mitkovskay@gmail.com

Bio notes:

Svetlana L. Urazova, Doctor of Philology, Associate Professor, Editor-in-Chief of the scientific journal “Vestnik VGIK” (“Bulletin of Film Art”), Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov. ORCID: 0000-0003-2264-2859. E-mail: svetlana.urazova@gmail.com

Ekaterina B. Gromova, senior lecturer, Department of Journalism, Faculty of History and Philology, Sevastopol Branch of M.V. Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-4705-4180. E-mail: katya-64@inbox.ru

Ksenia E. Kuzmenkova, tutor for educational work, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0002-8064-3828. E-mail: kuzmenkova-ke@rudn.ru

Yulia P. Mitkovskaya, master’s student, direction of training “Management in the Media”, Faculty of Communications, Media and Design, HSE University. ORCID: 0000-0002-8439-0573. E-mail: julia.mitkovskay@gmail.com

ИГРОВЕДЕНИЕ

GAME STUDIES

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-823-832

UDC 316.772.5

Research article / Научная статья

Analysis of Russian and global game studies: ludology vs. narratology

Andrei A. Pugachev

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation*

 quadriptych@gmail.com

Abstract. The author reviews the past-to-present academic literature on game studies from the perspective of ludology and narratology. The academic study of video games has grown substantially since 2001 – the year Game Studies started publishing its first articles. Yet both ludology and narratology remain a particularly new field, especially in the Russian academic field, and many of its discussed themes have yet to attain widespread recognition. The academic articles published between 2017 and 2022 were reviewed to provide understanding of the current state of the research on ludology and narratology in various research areas. The corpus was gathered by searching publications in international database Scopus. Each article was categorized according to the type of database, period of time, the country of publication, the field of study and the frequency of citations. The applied method of quantitative research allows tracking the development of research within five years in the field of game studies. Several proposals for further research in this field were put forward. The main hypothesis of this work is that one type of methodology is more applicable than the other, considering the background. The author concludes that one type of methodology can prevail in research – depending on the region of the published article.

Keywords: ludology, game studies, computer games, online-media, entertainment, gameplay, narratology

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 1, 2022; revised September 23, 2022; accepted October 18, 2022.

For citation: Pugachev, A.A. (2022). Analysis of Russian and global game studies: Ludology vs. narratology. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 823–832. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-823-832>

© Pugachev A.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Анализ российских и глобальных исследований игр: игровая механика и развитие нарратива

А.А. Пугачев

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2*

✉ quadriptych@gmail.com

Аннотация. Рассматривается научная литература по изучению игр с точки зрения лудологии и нарратологии. Количество академических исследований, посвященных проблеме видеоигр, значительно возросло с 2001 года, когда по теме Game Studies начали публиковаться первые статьи. Тем не менее как лудология, так и нарратология остаются достаточно неизученной областью, особенно в российском академическом поле, и многие из обсуждаемых тем еще не получили широкого признания. Проанализированы научные статьи, опубликованные в период с 2017 по 2022 год, для получения представления о текущем состоянии исследований по лудологии и нарратологии в различных научных областях. Корпус собран путем поиска публикаций в международной базе данных Scopus. Каждая статья классифицирована по типу базы данных, периоду времени, стране публикации, области исследования и частоте цитирования. Примененный метод количественного исследования позволяет проследить развитие исследований в течение пяти лет в области видеоигр. Выдвинуты несколько предложений по дальнейшим исследованиям в этой области. Основная гипотеза данной работы заключается в том, что один тип методологии применяется чаще, чем другой, если смотреть на историю функционирования рынка в прошлом. Установлено, что в исследованиях может преобладать один тип методологии – в зависимости от региона опубликованной статьи.

Ключевые слова: лудология, игровые исследования, компьютерные игры, онлайн-СМИ, развлечения, геймплей, нарратология

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.; откорректирована 23 сентября 2022 г.; принята к публикации 18 октября 2022 г.

Для цитирования: *Pugachev A.A. Analysis of Russian and global game studies: ludology vs. narratology // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 823–832. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-823-832>*

Introduction

Nowadays the video game industry is rapidly growing. Digital technologies bring radical changes not only to our way of life, but the consumption of entertainment as well. According to Deloitte's 2022 Digital Media Trends survey in the United States, a vast majority of respondents are playing video games. More than 80% of both men and women say they play, with half of smartphone owners saying they play on a smartphone every day. Obviously, people born between 1990 and 2010 (Gen Z) and people born between 1980 and 2000 play the most. This, in addition, breaks the stereotype that videogames are “just for kids” or simply “about playing in a sandbox” because according to recent studies, contrary

to stereotype, the largest concentration of players are in their 30s, not teens or even college-aged. 70% of gamers are of age 18 or older. The average age is 31. All of that led to the rise of the cultural phenomenon known as videogames. And that rise of popularity managed to provide an autonomous field of study in the science world, known as “Computer Game Studies” that gained popularity during its first year and the interest remained stable until now (Figure 1). Although in Russia there are still no dedicated game studies scholarship programs, the USA and Europe in that regard are a bit ahead.

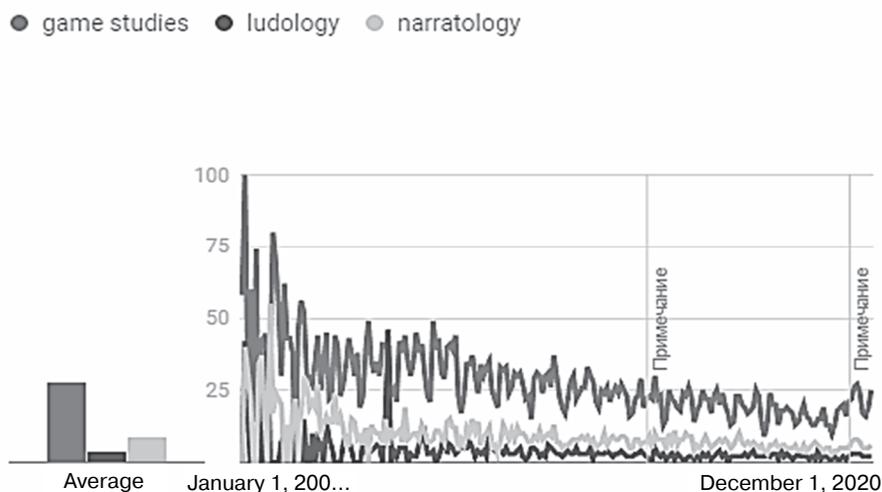

Figure 1. Search topics “Game Studies”, “Ludology”, “Narratology” in Google (Google Trends 2001–2022, global)

Note: Google trends data reflects searches people made on “Game Studies”, “Ludology” and “Narratology”. Official site. Retrieved August 12, 2022, from <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=game%20studies,ludology,narratology>

Espen Aarseth is widely considered to be the pioneer of video game studies. In 2001 he published an article called “Computer Game studies, Year 1”. By doing so, he officially declared the study of the Computer Games as an independent and legitimate academic discipline. Henry Jenkins, the American media scholar said that video games, being a new form of art, deserve the same treatment in the academic field as traditional art gets.

In Russia, the year in which game studies started to appear was 2012. In that year 3 main groups of game studies enthusiasts appeared. First, the website gamestudies.ru has been opened to gather, translate and publish information from international colleagues. Later in that year, two clubs devoted to game studies opened in the philosophy departments of Moscow State University (MSU) and St. Petersburg State University (SPbSU). However, the year when game studies were considered a proper field was 2013. Center for Media Philosophy SPbSU held its first scientific conference devoted to computer games named “Computer games – the theater of action”. Two schools formed. One in St. Petersburg called “Laboratory of Computer Game Studies, LCGS” and one in Moscow under the name of “Moscow Game Center, MGC”.

On the research level both in Russia and abroad, there has been a serious disagreement, as stated before, about the methodological approach that video game studies should use. On one side there are ludologists, who focus more on the gameplay, mechanical and functional analysis of video games. On the other, there are narratologists or narrativists who perceive games as more of a traditional form of art, analyzing the storytelling and narrative used in those games. While ludologists say that the story element in games is not important, as the player will always be captivated by the gameplay, the core of the video game, and their (player's) main goal would be to figure out how to win at that particular game. Narrativists admit that yes, even if most of the games do not have and do not need a coherent story, the most popular ones (being only 5% of all gaming market) have strong narrative elements, or share the same characteristics that movies or books do.

The main hypothesis of this paper is that one type of methodology (be it ludology or narratology) is used more often than the other, due to a certain background of the game industry in the selected countries.

Method

In order to understand which method each researcher uses in their work, we decided to highlight a number of distinguishing features. We decided to distribute these features in a Table, according to the key themes that will be addressed in the article, book or monograph. The features themselves were selected according to the topics most frequently mentioned by the scholars. The paper does not present new research but explores the corpus of works on game studies. Thus, its purpose is to analyze academic literature on both ludology and narratology, written by both foreign and Russian authors and published in Scopus. We evaluated the field development, and the works that made an impact on the game industry as a whole. The following research questions have been set to achieve the goal: **RQ1.** What are the appropriate terms for discerning ludology and narratology? **RQ2.** How has the research literature on game studies developed over five years? **RQ3.** What are the study areas of games? **RQ4.** Who are the most authoritative researchers in the field of game studies? In the current paper, we developed the definition of both ludology and narratology that were used in the measurement process. We applied the method of quantitative research. We included only academic publications indexed in the Scopus within the period from 2017 to 2022. In order to review the existing literature, we identified the keywords related to game studies. Then we selected relevant terms from the keyword sections of the papers and compiled the list of words related to game studies. After that we narrowed our search only to fields related to game studies. That being “Social Sciences”, “Computer Sciences”, “Arts and Humanity Sciences”, “Engineering sciences” and “Decision sciences”. Next, we carried out a literature search in the scientific database, obtaining 40 records in total for “game studies”, 34 for “ludology” and 17 for narratology. Thereafter, we identified duplicate papers and cleared the database. And as a result of there not being duplicated papers at all, the cumulative corpus of publications was 91. Then we selected the relevant publications and coded the material by the period of time, the field of study and geographical affiliation of researchers. In order to understand which method each researcher uses in their work, we decided to high keywords.

The number of keywords related to game studies used in research from 2017 to 2022 globally on Scopus

Ludologists	Narratologists
Feedback loop – 26 474	Linearity – 17 928
Game rules – 6311	Game characters – 3291
Score state – 5375	Story structure – 2018
Numeric state – 2398	Animation techniques – 1085
Game mechanics – 2238	Narratology – 850
Agency – 1637	Role-play – 609
Interactivity – 586	Performance – 531
Ludology – 60	Visual representation – 156

Source: compiled by the author.

Results and discussion

To better understand the terminology of this work, we wanted to describe the phenomenon of game studies, ludology and narratology. “*Game studies*” is a new academic field and interdisciplinary field of learning, which focuses on games, playing and related phenomena. “*Ludology*” is the study of games and the study of games as rules, ignoring their fictional content. “*Narratology*” is the study of narrative in computer games. We searched the database only with those terms. According to Figure 2, the whole theme of computer games studies was volatile. In 2021 however it has seen a massive growth after a period of either recession or stagnation. It may be connected to the COVID-19 pandemic. The growing demand in the consumption of video games during quarantine has revealed economic changes to the benefit of this industry showing an increase in the sales within the countries with the highest video game consumers (China 250% in video game sales and Australia 285% in sales of consoles), as well as consoles during the quarantine, in short, breaking records sales and impacting the world market on a large scale. As with the revenue, the interest rose as well.

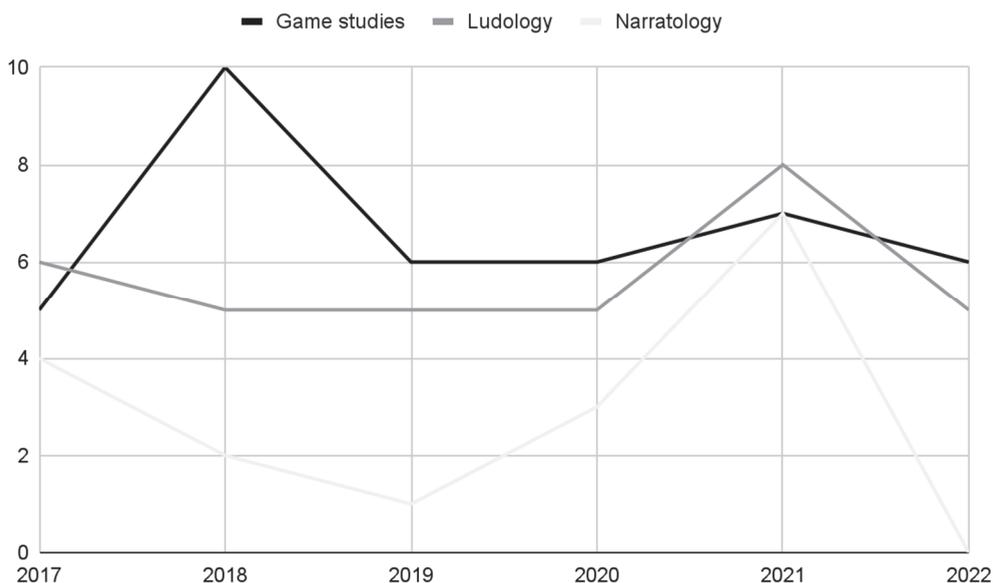

Figure 2. Number of articles published in Scopus globally by year

Source: compiled by the author.

The study also shows that 27.5% of the papers on game studies indexed in Scopus were written by Chinese scholars. The Chinese game development and research industry is at a rise with the increasing number of aspiring game studios opening up in connection with the lifting of previous restrictions (such as game console ban that lasted from 2000 to 2015). The second place in game studies is taken by the USA with 25%. The USA gaming market is the second largest after Chinese, although the number of game studies in European countries combined make up the biggest percentage, because of the origin of game studies (Norway). Data collected from the analysis of ludology and narratology papers proves to be much more interesting. 20.59% (being the largest percentage) of ludology research has been done in the US. While 17.65% of narratology research has been done in Russia, taking the second place after Spain with 23.53%.

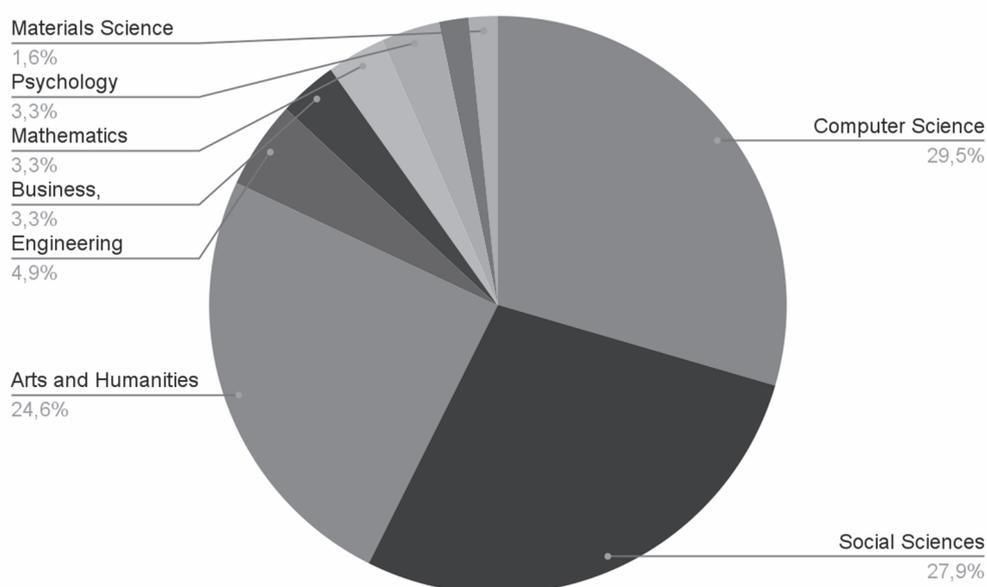

Figure 3. Research areas on ludology in the Scopus citation database, %

Source: compiled by the author.

Figures 3 and 4 present ludology and narratology research areas respectively. As both approaches are quite different in nature, it can be seen on the diagrams as well. Ludology, being strongly connected with the core mechanics and computer code of the games, makes computer sciences take 29.5% out of all citations. Same can be said about social sciences. Ludology articles often speak about social problems, discussing rules and restrictions of certain games, that can be later transferred into the practical field, outside of game studies. Gamification in media falls under the arts and humanities area, as once again, articles such as “The Limits of Gamification” talk about the humanity problem, but with a ludological approach, it being figuring out the structure and systematic model of gamification, not the contents of gamified material. On the other hand, narratology steps more into the fictional worlds of computer games, analyzing the gamification of historical events and implementation of religious themes in games. Arts and humanities area of research in narratology talks about the plot, the main storyline and themes

that are being brought up in games as in traditional art. E.g. the article under the name of “Videoludic discourse and transhumanism in soma” talks about high diegetic, philosophical and, ultimately, discursive content in the game “Soma”, not about it’s in-game mechanics or gameplay. That also explains why this area is the largest. However, narratologists still discuss and analyze computer games, and computer games, it follows, are connected to computer science.

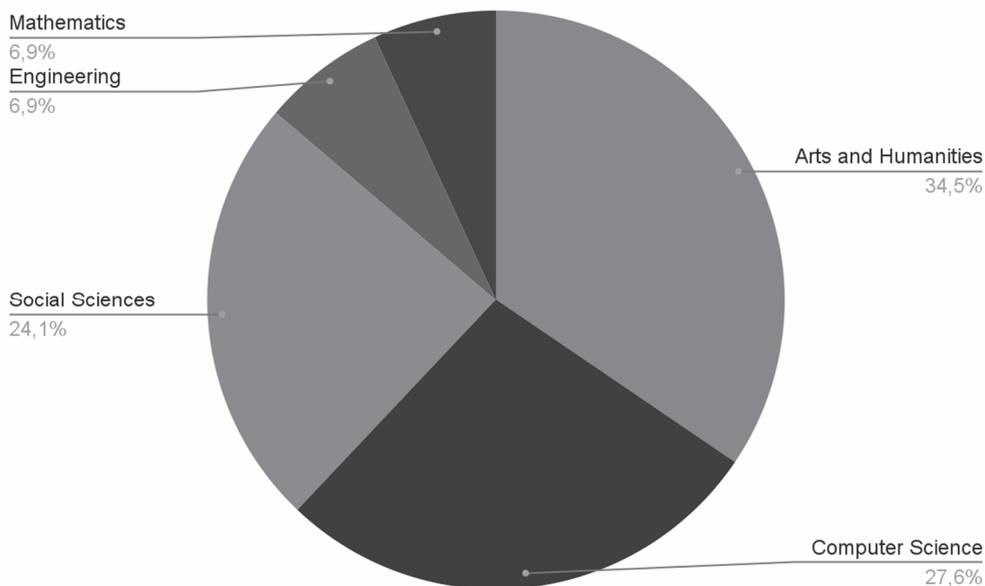

Figure 4. Research areas on narratology in the Scopus citation database, %

Source: compiled by the author.

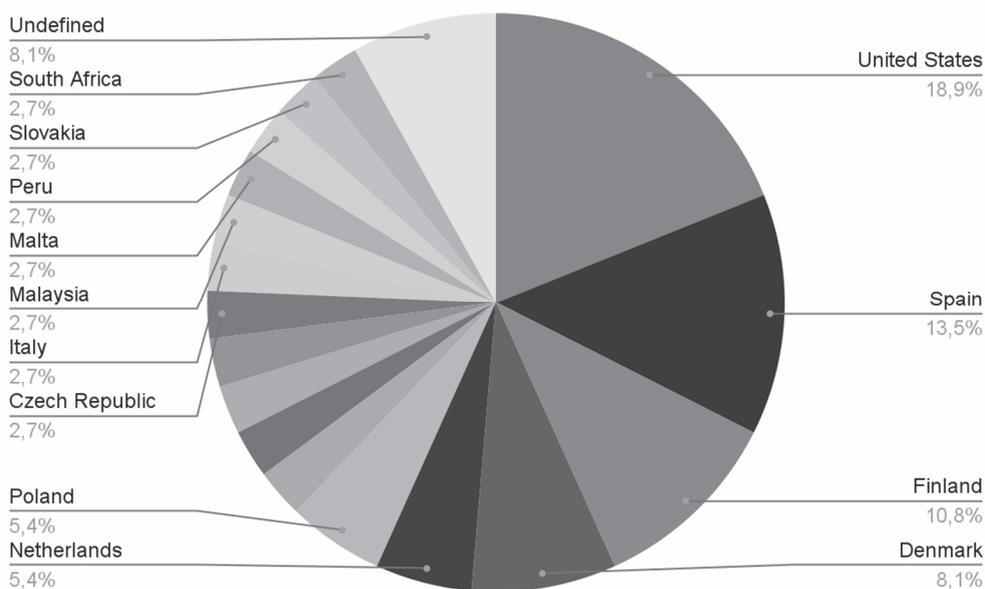

Figure 5. The country of articles' origin on ludology in Scopus citation database, %

Source: compiled by the author.

The country of origin factor articles on ludology shows (Figure 5) that most research comes from institutions in the USA (18.9%) and Spain (13.5%). American leadership in the entertainment sphere explains well the country’s high citation index. The experience USA has on the gaming market, the well-established products and popular franchises make other scholars cite USA articles more frequently. As we can see, Russia is not present in the chart. This can be explained with the peculiar history of development of the Russian gaming market. Nowadays, the industry does not have sufficient capacity to sustain itself and compete with the global developers. But, our country is taking huge steps to improvement in this field.

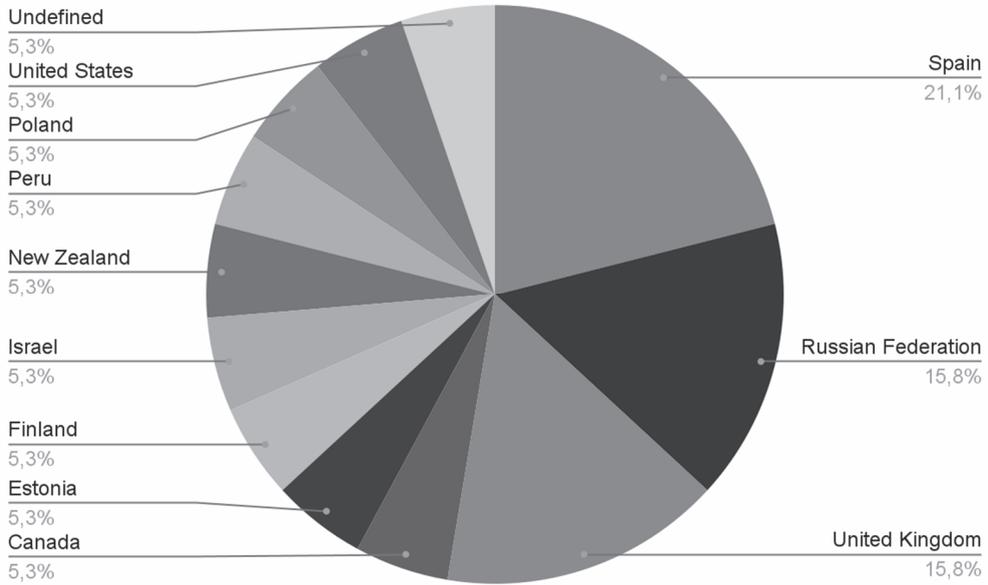

Figure 6. The country of articles’ origin on narratology in Scopus citation database, %

Source: compiled by the author.

On the other hand, in the narratology field, although with Spain still leading, Russia comes in second place (Figure 6), thus proving the hypothesis that one of the methods of game research can be prevalent based on the current state of the market and its history in the past. Once again, our assumption was that all in all, everything comes down to the availability of processing resources and experience in game development. Most Russian video game developers emphasize the story, narrative and world-building in their projects. As it is much more financially efficient to come up with a good narrative, than convoluted gameplay mechanics. However, as most scholars claim, the importance of story and narrative over gameplay can be justified by genre. And most of the games released by Russian developers fall under the genres in which plot is often more important (visual novels, point and click adventures, role-playing games).

The next step in our research was to explore the most cited papers on both ludology and narratology in game studies as a whole. One of them titled “Making Sense of Genre: The Logic of Video Game Genre Organization” by Associate Professor of Audiovisual Communication and Advertising Juan J. Vargas-Iglesias from Spain (2020). In this study the author tries to outline the logic that lies within

the constitution of videoludic genres, understanding them as formal devices configured as per the different thought functions stated by Piaget's cognitive psychology theory. Another highly cited article "Extending the theory of planned behavior (TPB) to explain online game playing among Malaysian undergraduate students" written by the group of scholars from Saudi Arabia describes modeling the determinants of actual use of online game playing. Many authors also referred to the study named "Ludologic design and augmented reality. The game experience in Pokémon Go!" written by Rodríguez-Serrano, Aarón, Spain. This study examines the narrative and ludological processes between the "Pokemon Go!" players, the most relevant "augmented reality" video game till now.

Conclusion

Our findings show that the overall number of publications on game studies increased insignificantly. From 948 to 1223 papers in the Scopus database, over the span of five years, remaining stable over the time of our observation. Same can be said about ludology with the number of papers ranging from 12 to 17. Narratology on the other hand, has been seeing a huge drop in publications, ranging from 180 published papers in 2021 and only 80 in 2022. Indeed, the year is still not over, but maybe scholars started realizing the potential of studying the true core of computer games, which is in its essence – the gameplay. This debate has been going on since the beginning of not only game studies, but computer games as a new medium as well. And in the future, using the data collected in this research, game studies can once and for all resolve the problem of choosing one methodology over the other. Maybe coming up with a combination of two, or maybe developing a completely new one that can include both gameplay and narrative aspects in it. Game studies are still an aspiring field of research that is being considered a proper area of scientific study, but we can say that not only globally, but in our country as well, it is going to become more recognized and establish a more independent base as time goes on.

References / Список литературы

- Aarseth, Espen J. Norwegia – 2001. Computer Game Studies, Year One. *Game Studies*. Retrieved August 15, 2022, from <http://gamestudies.org/0101/editorial.html>
- Ahmed, I., Imran, M., Ramayah, T., Osama, A., & Nasser, A. (2017). Extending the theory of planned behavior (TPB) to explain online game playing among Malaysian undergraduate students. *Telematics and Informatics*, 34(4), 239–251. <http://doi.org/10.1016/j.tele.2016.07.001>
- Drew, D. (2022). *Know thy gamer: A parent's guide to video games*. B&H Publishing Group.
- Frasca, G. (2003). Ludologists love stories too: Notes from a debate that never took place. *Proceedings of the 2003 DiGRA International Conference: Level Up* (vol. 2). Retrieved August 15, 2022, from <http://www.digra.org/digital-library/publications/ludologists-love-stories-too-notes-from-a-debate-that-never-took-place/>
- Frasca, G. (2003). Simulation versus narrative: Introduction to ludology. In M.J.P. Wolf & B. Perron (Eds.), *The Video Game Theory Reader* (pp. 221–235). Routledge.
- Juul, J. (2001). Game telling stories? A brief note on game and narratives. *Game Studies*, 1(1). Retrieved August 15, 2022, from <http://gamestudies.org/0101/juul-gts/>
- Kewin, W., Jana, A., Chris, A., Brooke, A., Jeff, L., & Kevin, D. (2022). *2022 Digital media trends. Toward the metaverse (16th ed.)*. Retrieved August 15, 2022, from

<https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/technology/digital-media-trends-consumption-habits-survey/summary.html>

- Krzywinska, T., & King, G. (2002). *ScreenPlay: Cinema/videogames/interfaces*. Wallflower Press.
- Mäyrä, F. (2008). *An introduction to game studies: Games in culture*. SAGE Publications Ltd.
<http://doi.org/10.4135/9781446214572>
- Pina Arrabal, A. (2021). Videoludic discourse and transhumanism in SOMA. *Artnodes*, (28).
<http://10.7238/artnodes.v0i28.385626>
- Rodríguez, S., Martín-Núñez, M., & Gil-Soldevila, S. (2017). Ludologic design and augmented reality. The game experience in Pokémon Go! (Niantic, 2016). *Revista Latina de Comunicación Social*, 72, 667–678. <http://doi.org/10.4185/RLCS-2017-1185>
- Vargas-Iglesias, J.J. (2020). Making sense of genre: The logic of video game genre organization. *Games and Culture*, 15(2), 158–178. <http://doi.org/10.1177/1555412017751803>
- Vetushinskiy, A.S., & Salin, A.S. (2020). Game studies in Russia: Eight year. *Sociology of Power*, 32(3), 8–13. <http://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-3-8-13>

Bio note:

Andrei A. Pugachev, PhD scholar, Department of Mass Communication, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). ORCID: 0000-0001-6722-2431. E-mail: quadriptych@gmail.com

Сведения об авторе:

Пугачев Андрей Алексеевич, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов. ORCID: 0000-0001-6722-2431. E-mail: quadriptych@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-833-837

УДК 821.16.1

Библейский код в лирике Башлачёва. Рецензия на книгу: Гавриков В.А. Эсхатология Башлачёва: монография. М. – Калуга – Венеция: Bull Terrier Records, 2021. 260 с.

О.Р. Темиршина

*Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Российская Федерация, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21*
✉ o.r.temirshina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается специфика рецензируемой книги, описываются основные исследовательские подходы автора к текстам Башлачёва и определяется методологическая платформа монографии. Доказывается плодотворность рассмотрения поэтического мира Башлачёва через «библейскую» призму. Обосновывается актуальность монографии В.А. Гаврикова, обусловленная необходимостью изучения художественной онтологии Башлачёва в лингвопоэтическом ракурсе. Выявляются основные результаты исследования, констатируется их теоретическая и историко-литературная значимость.

Ключевые слова: Башлачёв, модель мира, эсхатология, Библия, литературная традиция, жанр

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.; откорректирована 2 марта 2022 г.; принята к публикации 10 июня 2022 г.

Для цитирования: *Темиршина О.Р.* Библейский код в лирике Башлачёва. Рецензия на книгу: Гавриков В.А. Эсхатология Башлачёва: монография. М. – Калуга – Венеция: Bull Terrier Records, 2021. 260 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 833–837. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-833-837>

© Темиршина О.Р., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Bible code in Bashlachev's lyrics.

Book review:

Gavrikov, V.A. (2021). *Eschatology of Bashlachev: Monograph*. Moscow, Kaluga, Venice: Bull Terrier Records. (In Russ.)

Olesya R. Temirshina

*Moscow University named after A.S. Griboedov,
21 Shosse Entuziastov, Moscow, 111024, Russian Federation*

✉ o.r.temirshina@yandex.ru

Abstract. The author discusses the specifics of the book under review, describes V.A. Gavrikov main research approaches to Bashlachev's texts, and defines the methodological platform of the monograph. The fruitfulness of considering the poetic world of Bashlachev through the “bible” prism is proved. The relevance of the monograph by V.A. Gavrikov, due to the need to study the artistic ontology of Bashlachev in a linguo-poetic perspective. The main results of the study are identified, their theoretical and historical-literary significance is stated.

Keywords: Bashlachev, model of the world, eschatology, Bible, literary tradition, genre

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted April 5, 2022; revised March 2, 2022; accepted June 10, 2022.

For citation: Temirshina, O.R. (2022). Bible code in Bashlachev's lyrics. Review on the book: Gavrikov, V.A. (2021). *Eschatology of Bashlachev: Monograph*. Moscow, Kaluga, Venice: Bull Terrier Records. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 833–837. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-833-837>

Монография В.А. Гаврикова посвящена эсхатологии Башлачёва, хотя в целом ее проблематика нам видится гораздо более широкой. В книге идет речь о художественной онтологии поэта и его ценностной картине мира в проекции на поэтические принципы.

В первой главе книги «Творчество Башлачёва как динамическая целостность» исследователь рассматривает лирику Башлачёва в трех аспектах: с позиции ее периодизации, в контексте трансформации смыслов в отдельных исполнительских контекстах и с точки зрения единства поэтической системы.

Несмотря на относительно короткую творческую биографию поэта, Гавриков разбивает его творчество на целых шесть этапов. Любопытно, что некоторые мотивно-образные комплексы мигрируют от этапа к этапу, что, по-видимому, свидетельствует об их важности для Башлачёва. Каждый период характеризуется с трех позиций: тематика/проблематика, биографические реалии, репертуарный элемент. В единое целое эти этапы сопрягает некий телеологически сверхсюжет, в основе которого, по мнению исследователя, лежит движение от быта (ранний период лирики) к бытию (поздние этапы творчества).

Отдельно следует сказать о шестом, финальном периоде лирики Башлачёва – лето 1986 г. – февраль 1988 г. Несмотря на малое количество созданных песен, этот период, по мнению Гаврикова, можно считать одним из ключевых, так как именно в это время формируется образ «поэта-филолога», который снимает с себя груз культа «рок-мессии». Фактически именно на этом этапе происходит возврат к прежней «поэтологической» тематике, которой уже не суждено было воплотиться в стихах и песнях.

Развивая ставшую уже хрестоматийной мысль о том, что песня как живое смысловое единство живет в ряде исполнений, Гавриков исследует поэтику Башлачёва как вариативную, показывая, как изменения в вариантах реорганизуют смысловое пространство песни. При этом исследователь не просто фиксирует отдельные сдвиги и разночтения, но находит в системе вариантов закономерности. Так, в главе доказываемся, что вариантные изменения песен связываются с пятью тенденциями: материализация песни, «прикрепление» выступления к конкретной дате, башлачёвская «соборность», персонализация предметов и эсхатологические предчувствия. Именно скольжение песен относительно этих смысловых координат и обуславливает варианты их текстов.

Такой подход позволяет выйти в сферу «сверхтекстовых» смыслов и верифицировать их авторскую трактовку. Жест («мимический маркер» в терминологии Гаврикова), сопровождающий строго определенные «участки» текста, оказывается своеобразным «хэштегом», который семантически собирает текстовые элементы в единое смысловое поле. Так, Гавриков показывает образование таких авторских полей, где смыслы как бы интерферируют, разливаются, формируя устойчивую систему личностных значений. Таким смысловым единством, например, оказывается цепочка «Бог – звезды – гости – яблони – любовь», каждый из элементов которой связывается при исполнении с мимическим жестом поднятых глаз, что указывает на их включение в иномирное пространство.

Краткость жизненного и творческого пути Башлачёва с лихвой исчерпывается его интенсивностью. Эта интенсивность выражается и в том, что в разные периоды творчества поэт использовал устойчивые мотивно-образные кластеры, которые в каждом новом контексте по-разному реализовывались. Гавриков полагает, что важным «скрепляющим» элементом таких кластеров становится стержневой сюжет циклического типа, соотношенный с временными циклами.

С позиции исходного матричного сюжетного прообраза он рассматривает ряд песен, показывая, как они сцеплены друг с другом в контексте сюжетного сверхъединства. Более детально идея такого метасюжета рассматривается в следующих главах монографии.

Так, во второй главе работы *«Пространство в творчестве Башлачёва»* исследователь обращается не только к пространству, но и к времени, доказывая, что удивительная смысловая спаянность художественного мира Башлачёва реализуется и на уровне хронотопа, который оказывается фундаментом этой цельности. Структура башлачёвского хронотопа, полагает автор, базируется на библейско-евангельской модели. В соответствии с этой

моделью Гавриков выделяет три темпоральных типа: линейно-историческое время, эническое время (включающее в себя архетипы-инварианты событий) и постапокалипсическое время.

Пространственная модель в ее вертикальном измерении также оказывается трехчастной. Этот тип пространственной организации Гавриков обнаруживает в дилогии Высоцкого «Очи черные» и песне Башлачёва «Мельница»: дорога к гиблому месту – пребывание в гиблом месте – исход из гиблого места. Действительно эти тексты в их пространственной организации демонстрируют удивительное типологическое сходство (мотивированное, по мнению автора, апелляцией к православию), хотя, по-видимому, этот пространственный архетип крайне распространен в русской поэзии, можно даже сказать, что он является ее своеобразным топосом.

В третьей главе книги «*Время в творчестве Башлачёва*» автор рассматривает проблему времени вне зависимости от хронотопа. Утверждая, что идея времени тесно связывается с эсхатологическим мифом, Гавриков показывает, как суточный и сезонный циклы (вечер – ночь – утро/зима – весна – лето) проецируются на эсхатологический сюжет конца времен.

Вступая в спор о личной религии Башлачёва, исследователь называет его религию «филологической». Корни таких «религиозных» представлений следует искать в трактовке Башлачёвым Слова. Реконструируя логоцентрическую модель Вселенной Башлачёва, Гавриков объясняет его корнесловие с позиции бытийного сюжета, базирующегося на библейской онтологии. Этот онтологический сюжет рассматривается на примере ряда текстов, пронизанных одной концепцией времени. Здесь Гавриков выявляет основные образно-мотивные приметы этого скрытого сюжета (*ливень, хождение по воде, гром*), доказывая, что все они связаны общей семантикой *очищения и нового рождения*.

Отдельное внимание уделяется темпоральным моделям, которые также, как полагает исследователь, включаются в указанное сюжетное единство. Эти модели «расположены» не атомарно, взятые в совокупности с творческими этапами, они организуют эсхатологическую сюжетную целостность: круговое время разрешается в спиральное, спиральное разрешается в «великий канун», что окончательно разрушает круговой временной цикл.

В заключительной главе «*Эсхатология в творчестве Башлачёва*», название которой прямо соотносено с ключевой темой книги, рассматривается эсхатологический миф Башлачёва, связанный с концепциями Слова, Пространства и Времени, рассмотренными в предыдущих главах монографии. Здесь, таким образом, подводится своеобразный аналитический итог.

Гавриков последовательно доказывает, что башлачёвское «Имя Имен» может быть соотносено с целым веером философских концепций от восточного Дао до идеи Апокалипсиса. Однако исследователь останавливается именно на библейском и русском пластах данной мифологемы, полагая их смыслообразующими. Отсюда и ключевая идея главы: явление Имени Имен будет обозначать второе пришествие и Страшный суд. В рамках указанного эсхатологического сюжета личная смерть и апокалипсис у Башлачёва смыкаются, и эта «смычка» обуславливает амбивалентное отношение поэта к эсхатологии. Двойственная оценка формирует две эсхатологические концеп-

ции: трагедийного пессимизма (связанного с личной смертью и ужасом) и трагедийного оптимизма (соотнесенного с соборным преодолением личной смерти и выходом к спасению).

Несмотря на общую убедительность авторской концепции, нам все же кажется, что лирика Башлачёва в монографии чрезмерно «христианизируется». Возможно, что речь следовало бы вести не о прямых религиозных паттернах, но о культурных основах, сопряженных с православным кодом, органичным для русской культуры (хотя, справедливости ради, отметим, что в отдельных случаях этот «культуроориентированный» аспект автором подчеркивается).

В общем же книга Гаврикова представляет собой целостное и системное исследование поэтики и эстетики Башлачёва, ведущееся с единых методологических позиций. Отдельно хочется отметить язык книги – ясный, без терминологических излишеств, но и без упрощений. Композиция книги структурирована в соответствии с исследовательскими задачами. Все это позволяет представить поэтику Башлачёва как структурное единство, данное в смысловых вариациях.

Сведения об авторе:

Темиришина Олеся Равильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова. ORCID: 0000-0003-0127-6044. E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

Bio note:

Olesya R. Temirshina, Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor of the Department of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboedov. ORCID: 0000-0003-0127-6044. E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-838-844

УДК 081

**Медиатекст: нужна ли смена
исследовательских и лингводидактических парадигм.
Рецензия на книгу:
Panasenko N., Greguš L. Media text in the mirror of linguistics.
Prague: Wolters Kluwer ČR a.s., 2022. 166 p.**

Э.Г. Куликова

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Ростовский государственный экономический университет,
Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69*
✉ kulikova_ella21@mail.ru

Аннотация. Рассматривается учебник, предназначенный для студентов, обучающихся по специальностям «Журналистика», «Лингвистика» и смежным гуманитарным направлениям. Текст учебника разделен на три главы, которые снабжены репрезентативным иллюстративным материалом, а также проанализированными с применением комплекса адекватных приемов, предлагаемых авторами, медиатекстами из современных англоязычных СМИ. Лингводидактический потенциал учебника состоит в возможности использования его материалов в различных курсах, посвященных проблемах экологии языка, в том числе экстраполяции лингвоэкологических принципов на структурную и семантическую организацию медиатекстов, которые репрезентируются в различных коммуникативных сферах, условиях, ситуациях.

Ключевые слова: медиатекст, художественный текст, медиалингвистика, журналистика, семантика, прагматика

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 3 сентября 2022 г.; откорректирована 17 сентября 2022 г.; принята к публикации 1 октября 2022 г.

Для цитирования: Куликова Э.Г. Медиатекст: нужна ли смена исследовательских и лингводидактических парадигм. Рецензия на книгу: *Panasenko N., Greguš L. Media text in the mirror of linguistics.* Prague: Wolters Kluwer ČR a.s., 2022. 166 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 838–844. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-838-844>

**Media text: is there a need for a change
of research and linguodidactic paradigms.**

Book review:

**Panasenko, N., & Greguš, L. (2022). *Media text
in the mirror of linguistics*. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s.**

Ella G. Kulikova

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Mikluho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

Rostov State University of Economics,

69 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation

✉ kulikova_ella21@mail.ru

Abstract. The author analyzes a handbook for students in the directions of “Journalism”, “Linguistics” and related humanities. The text of the handbook consists of three chapters, provided with representative illustrative material, as well as media texts from modern English-language media analyzed with a set of adequate techniques proposed by the authors. The linguo-didactic potential of the textbook resides in the possibility of using its materials in different courses connected with the problems of the language ecology, including extrapolation of linguo-ecological principles to the structural and semantic organization of media texts represented in various communicative spheres, conditions, situations.

Keywords: media text, literary text, media linguistics, journalism, semantics, pragmatics

Acknowledgements and Funding. The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07001 “Linguoecological parameters of intercultural communication in post-Soviet space”.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 29, 2022; revised June 14, 2022; accepted June 30, 2022.

For citation: Kulikova, E.G. (2022). Media text: Is there a need for a change of research and linguodidactic paradigms. Book review: Panasenko, N., & Greguš, L. (2022). Media text in the mirror of linguistics. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 838–844. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-838-844>

Появление учебника представляется весьма своевременным, поскольку в современном мире постоянно возрастает интерес к такой сфере, как медиа-коммуникация. Это касается не только исследователей, студентов, аспирантов, но и широкого круга читателей, интересующихся этими проблемами. «Очень важным аспектом представляется научение будущих журналистов на практических примерах, функционирующих в той сфере, где им предстоит работать. Новаторский подход в преподнесении знания реализуется в изучении языка в действии» (Прокофьева, Щеглова, 2020, с. 90).

Рецензируемый учебник представляет собой традиционно структурированный текст и включает все необходимые для такого рода текста элементы: оглавление, введение, три главы, которые значительно отличаются по объему, что обусловлено сложностью рассматриваемых проблем и соответствующими

задачами, стоявшими перед авторским коллективом, а также выводы, список используемой литературы (242 наименования) и принятых в тексте сокращений. Во Введении излагается авторская позиция по анализируемым проблемам, определяется общая направленность учебника, указывается эмпирический материал и обосновывается его выбор, избираются методы исследования с учетом их результативности, включая инструментарий, предлагаемый авторами с опорой на существующую традицию исследования текста.

В первой главе *Text, its definition and approaches to its study. Text and the system of styles*, которую можно считать общетеоретической, закономерно рассматривается понятие *текст* и подходы к его изучению¹ (Barthes, 1975; Chilton, 2009, Гальперин, 1981; Gerke, 2010; Halliday, Webster, 2014; Кухаренко, 2018; Никитина, 2019; Николаева, 2020; Тураева, 1986, 1999; Залевская, 2001 и др.). Авторы учебника достаточно кратко, но емко излагают основные концепции текста, существующие в современной науке о языке. При этом рассматриваются и структурные, и семантические параметры текста, описываются и анализируются различные типы текста и их стилистические характеристики (на основе подразделения стилей на первичные и вторичные). Вторая глава представляется опорной для данного учебника, что достаточно ясно из самого ее названия *Literary text vs. media text: common and distinctive features*. Комплекс рассматриваемых вопросов закономерно потребовал деления именно этой главы на параграфы. Обращение к художественному тексту вполне объяснимо и подтверждается еще и тем, что в лингвокультуре сначала формируются и создаются художественные тексты, а уже позднее публицистические, что определяет особый статус художественных текстов, которые служат своеобразной моделью для публицистических. Конечно, на более поздних этапах развития лингвокультуры взаимодействие этих текстов становится все более сложным, что приводит к формированию новых типов текста, в том числе синкретичных по своей природе. Кроме того, и по мнению авторов учебника, и по нашему мнению, понятие *медиа́текст* представляется более широким по объему и типам текста, чем публицистический текст. Авторский коллектив предпринимает успешную попытку определения интегральных и дифференциальных признаков художественного текста и медиа́текста. При этом последовательно рассматриваются структурные и семантические текстовые категории, учитывается разнообразие точек зрения по этому вопросу. На наш взгляд, особый интерес представляет рассмотрение категории модальности и как текстовой, и как реализующейся на уровне предложения, поскольку для любого текста значимой является триада категорий *персональность – модальность – темпоральность*. Дискуссионным остается вопрос об иерархии этих категорий, но модальность (при любом ее понимании) способна задавать некое направление интерпретации текста в соответствии с авторским замыслом. Далее анализируются монологический и диалогический типы текста, рассматриваются основные виды монологического текста (повествование, описание, рассуждение), обобщаются представления о системе речевой и интеллекту-

¹ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 201 с.

альной деятельности человека в развитии монологического мышления, которая реализуется как в художественном, так и в медиатексте. Авторы справедливо отмечают, что: If we consider any text, literary or media, we will see that different FSTs of speech are mixed in them, while 'pure' descriptions or reasonings are scarce. In the text, narration is often opposed to description by meaning, structure and modality (Panasenکو, Greguš, 2022, p. 87). Особо рассматриваются журналистские сообщения, то есть, по сути, медиатексты аналитического типа. Как известно, такого типа тексты базируются на рациональном подходе и аргументации с использованием комплекса разнообразных риторических приемов. Авторы последовательно анализируют разновидности аналитических медиатекстов, отмечая и особенности репрезентации инфографики. Далее закономерно описываются особенности медиатекстов эмоционального типа, при этом устанавливаются корреляции функциональных типов речи и жанров медиатекста. Авторы справедливо отмечают, что в качестве категориальной доминанты в таких текстах выступает эмотивность. Каждая из разновидностей такого типа сопоставляется с текстами аналитическими. Все указанные выше медиатексты, как известно, относятся к монологическим. Диалогические медиатексты, думается, являются более сложными с точки зрения структуры, что определяет необходимость их рассмотрения уже на основе освоенных обучающимися монологических медиатекстов. В качестве основного жанра диалогического медиатекста вполне закономерно рассматривается интервью, уточняется специфика таких медиатекстов в британских и американских медиа. Каждый из параграфов второй главы снабжен репрезентативным иллюстративным материалом именно из англоязычных медиа, что позволяет, на наш взгляд, использовать рецензируемый учебник в качестве дополнительного и в курсах английского языка для студентов, обучающихся по направлению «Журналистика» и смежным гуманитарным направлениям. Обобщая материалы этой главы, авторы закономерно констатируют: The results of our study show that the most important for media texts are the following categories: structural (cohesion, coherence, segmentation) and semantic (acceptability, addressability, anthropocentricity, emotivity, evaluation, informativity, intertextuality, literary time and temporality, literary space, modality and situationality) (Panasenکو, Greguš, 2022, p. 142).

Заключительная глава *Media text: definition, typology and analytical approaches* представляет собой своеобразную смысловую доминанту рецензируемого учебника: медиатекст рассматривается с точки зрения дефиниций понятия, статуса, типологии, параметризации, сфер бытования. В соответствии с жанром в этой главе сопоставляются существующие в лингвистике точки зрения на заявленную проблему. Закономерно отмечается поликодовость и полисемантичность медиатекстов, вариативность их интерпретации адресатом, поскольку такие тексты предполагают определенное сотворчество, в первую очередь, на этапе их восприятия. Описывая эти особенности, авторы отмечают: The idea of transmitting information from the broadcaster to the recipient through a communication channel denied the recipient the possibility of modifying the information content or participating in its interpretation (Panasenکو, Greguš, 2022, p. 125).

В этом аспекте особый интерес представляют медиатексты, репрезентированные в интернет-пространстве, поскольку такого рода тексты для адресата могут образовывать различные гипертексты, соотносясь с другими, близкими по тематике медиатекстами и/или текстами комментариев. Как известно, медиатексты отличаются разнообразием видов и динамичностью, включают блоги, YouTube-каналы, RuTube-каналы, определенную часть TikTok-материалов и т. д., которые в соответствии с российским законодательством отнесены к сфере медиа со всеми правами и обязанностями авторов таких текстов. При этом, как отмечают исследователи, достаточно часто медиатексты не могут быть отнесены к профессиональным с точки зрения выбора лингвистических средств: «Навыки профессиональной речи здесь практически отсутствуют: профессионал речи осознанно выстраивает речь в соответствии со своей стилиевой концепцией и контролирует ее. Именно профессионал обеспечивает стабильность как печатной, так и устной речевой среды. Многочисленные авторы YouTube-каналов, как правило, владеют лишь одной стихийно сложившейся манерой речевого поведения, которая может нравиться или не нравиться аудитории, однако в любом случае о речевом профессионализме говорить не приходится» (Коньков, Соломкина, 2021, с. 432). Тексты достаточно подробно анализируются, особым достоинством можно считать успешное использование параграфических средств.

Параграфемика всего учебника в целом заслуживает одобрения: в учебнике представлена логичная система рубрикации и шрифтовых и цветовых выделений. Используемый комплекс параграфических средств можно рассматривать как новаторский компонент исследовательского инструментария, на что указывают и сами авторы: To show how various categories are instantiated in media texts, we use authentic newspaper materials and apply different colours in marking them. We believe that the applied value of our book lies in numerous examples from print media accompanied by their detailed linguistic analysis (Panassenko, Greguš, 2022, p. 142). Как видим, предлагаемый учебник аккумулирует достижения, которые уже имеются, однако обладает и существенной новизной.

Целевая установка данного учебника состоит в том, чтобы исключить механическое заучивание материала, поскольку содержит примеры анализа медиатекстов по тем или иным признакам в соответствии с разделом учебника. Учебник написан в русле сложившихся традиций, при этом отличается не только подбором современного аутентичного эмпирического материала, но и продуманной его подачей даже на уровне параграфемики, а следовательно, и визуализации. Таким образом, целевую установку учебника можно сформулировать как теоретико-практическую, что должно сказаться на результатах обучения. Сами авторы в Заключении формулируют цель учебника следующим образом: As far as the aim of our research has been to make a comparative analysis of literary and media texts, specifying their common and differential features, we concentrated on different approaches from linguistic and media specialists' points of view. The graphic means we use make the analyses clear, legible and useful not only to students majoring in linguistics or media and communication studies but also to academics who would like to go into researching media texts or find new ways of doing so (Panassenko, Greguš, 2022, pp. 142–143).

Кроме того, учебник подходит и для тех, кто овладевает курсом по преимуществу самостоятельно (для студентов-заочников, студентов, обучающихся по сокращенным программам, а также по программам инклюзивного обучения).

Учебник адаптирован к современным образовательным технологиям, в том числе цифровым, написан на высоком теоретико-методическом уровне и имеет бесспорное прикладное значение. Кроме того, лингводидактический потенциал учебника состоит в возможности использования его материалов в различных курсах, посвященных проблемам экологии языка, в том числе экстраполяции лингвоэкологических принципов на структурную и семантическую организацию медиатекстов, которые репрезентируются в различных коммуникативных сферах, условиях, ситуациях. Особого внимания заслуживает возможный анализ вариативности интерпретаций медиатекстов адресатами при межкультурной коммуникации в лингвоэкологическом аспекте. Значимость такого рода исследований определяется, в частности, в трудах Г.Г. Хазагерова, в которых раскрываются проблемы установления корреляций современной риторики и лингвоэкологии, отмечается необходимость интенционального обучения созданию разного рода прагматически качественных текстов, создание для этого специальных программ или школ. «А где учат тому, как гармонизировать эффективность речи с дальними целями говорящих?» (Хазагеров, 2020, с. 7). Но поставленный им вопрос практически является риторическим. По нашему мнению, в рецензируемом учебнике представлена интересная совокупность приемов анализа текста, дальнейшая разработка которой позволит успешно формировать и совершенствовать метапредметные умения студентов с учетом смежных курсов, таких как стилистика и литературное редактирование, экспрессивная стилистика, риторика, лингвоэкология, экологическая лингвистика и др., которые необходимы не только филологам, но и журналистам и специалистам по медиакоммуникации.

Список литературы

- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 177 с.
- Коньков В.И., Соломкина Т.А. Коммуникативный статус профессиональной журналистской речи в русскоязычной медийной среде // Русистика. 2021. № 4. С. 419–435. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-419-435>
- Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Ленинград: Просвещение, 1979. 192 с.
- Никитина Е.С. Смысловый анализ текста: психо-семиотический подход. М.: Ленанд, 2019. 197 с.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры. 2000. 680 с.
- Прокофьева Н.А., Щеглова Е.А. Информационная платформа «Медиалингвистика XXI век» как образовательный и профессиональный ресурс // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2 (51). С. 89–96.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія: Філологія. 1999. № 2. С. 17–25.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
- Хазагеров Г.Г. Риторический манифест. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовской риторической школы, 2020. 45 с.
- Barthes R. The pleasure of the text. New York: Hill and Wang, 1975.

- Chilton P. Text linguistics // English language. Description, Variation and Context. Lancaster University, Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 170–185.
- Gerke J. Plot versus character: A balanced approach to writing great fiction. Cincinnati: Writer's Digest Books, 2010.
- Halliday M.A.K., Webster J.J. Text linguistics: The how and why of meaning. Sheffield – Bristol: Equinox Publishing, 2014.
- Panasenko N., Greguš L. Media text in the mirror of linguistics. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s., 2022.

References

- Barthes, R. (1975). *The pleasure of the text*. New York: Hill and Wang.
- Chilton, P. (2009). Text linguistics. *English Language. Description, Variation and Context* (pp. 170–185). Lancaster University, Palgrave Macmillan.
- Galperin, I.R. (1981). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Gerke, J. (2010). *Plot versus character: A balanced approach to writing great fiction*. Cincinnati: Writer's Digest Books.
- Halliday, M.A.K., & Webster, J.J. (2014). *Text linguistics: The how and why of meaning*. Sheffield, Bristol: Equinox Publishing.
- Khazagerov, G.G. (2020). *Rhetorical manifesto*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov Rhetorical School. (In Russ.)
- Konkov, V.I., & Solomkina, T.A. (2021). The communicative status of professional journalistic speech in the Russian-speaking media environment. *Russian Language Studies*, 19(4), 419–435. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-419-435>
- Kukhareno, V.A. (1979). *Text interpretation*. Leningrad: Prosveshcheniye Publ. (In Russ.)
- Nikitina, E.S. (2019). *Text semantic analysis: Psychosemiotic approach*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.)
- Nikolayeva, T.M. (2000). *From sound to text*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury Publ. (In Russ.)
- Panasenko, N., & Greguš, L. (2022). *Media text in the mirror of linguistics*. Prague: Wolters Kluwer ČR a.s.
- Prokofieva, N.A., & Shcheglova, E.A. (2020). Information platform “Media Linguistics XXI Century” as an educational and professional resource. *Chelyabinsk Humanitarian*, 51(2), 89–96. (In Russ.)
- Turayeva, Z.Ya. (1986). *Text linguistics*. Moscow: Prosveshcheniye Publ. (In Russ.)
- Turayeva, Z.Ya. (1999). Text linguistics at the end of the second millennium. *Bulletin of Kiev Linguistic University. Series: Philology*, (2), 17–25. (In Russ.)
- Zalevskaya, A.A. (2001). *Text and its understanding*. Tver: Tver State University. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов; заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет. ORCID: 0000-0002-5305-8789. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Bio note:

Ella G. Kulikova, Professor, Doctor in Philology, Professor of Mass Communication Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Head of the Russian Language and Speech Culture Department, Rostov State University of Economics. ORCID: 0000-0002-5305-8789. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2022-27-4-845-849
УДК 659.4

**Высший пилотаж в рекламе: парадигмы и парадоксы.
Рецензия на книгу:
*Intartaglia J. La pub qui cartonne! Les dessous des techniques
publicitaires qui font vendre. De Boeck Supérieur, 2019. 148 p.***

М.Г. Шилина

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
Российская Федерация, 115093, Москва, Стремянный пер., д. 36
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9*

✉ marina.shilina@gmail.com

Аннотация. Новая реальность 2022 года для рекламы определяет очевидную точку бифуркации: распад старых и создание новых рекламных альянсов и агентств, свежие законодательные инициативы в сфере интернет-рекламы ведут к радикальной реконфигурации индустриального ландшафта и профессиональных компетенций. При этом постоянные трансформации обостряют интерес к базовым проблемам рекламной коммуникации на уровне концепций и моделей. Впервые в представленной для рецензирования книге автор как профессионал и исследователь решает существенную проблему взаимодействия бренда, потребителя и создателя рекламы. Представленный в книге анализ теории и практики видится максимально точным и убедительным с точки зрения не только рекламных технологий, но и социальной психологии, нейропсихологии, когнитивистики, что вполне закономерно, поскольку профессор Интарталья является одним из ведущих европейских исследователей в сфере нейрокоммуникации. Книга представляет несомненный интерес как для теоретиков, так и для практиков коммуникации и рекламы.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, теория коммуникации, когнитивные технологии, поведенческая экономика, эффективность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23 августа 2022 г.; откорректирована 12 сентября 2022 г.; принята к публикации 30 сентября 0000 г.

Для цитирования: Шилина М.Г. Высший пилотаж в рекламе: парадигмы и парадоксы. Рецензия на книгу: *Intartaglia J. La pub qui cartonne! Les dessous des techniques publicitaires qui font vendre. De Boeck Supérieur, 2019. 148 p.* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 845–849. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-845-849>

**Aerobatics in advertising: paradigms and paradoxes.
Book review:
Intartaglia, J. (2019). *La pub qui cartonne! Les dessous
des techniques publicitaires qui font vendre. De Boeck Superieur***

Marina G. Shilina

*Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanniy Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation
Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation
✉ marina.shilina@gmail.com*

Abstract. In 2022, the new reality provokes an obvious bifurcation point for advertising: the collapse of old and the creation of new advertising alliances and agencies, fresh legislative initiatives in the field of online advertising are leading to a radical reconfiguration of the industrial landscape and professional competencies. At the same time, constant transformations exacerbate interest in the basic problems of advertising at the level of concepts and models. For the first time, the author solves (as a professional and researcher) a significant problem of interaction between a brand, a consumer and an advertising creator. The presented analysis of theory and practice seems to be the most accurate and convincing not only from the point of view of advertising technologies, but of social psychology, neuropsychology, cognitive science. It is quite natural, since Professor Intartaglia is one of the leading European researchers in the field of neurocommunication. The book is of undoubted interest for both theorists and practitioners of communication and advertising.

Keywords: advertising, communication theory, cognitive technologies, behavioral economics, efficiency

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 23, 2022; revised September 12, 2022; accepted September 30, 2022.

For citation: Shilina, M.G. (2022). Aerobatics in advertising: paradigms and paradoxes. Book review: Intartaglia, J. (2019). *La pub qui cartonne! Les dessous des techniques publicitaires qui font vendre. De Boeck Superieur*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(4), 845–849. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-845-849>

Что значит быть успешным рекламистом? Конечно, уметь создавать рекламу, которая ударно продает! И покупатели, и профессионалы рекламы знают точно: реклама высокого полета – это привлекательно, ярко, оригинально, умно. Однако почему-то лишь немногие рекламисты-профи демонстрируют высший пилотаж, вовлекая бренд и аудиторию в коммуникацию, чтобы подтолкнуть покупателя именно к тому решению, которое нужно заказчику.

Отметим, что «подталкивание», наджинг (англ. nudging) как теория (Kahneman, Tversky, 1992; Thaler, 1980), а также технология менеджмента (Ebert, Freibichler, 2017) и продвижения бренда (Писарский, 2021) в современной поведенческой экономике становится ключевой парадигмой (Kahneman, 2011).

Новая реальность 2022 года для рекламы определяет очевидную точку бифуркации: распад старых и создание новых рекламных альянсов и агентств, свежие законодательные инициативы в сфере интернет-рекламы ведут к радикальной реконфигурации индустриального ландшафта и профессиональных компетенций. Однако при этом постоянные трансформации обостряют интерес к базовым проблемам рекламной коммуникации на уровне концепций и моделей.

Существенной проблемой актуальной рекламной коммуникации, которую стремятся решить практики и ученые, становится взаимодействие бренда, потребителя и создателя рекламы – и именно эта базовая модель оказывается настоящим Гордиевым узлом проблем, ведь у каждого актора в рекламной кампании свои собственные цели, задачи, сложности (Shilina, Fedyunin, 2020).

Парадоксально, но до сего дня этот очевидный рекламный феномен – этот «тройной узел проблем» – ни один автор книг по рекламе не попытался рассмотреть с точки зрения каждого из основных участников рекламной кампании, в контексте их взаимодействия. Профессор Жюльен Интарталья из швейцарской Высшей школы ARC исследовал этот феномен в своей книге *La pub qui cartonne! Les dessous des techniques publicitaires qui font vendre* одним из первых.

Автор предлагает читателю присоединиться к поискам параметров и парадоксов «оборотной стороны» рекламы и тех научных и практических решений, которые позволяют не только объяснить сложности, обнаружить инсайты и меседжи брендов, но и понять алгоритмы эффективности современной рекламы.

Профессор Интарталья начинает разговор об инсайтах в успешной рекламе с тщательного анализа наиболее значимых парадигм теории коммуникации и проблем взаимодействия с аудиторией в первой главе книги. Каждый параграф строится на прочном теоретическом фундаменте (что не так часто бывает в книгах о рекламе) и насыщен множеством ярких и интересных кейсов. Отдельная глава дает возможность тщательно изучить механику и технологии, необходимые для эффективной рекламной кампании.

Отметим, что проблема, парадокс – и провал – многих рекламных кампаний и технологий заключаются в том, что, хотя неременная ориентация бренда на своих покупателей – уже давно аксиома, большинство корпораций по-прежнему больше внимания уделяют продукту, а не человеку, который должен этот продукт или услугу купить.

Авторский анализ кейсов во всех разделах книги убеждает, что для профи успешная реклама с точки зрения принятий решения покупателем – дело, требующее знаний не только о самом бренде-заказчике, не только создания точного портрета целевой аудитории, применения инновационных цифровых технологий (поскольку прочие технологии уже не удивляют публику), эмоциогенной визуализации (ибо только сильные свежие эмоции могут вдохновлять покупателя на поступки), но и множества междисциплинарных компетенций.

Представленный в книге анализ видится максимально точным и убедительным с точки зрения не только рекламных технологий, но и социальной психологии, нейропсихологии, когнитивистики, что вполне закономерно, поскольку профессор Интарталья является одним из ведущих и весьма продуктивных европейских исследователей в сфере нейромаркетинга (см., например, его последнюю работу: Intartaglia, 2022).

Анализ кейсов позволяет с новых позиций увидеть и оценить основные актуальные проблемы брендов и их рекламные стратегии. Например, многие компании по-прежнему продолжают воспринимать рекламу и продвижение в целом как возможность демонстрации преимуществ бренда, а в контексте решения насущных социальных проблем. Подобные стратегии, особенно в современных сложных условиях новой реальности, неопределенности и изменений, переизбытка товаров и информационного шума, все реже привлекают аудиторию – и, как правило, не работают.

Какая же реклама ударно продает? Профессор Жюльен Интарталья, исследуя проблемы и парадоксы современной теории коммуникации, бренда и аудитории, профессиональной рекламы и непосредственно креатора-рекламиста, находит нужные и оригинальные теоретические и практические решения для эффективной рекламы. Автор демонстрирует высший пилотаж исследователя, предлагая весьма оригинальный собственный угол зрения (отмечу, что буквальный перевод названия каждой главы связан именно с концепцией «угла зрения», что образно передает широкий, и при этом точно сфокусированный взгляд ученого на теоретические модели и практические механизмы рекламы).

Книга написана ярко, эмоционально, образно. Структура работы сбалансирована. Несмотря на то что, взглянув на содержание, читатель может предположить, что первая глава, в которой представлены не только теоретические эскизы автора, но проанализированы десятки кейсов, слишком масштабна, однако дальнейшее вдумчивое чтение и анализ текста приводят читателя к выводу, что выбранная автором несколько несимметричная композиция не случайна – она лишь укрепляет методический фундамент исследования. Фундированность исследования как такового при этом несомненна.

Книга отражает как четкий авторский взгляд (это – всегда конкретный угол зрения), так и авторский научный темперамент, что крайне редко встречается в опусах в сфере креативных индустрий. Согласитесь, авторы даже в сфере коммуникаций и креатива практически никогда «не видны» за своими текстами, которые будто написаны под серую копиру. Однако для теоретика и практика в сфере рекламы и маркетинга, для человека, который создает концепции и модели рекламной коммуникации, анализирует и создает креативы, крайне важны не только IQ, но и EQ. К примеру, в тексте много красочных эмоциональных высказываний и восклицательных знаков – их точно больше, чем знаков вопросительных (и, кажется, даже больше, чем точек или запятых). Конечно, это обусловлено ярко заявленной темой исследования рекламы, которая бьет точно в цель! И в итоге образ автора – яркого ученого, личности и креатора – становится важной составляющей самого текста.

Кстати, профессор Интаргалья на мой вопрос, что для него значит профессия рекламиста и работа исследователя рекламы, ответил по-галльски темпераментно и не задумываясь: «Это – моя страсть!».

В книге представлены в основном примеры практик франкоязычных стран: Франции, Швейцарии, Канады. Но именно сегодня особенно интересно взглянуть на этот опыт ученому и профессионалу в России – чтобы лучше понять лучшие исследовательские и профессиональные практики рекламы, когнитивные парадоксы взаимодействия бренда и аудитории, и, несомненно, расширить свои творческие горизонты. Отрадно, что появляются работы такого уровня: это книга для тех, кто готов к высшему пилотажу в сфере рекламы.

Список литературы / References

- Ebert, Ph., & Freibichler, W. (2017). Nudge management: Applying behavioural science to increase knowledge worker productivity. *Journal of Organization Design*, 6(4), 4–18. <http://doi.org/10.1186/s41469-017-0014-1>
- Intartaglia, J. (2022). *Neuro-communication: Le cerveau sous influence*. De Boeck Superieur.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Farrar, Straus and Giroux.
- Pisarsky, I.V. (2021). Nudging as an instrument of loyalty to an increased pandemic. In A.D. Krivonosov (Ed.), *Russian PR: Trends and Drivers: Collection of Scientific Papers* (issue 13, pp. 96–102). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. Писарский И.В. Наджинг как инструмент лояльности в контексте пандемии // Российская пиарология: тренды и драйверы: сборник научных трудов / ред. А.Д. Кривонов. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. Вып. 13. С. 96–102.
- Shilina, M., & Fedyunin, D. (2020). Understanding advertising in modern Russia: Role, functions, and problems. In S. Davydov (Ed.), *Strategic Communication in Russia*. Routledge.
- Thaler, R. (1980). Toward a positive theory of consumer choice. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 1(1), 39–60.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1992). Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, (5), 297–232.

Сведения об авторе:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Bio note:

Marina G. Shilina, Doctor of Philology, Professor, Plekhanov Russian State University of Economics, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com